European Journal of Humanities and Social Sciences

№ 2 2016

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

Vienna
2016

European Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 2 2016

ISSN 2414-2344

Editor-in-chief Maier Erika, Germany, Doctor of Philology

International editorial board
Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abduzhalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Busch Petra, Austria, Doctor of Economics
Cherniavska Olena, Ukraine, Doctor of Economics
Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences
Khoutyz Zaur, Russia, Doctor of Economics
Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology
Kocherbaeva Aynura Anatolevna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Serebryakova Yulia Vadimovna, Russia, Ph.D. of Cultural Science
Shugurov Mark, Russia, Doctor of Philosophical Sciences
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law

Proofreading Kristin Theissen

Cover design Andreas Vogel

Additional design Stephan Friedman

Editorial office European Science Review
"East West" Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH, Am Gestade 1
1010 Vienna, Austria

Email: info@ew-a.org

Homepage: www.ew-a.org

European Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the "East West" Association GmbH home page at: http://www.ew-a.org.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

East West Association GmbH is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.
Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Journalism

Barlybayeva Saule,
doctor of historical science,
professor al-Farabi Kazakh National University
E-mail: tv.headmaster@gmail.com

Convergence journalism — journalism of new time

Abstract: The "convergence" became of synonym main transformation in the media sphere. The modern industry of mass communication go to more integration with telecommunication, broadcasting section, information technologies. This interaction of different kind of mass media to other is definition a modern convergence journalism.

Keywords: modern journalism, new media, multimedia journalist, convergence editorial office.

Барлыбаева Сауле,
д. и.н., профессор КазНУ им.аль-Фараби
E-mail: tv.headmaster@gmail.com

Конвергентная журналистика — журналистика нового времени

Аннотация: Понятие «конвергентность» становится синонимом магистральных преобразований в медиасфере. Современная индустрия средств массовой информации движется ко все большей интеграции с телекоммуникационным, вещательным секторами, информационными технологиями. Это взаимовлияние и взаимопроникновение одних видов СМИ в другие и определяет современную конвергентную журналистику.

Ключевые слова: современная журналистика, новые медиа, мультимедийный журналист, конвергентная редакция.

Современное общество развивается на основе современных систем коммуникаций и средств связи, оно способно накапливать и распространять важную научную, техническую, художественную и иную информацию. Эти достижения создают возможности для развития информационных сетей, для развития современной журналистики.

В недалеком будущем примерно три четверти населения будет занято в области информации и в областях, связанной с коммуникацией. Все чаще в мультимедийному обращению направляется различная информация: аудиовизуальная, акустическая, вычислительная, оптическая, изобразительная, художественная, сценическая и другая.

Информационно-технологическая революция активизировала внедрение и развитие новых медиа, средств массовой коммуникации. В Казахстане как и во всем мире быстро развиваются: социальные сети, Интернет, кабельно-спутниковое ТВ, мобильная телефония, растет количество Web-изданий, получает распространение цифровое вещание. Новые медиа первыми реагирует на вызов времени, стремясь соответствовать новым возросшим требованиям и запросам многочисленной аудитории.

Многие исследователи приходят к общим характеристикам новых медиа. Во-первых, они «привязаны» к экрану. Во-вторых, они предлагают одновременно текст, звук, видеоизображение, как статичную картинку, так и движущиеся образы. Новые медиа в той или иной степени интерактивны.

В расширяющемся медиа пространстве печать, аналоговое радио и телевидение воспринимаются как «старые», традиционные СМИ, новые каналы доставки информации и сама информация, основанные на дигитализации (переход на цифровой формат), определяются как «новые медиа».

Современная индустрия СМИ движется ко все большей интеграции с телекоммуникационным, вещательным секторами, информационными технологиями. В результате создается новый интегрированный рынок, на котором неразрывными связями скрепляются мультимедийные услуги, сетевое обслуживание, создание программных продуктов.

Модели изменения медиа-систем в Казахстане и за рубежом становятся похожими, а тенденция глобализации играет в этом процессе не последнюю роль. Создание различных медийных информационных контекстов требует особого умения, профессионального мастерства. Мобильность, мультимедийность, интерактивность, универсальность, многофункциональность — вот ключевые слова современной журналистики, которая постепенно

становится — конвергентной. Само понятие «конвергентной журналистики» появилось в начале XX1 века.

В настоящее время идет тенденция «конвергенции» — объединения, слияния в единое целое и коммуникационных технологий, рынков, и самих средств информации, бытовой и профессиональной техники. Конвергенция (от лат. «convergere» — приближаться, сходиться) означает «схождение», «сближение», что в контексте медийных реформ обеспечивает разным типам СМИ новое концептуальное взаимодействие с учетом их организационно-структурного сближения или полного слияния, включая формирование новых управленческих методик для оперативного создания оригинального информационного продукта с целью его размещения в различных медийных средах и захвата внимания потенциальной аудитории» [1].

Исследователь С. Л. Уразова выявляет ряд характеристик, обусловливающих преобразования медийного рынка, которые показывают причинную связь возникновения конвергентных процессов. Вот некоторые из них:

1. Смена мономедийной среды на мультимедийную.

2. Замена классификационного названия медиа — из СМИ они трансформируются в средства массовой коммуникации.

3. Возникает новая форма коммуникации — интерактивность.

4. Процессы глобализации с учетом использования современных цифровых технологий изменяют параболу распространения информационного продукта [2].

Профессор Г. П. Бакулев отмечает, что «происходит передача функций одних масс медиа другим, «перемена ролей» у разных каналов коммуникации, появляется возможность получать одинаковое содержание по разным каналам. В результате радикально меняются прежние представления о каналах коммуникации и информации. Сближение различных медиа, появление общих для разных каналов содержательных продуктов ведет к рождению новых интегрированных жанров [3].

Интернет и сетевые технологии послужили толчком для развития конвергентной журналистики, новых средств массовой коммуникации и изменили медиа ландшафт XX1 века. Конвергенция — это и слияние рынков, и технологий, и разных видов массовой коммуникации, и производство медийного продукта.

Электронные средства массовой информации предлагают разное интерактивное взаимодействие пользователя и производителя, а также распространителя содержания. В настоящее время работа журналистов стала оперативной, мобильной. Читатель, слушатель и зритель может обратиться с любым вопросом к создателю контента, к журналисту, модератору, телевизионному и радио журналисту, послав ему сообщение по электронной почте, по мобильному телефону, по Интернету. Эта обратная связь стала более эффективной, интерактивной за счет внедрения и бурного развития новых информационных технологий, которые облегчили работу журналистов, но предъявили к ним новые технические, мультимедийные требования, новые подходы к творческому процессу, новые формы информационного менеджмента, управления коммуникационным процессом.

Глобальное распространение информации и коммуникации создает возможности для свободного общения на разных уровнях: сетевом, массовом и индивидуальном. Создание различных медийных информационных контекстов требует особого умения, профессионального мастерства.

Все эти данные говорят о бурном развитии новых информационных технологий, об активном внедрении в жизнь казахстанского общества новых медиа, которые непосредственно отражаются на подготовке конвергентных специалистов сегодняшнего дня.

Базовые дисциплины бакалавриата факультета журналистики Казахского Национального университета (КазНУ) им. аль-Фараби «Интернет-журналистика», «Конвергентная журналистика» отражают все новые тенденции в сфере журналистики и массовой коммуникации в мире и в Казахстане, акцентируя свое внимание на развитие сетевой журналистики, новых медиа, социальных сетей, блогосфере, информационно-коммуникационных технологиях в процессе глобализации, дигитализации и конвергенции.

Растет привлекательность объединенных СМИ, увеличивается их капитализация, происходит экономия материальных ресурсов, более эффективное использование творческого потенциала. Конвергентная редакция перспективная форма, новая модель деятельности журналистского коллектива. Она позволяет работу журналистских кадров сделать более оперативной, организованной и продуктивной.

В настоящее время можно выделить два основных направления работы такой редакции: это главенствующая роль координатора, собирающего и распределяющего темы, новости, информацию. А также универсализация репортеров на местах, которые должны уметь собирать информацию для всех видов СМИ: записывать комментарии на аудио и видео носители, писать материалы для Интернет-СМИ и газет, снимать и готовить репортажи для ТВ, для газет и журналов. Это ведет к реальному освоению мультимедийности современного журналиста, способного работать в любом формате масс медиа, но хорошо владеющего определенной тематикой.

Телерадиокомплекс КазНУ им. М. К. Барманкулова на факультете журналистики служит базовой учебно-производственной основой для подготовки конвергентных специалистов, позволяющей приобретать опыт работы в реальной журналистике, создавая условия для скорейшей адаптации студентов к профессиональным требованиям.

Список литературы:

1. Основы медиабизнеса: Учебное пособие для студентов вузов/Под ред. Е. Л. Вартановой. – М.: Аспект Пресс, 2009. – С. 356.
2. Уразова С. Л. Конвергентная журналистика в цифровой медиа среде: Методическое пособие. – М. ИПК, 2010. – С. 11.
3. Бакулев Г. П. Конвергенция медиа и журналистика. – М. ИПК, 2002. – С. 79.

Section 2. Study of art

Jafarova Natavan Eyub,
Baku Academy of Music
Uzeyir Gadzhibeyli, dissertator
Department of music history,
E-mail: bayro@mail.ru

Performing arts as the practice of actual intonation

Abstract: The analysis of concept "Actual intonation" is presented at the article. The musical carrying is certain as the special sort of creative practice, method of fixing, recreation and development of musical experience of man, transition process fixed in the corps of vocal texts and in traditions of their reading of the experience accumulated by a musical art in the terms of its existence, in facilities of activity of musicians, in the charts of their self-affirmation.

Keywords: intonation, performer, music.

Джафарова Натаван Эюб,
Бакинская Музыкальная Академия
имени Узеира Гаджибейли, диссертант
кафедры история музыки,
E-mail: bayro@mail.ru

Исполнительское искусство как практика актуального интонирования

Аннотация: В статье представлен анализ понятия «актуальное интонирование». Музыкальное исполнительство определено как особый род творческой практики, способ закрепления, воссоздания и развития музыкального опыта человека, процесс перехода зафиксированного в корпусе вокальных текстов и в традициях их прочтения накопленного музыкальным искусством опыта в условия его существования, в средства деятельности музыкантов, в схемы их самоутверждения.

Ключевые слова: интонация, исполнитель, музыка.

Основной исполнительской проблемой является «актуальное интонирование», позволяющее не только озвучить вокальный текст, как «произнесенное» конкретным человеком здесь и сейчас, но и представить конкретной публике звучащее как наполненное актуальным смыслом, значимым для настоящего, а потому достойным быть в будущем.

Творческая практика музыканта-исполнителя, с одной стороны, сориентирована на общение с личностью композитора, понимание вокального текста и поиск способов его представления в реальном звучании. С другой стороны, исполнитель не просто воссоздает композиторский продукт, а творит его звуковой эквивалент, играя знаками и смыслами культуры, обращаясь к своим современникам, рассказывая о себе. Это своего рода работа в заданных условиях, которая требует поисков своего решения, своего пути.

Целью статьи является исследование особенностей актуального интонирования в исполнительском искусстве.

Практикой в широком смысле зовутся «различные способы реализации человеческого бытия в разных формах закрепления, воссоздания и развития человеческого опыта, процесс перехода накопленного и накапливаемого опыта в условия их существования, в средства их деятельности, в схемы их самоутверждения» [14, С. 544]. Опираясь на данное определение, можно предположить, что музыкальное исполнительство есть особый род творческой практики. Это способ закрепления, воссоздания и развития музыкального опыта человека, процесс перехода зафиксированного в корпусе вокальных текстов и в традициях их прочтения накопленного музыкальным искусством опыта в условия его существования, в средства деятельности музыкантов, в схемы их самоутверждения.

Практическая деятельность исполнителя является своего рода «реконструкцией» художественного целого по его отдельным, более или менее прописанным деталям. В исполнении также реализуется идея перевода — выучить текст — значит перевести его в движения [2, С. 33]. Это большая работа по достижению искомого результата. Ис-

полнитель осуществляет сознательный выбор в заданных условиях. Благодаря этому становятся возможны поиски своего пути, своего решения.

Р. Якобсон в статье «On translation» видит основную проблему при переводе не в том, чтобы выразить смысл однозначно, а в том, чтобы сохранить неоднозначность исходного языка [16, С. 12]. Звуковая реализация вокального текста также предоставляет слушателю достаточную свободу в толковании художественного образа, столь же многозначного, как и его графический прообраз.

Музыкальное исполнительство относится только к человеческой деятельности, продукт этой деятельности имеет свою продолжительность и «не может быть мгновенным». Ее назначение, в конечном смысле, удовольствие, как самого исполнителя, так и «втянутого» в качестве субъекта общения в игру слушателя.

Процесс исполнения «выключен» из обыденной реальности, одна из его целей воссоздать иной, художественный, мир и пригласить туда публику. Ограниченный вокальным текстом, художественной традицией, исполнитель-музыкант действует в рамках строго заданных «писаных» и «неписаных» правил, образующих определенный музыкально-языковой канон. Однако это не исключает свободу выбора. В каждую историческую эпоху сектор свободы исполнителя изменяется. Но при самой жесткой обусловленности каждый исполнительский акт фактически непредсказуем, никто: ни слушатель, ни исполнитель не знает точно, что именно произойдет в момент исполнения и каков будет его результат — реакция публики. Наконец, для того, чтобы исполнять музыку, необходимо (по крайней мере, на начальной стадии обучения) получать для этого указания от компетентного человека (и не один год).

Интонация в музыкальной науке и практическом музыкантском обиходе означает нечто всем понятное и трудноуловимое. По существу, это и есть качество осмысленности — понимания музыки, ее исполнения [15, С. 7].

Происхождение этого музыкального термина исследователи относят ко времени кодификации папой Григорием Великим в VI веке церковного хорала и создания «Антифонария» для хора и «Кантатория» для сольного исполнения псалмов дьяконом. В рамках «Кантатория» сложились определенные речитативные формы, напевы, декламируемые «на одном тоне «recto tono». Эта единственная нота, на которой звучат все слоги текста, обрамляется очень короткими мелодическими эпизодами, вводным intonation, прерывающим mediatio, заключительным punctum [8, С. 133].

Б. В. Асафьев справедливо утверждал, что «качество вводного тона — один из важнейших стимулов роста европейской музыки и «первый двигатель» европейского синтезированного лада: это стимул лада, его «глагол»» [1, С. 229]. Задолго до Б. В. Асафьева, французский философ Д. Дидро назвал интонацию «питомником мелодии» [6, С. 478].

Вводный тон играет в музыке большую роль. В. М. Розин предполагает, что «музыкальная реальность при своем формировании опиралась на вполне определенный опыт переживания человека. Одна из особенностей этого опыта — связь с … реальностью «Я», другая — обусловленность последующих событий предыдущими или тесная взаимосвязь их… Вероятно, поэтому вводные элементы музыки …, погружающие человека в переживания его «Я», служат проводниками в этой реальности, выступают в роли ее начала и средоточия» [10, С. 25].

По Б. Асафьеву, интонирование — «проявление мысли». «Мысль, чтобы стать звуково выраженной, становится интонацией и превращает в единство, в ритмо-интонацию слова-тона, в новое качество, богатое выразительными возможностями» [1, С. 211]. Представление о музыкальном языке в метафорическом смысле существовало еще со времен И. Канта, назвавшего музыку «языком аффектов». Во второй половине XIX столетия определились актуальные и ныне два различных направления в исследовании музыки. Одно из них связано с именем Г. Римана (1849–1919) и проповедует формально-технический анализ языковых средств музыкального произведения. Другое направление инициировал швейцарский музыковед Э. Курт (1886–1946), предложивший процессуально-динамическую трактовку гармонии, углубленный анализ ее эмоционально-психических особенностей.

Взгляды Б. В. Асафьева близки к взглядам Э. Курта. Интонационная теория Б. В. Асафьева стала основой в изучении музыковедения. Как известно, ему принадлежат и определение музыки как «искусства интонируемого смысла», и определения музыкальной интонации, «интонационного словаря эпохи», «интонационного кризиса». Б. В. Асафьев рассматривал происхождение и развитие музыкальной интонации, ее связь с речевой.

В музыковедении достаточно глубоко разработано сравнение речевой и музыкальной интонации. Впервые мысль о музыке как специфическом языке, исторически и на уровне мировоззрения обеспечивающего связь между композитором и слушателем высказал Б. Яворский. В его понимании музыкальный язык — это уже не метафора, а строгий концепт.

Теория интонации получила широкое развитие. В русле традиции Б. Асафьева и Б. Яворского находится, например, этимологический метод исследования И. Барсовой, которая связывает значение музыкальной интонации с лексемой. В музыкальной интонеме, как и в лексеме, можно выявить ее забытый утраченный смысл, прослеживая судьбу издавна сложившихся музыкальных оборотов — риторических фигур, смысл которых то преображается в контексте, то остается неизменным [15].

Характеризуя широкий круг смыслового содержания интонаций, В. Медушевский подразделяет их на эмоционально-экспрессивные, предметно-изобразительные, музыкально-жанровые, музыкально-стилевые; с точки зрения масштабно-временной интонации подразделяются

на «детализирующие интонации отдельных моментов, интонации отдельных построений и тем, генерализирующую интонацию всего произведения» [7].

В. Холопова добавляет сюда интонации отдельных типизированных в музыке средств (ладогармонические, ритмические, тембровые и др.).

Интонация входит в систему звуковых средств вербального языка наряду с фонемами (во всем многообразии их звуковых реализаций) и словесными ударением. Каждое из этих средств по-разному участвует в выражении смыслового и эмоционального содержания речи. Как и в музыке, интонация является неотъемлемой частью устной речевой практики, становясь объектом изучения в лингвистике. Речевая интонация, как и музыкальная, передает сведения о том, что говорится, кто, как (в каком состоянии) говорит, где (в какой ситуации), кому (какому собеседнику). Если на вопрос «что говорится?» отвечает, безусловно, лингвистика, выявляя семантику интонации, совокупность передаваемых ее значений, то вопросы «как?», и особенно «кто?» говорит и «где?» всегда находились на грани собственно лингвистических интересов [12, С. 9]. Поиски ответа на вопрос «кто говорит?» связаны с распознаванием личности или идентификацией голоса говорящего. Вопрос «как говорит?» открывает перспективу изучения взаимодействий «речи» и «эмоций». Это научное направление внутренне неоднородно. Лингвистика изучает языковые средства выражения конкретных эмоций и их восприятие, отдельно выделяется сфера диагностики психических заболеваний, связанная с изучением речевых патологий. Давно известна связь интонации с эмоциональной сферой правого полушария, конкретно-образного мышления человека [12].

Существует огромное количество определений интонации, отличных друг от друга, как по форме, так и по существу. В работе «Интонационная система русского языка» Н. Д. Светозарова понимает под интонацией «совокупность просодических средств, участвующих в членении и организации речевого потока в соответствии со смыслом передаваемого сообщения» [12, С. 15].

Основоположник функционального подхода к интонации чешский лингвист Ф. Данеш назвал следующие первичные функции интонации:

1) превращать слова (названные единицы) в высказывание (коммуникативные единицы). Интонация — средство создания высказывания. В изолированном высказывании интонация объединяет его элементы. В связном отрезке речи она, кроме того, отделяет высказывания друг от друга;

2) сигнализировать о соотношении темы и речи, а также характеризировать цель высказывания, его эмоциональную наполненность.

В коллективной монографии «Интонация» эмоциональную или экспрессивную функцию интонации исключают из лингвистического описания, концентрируя внимание на функции членения, функции связи, функции передачи смысловых отношений. Интонация обеспечивает организацию и членение речевого потока [12]. Для этого используются знаки препинания, паузы между словами, объединение слов, связанных по смыслу. Разделенные паузами группы слов различны по своим размерам, структуре и степени независимости от соседних групп. Внутри высказывания образуются синтагмы и ритмические группы, между которыми возникают те или иные смысловые связи. Пауза — сигнал членения. Ученые обращают внимание на различие в характере пауз.

К интонационным средствам речи относятся различия ее темпа, интенсивности, мелодического оформления. Сюда же включается понятие логического ударения — «интонационный смысловой центр».

В рамках эмоциональной функции интонации Н. Д. Светозарова выделяет две различные области:

1) эмоциональное значение (сомнение, категоричность, сожаление, вызов, упрек);

2) область общей эмоциональной окраски, эмоциональные состояния, настроения.

В первом случае выявляется языковая специфика, моделируемая сознательно. Во втором выражаемые непроизвольно универсальные значения, непосредственно обусловленные физиологически. Специфические интонационные единицы формируются только в области эмоциональных значений (особые эмоциональные контуры, эмоциональные варианты интонационных конструкций с использованием тембра, длительности и мелодической конфигурации), общая же эмоциональная окраска достигается модификацией всего интонационного рисунка (с использованием различий в темпе и общем уровне интенсивности и высоты).

В семиотическом плане Дж. Остин и Дж. Серл выделяют четыре уровня речевого акта: локуция, пропозиция, иллокуция и перлокуция. Речевой акт как деятельность включает формальную и содержательную стороны. К формальной относятся языковые единицы, содержательная охватывает пропозициональные значения и программические компоненты в виде иллокутивной функции речевого акта. Интонацией обеспечиваются иллокутивные функции высказывания, раскрывающие коммуникативный замысел говорящего, позволяющие оказать воздействие на адресат и вызвать соответствующие замыслу изменения в мире адресата» [13, С. 52].

Реальная языковая практика в современной лингвистике обычно именуется дискурсом. Дискурс возникает как единство процесса языковой деятельности и ее результата, то есть текста. «Текст — статический объект, возникающий в ходе языковой деятельности. Это может быть письменный текст, т. е. последовательность графических символов, а может быть и устный — акустический сигнал, который может быть зафиксирован, например, на магнитофонном носителе» [4, С. 4]. Дискурс связан с наличием «отправителя» и «получателя» информации. Противопоставление роли говорящего и слушающего определяет

в лингвистике два направления исследований. Авторы одного из них занимаются изучением процессов порождения, «синтеза дискурса», авторы другого — занимаются моделированием процессов понимания, «анализа дискурса»). Музыкальное исполнительство в аспекте художественной интерпретации предстает как моделирование процессов понимания (анализа) дискурса. Но музыкальное исполнительство может и должно быть изучено еще и как практика построения (синтеза) дискурса.

Музыкальная исполнительская практика функционирует как устный дискурс и включает, помимо самого текста (исходного — вокального и результативного — акустического), также разворачивающиеся во времени процессы его созидания и понимания. В данной статье за основу принята перспектива «говорящего», поэтому рассматривается процесс создания (т. е. порождения) дискурсивной формы, какой является звучащий музыкальный текст.

Свой опыт интонирования музыкально-исполнительское искусство, прежде всего, накапливает в реальной звуковой практике. Как звуковой феномен музыка образует сложную многомерную структуру. «В нотной же записи количество измерений обычно равно двум — высотному и ритмическому… Лишь изредка присоединяется третье измерение, выраженное в динамических нюансах, — глубина. Эта координата весьма важна для выразительного исполнения, для отделения рельефа от фона» [9, С. 185]. Зафиксированная в вокальном тексте музыка существует как бы «в архиве» на плоскости листа, лишенная бытия в настоящем времени. В сущности, вокальная запись содержит лишь «деловую информацию», художественной ее делает исполнитель. Именно в процессе исполнения музыка актуализируется, обретая в живом интонировании существование во времени.

Иначе говоря, накопленный в письменных носителях музыкальный опыт исполнитель транслирует в «режиме актуальности». В контексте музыкально-исполнительской практики «актуальность» понимается, во-первых, буквально, как звуковая форма бытия музыкального произведения, во-вторых, как специфическое качество исполнительского текста, которое представляет его настоящий, сиюминутный статус, провоцирует вопросы о сегодняшнем и является симптомом конкретного места и времени. Музыкальное исполнительство имеет дело с «зыбким и текучим сейчас», которое «обладает силой лишь тогда, когда оно в состоянии ответить на вызов ускоряющегося времени, а это значит — отказаться от привычного хода вещей, изменить символический и идеологический багаж и, наконец, вписать себя в горизонт настоящего» [11, С. 4]. Музыкант-исполнитель постоянно находится в поиске утраченного вокальным текстом «настоящего», которое становится значимым, лишь пройдя стадию коллективного внимания — все той же актуальности.

Вокальный текст необходимо воссоздать как бы от первого лица. «Необходимо вжиться в материал, сделать его своим собственным опытом, собственным душевным переживанием» [3, С. 9]. Однако это не практика присвоения «чужого» текста, которая чревата банальностью. В банальность можно впасть, даже активно не желая этого. Нужно «быть осторожным — быть на страже красоты. Не красивости. Красивость шаблонна по своей сути. Красота — единична и производит впечатление тогда, когда она, как говорится, к месту. Не бывает красоты вообще, банальность «хороший звук», «артистичное исполнение» [3, С. 10].

Исполнение, превращающее все в банальность, выносит приговор произведениям искусства. Оно «набрасывает покров общих мест на настоящее мгновенье, чтобы исчезло лицо реальности» [5, С. 147–148]. Поэтому музыкант-исполнитель должен быть всегда одержим жаждой конкретности. «Поиски утраченного настоящего, поиски мелодической правды мгновения; желание застать врасплох и поймать эту ускользающую правду; желание проникнуть, таким образом, в тайну непосредственной жизни, которая поэтому и становится одной из самых малоизвестных вещей на свете» [5, С. 140] — именно в этом заключен онтологический смысл музыкально-исполнительского искусства.

Список литературы:

1. Асафьев Б. В. Музыкальная форма как процесс. Кн. 1 и 2/Б. Асафьев. – Изд. 2-е. – Л.: Музыка, Ленингр. отд-ние, 1971. – 376 с.
2. Гессе Г. Игра в бисер/Герман Гессе. – М.: Правда, 1992. – 495 с.
3. Жуков И. Уроки жизни/И. Жуков//Муз. академия. – 2007. – № 1. – С. 39–47.
4. Кибрик А. А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: дис. в виде науч. докл. на соискание … доктора филолог. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка»/А. А. Кибрик. – М.: РАН, Ин-т языкознания, 2003. – 90 с.
5. Кундера М. Нарушенные завещания/Милан Кундера. – СПб: Азбука-классика, 2004. – 285 с.
6. Материалы и документы по истории музыки. В 2 т. Т. 2. XVIII век (Италия. Франция. Германия. Англия)/пер. с итал., фр., нем. и англ. под ред. М. В. Иванова-Борецкого. – М.: ОГИЗ, 1934. – 604 с.
7. Медушевский В. В. Фантазия в культуре и музыке/В. В. Медушевский//Музыка. Культура.Человек: сб. ст./отв. ред. М. Л. Мугинштейн. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. – 224 с.
8. Одер А. Музыкальные формы/А. Одер; пер. с фр. В. Шабаевой. – М.: АСТ Астрель, 2004. – 188 с.
9. Рагс Ю. Н. Эстетика снизу и эстетика сверху –квантитативные пути сближения: исследование/Ю. Н. Рагс. – М.: Науч. мир, 1999. – 245 с.

10. Розин В. М. Исследование музыкальной реальности и выразительных средств музыки/В. М. Розин//Выразительные средства музыки: межвуз. сб. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – С. 6–26.
11. Савчук В. Режим актуальности/В. Савчук. – СПб: С.-Петерб. ун-т, 2004. – 277 с.
12. Светозарова Н. Д. Интонационная система русского языка/Н. Д. Светозарова. – Л.: Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1982. – 176 с.
13. Серл Дж. Открывая сознание заново: пер. с англ. А. Ф. Грязнова/Серл Дж. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 240 с.
14. Современный философский словарь/под общ. ред. В. Е. Кемерова. – [3-е изд., испр. и доп.]. – М.: Академ. проект, 2004. – 858 с.
15. Тараева Г. Интонация – образ, стиль, эпоха/Г. Тараев//30 лет консерваторской науки: науч.-практ. конф. педагогов и выпускников РГК, 1967–1997: тез. докл. – Ростов-н/Д: Тера, 2000. – С. 6–8.
16. Якобсон Р. Работы по поэтике/Р. Якобсон. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.

Tursunaliev Sultan Sharshabekovich,
the expert of military-scientific Department
of the State border service of the Kyrgyz Republic,
E-mail: tursunaliev.sultan@mail.ru

To the question of the adaptation of the Kyrgyz epics in the context of world cinema

Abstract: The study of artistic and aesthetic, figurative-expressive, ideological and philosophical and rational-empirical specifics of the epic songs of the Kyrgyz people, we actualizarea idea of necessary adaptation of national tales in the context of the cinematic incarnations of the Western and Eastern epics, successfully carried out in our days. In the material are understood, the main ideological and artistic aspects of cinematic interpretations of the world of folklore with a view to preserving national and spiritual values a world of epic cultures.

Keywords: epic, Kyrgyz, rational, empirical, coloring, filming, cinematography.

Турсуналиев Султан Шаршабекович,
кандидат философских наук,
эксперт военно-научного отделения
Государственной пограничной службы
Кыргызской Республики
E-mail: tursunaliev.sultan@mail.ru

К вопросу экранизации кыргызских эпосов в контексте мирового кинематографа

Аннотация: В результате исследования художественно-эстетической, образно-экспрессивной, идейно-философской и рационально-эмпирической специфики эпических произведений кыргызов, нами актуализируется идея необходимости экранизации национальных сказаний в контексте кинематографического воплощения западных и восточных эпосов, успешно осуществляемых в наши дни. В материале осмысляются основные идейно-художественные аспекты кинематографической интерпретации мирового фольклора с учетом сохранения национальных духовных ценностей мировых эпических культур.

Ключевые слова: эпос, кыргызы, рациональное, эмпирическое, колорит, экранизация, киноискусство.

Представителям европейских и восточных цивилизаций кыргызский эпос, к сожалению, незнаком, хотя он является воплощением высокого художественного образа нации, породившей десятки крупных эпических произведений. В системе «один народ и остальной мир» сказания кыргызов продолжают играть доминирующую роль и поныне, ибо в поиске диалога с духовными сегментами цивилизаций Востока и Запада, сказовый жанр отражает как исторический «кочевой дух» народа, так и его особый центрально-азиатский тип мышления. Сравнивая особенности этих разных культур, мы однозначно приходим к выводу, что эпос всегда развивался в тандеме науки и искусства. Мировая исследовательская традиция в контакте с видами искусств позволила превратить наиболее известные эпосы в «синтезированный» материал, ставшие объектом мыслительной и художественной обработки.

К примеру, образы Одиссея и Ахиллеса, Зигфрида и Беовульфа, Рамаяны и других мировых эпических персонажей переведены на язык понятий, категорий, идеалов. Это означает, что через логико-понятийный аппарат языческие представления европейцев о мироздании трансформировались в новую рационально-эмпирическую форму. Если ученые Европы в лице Стурлусона (Исландия) [5], братьев Гримм (Германия) [2], Р. Толкиена (Англия) [6; 7], Э. Ленрота (Финляндия) [3] синтезировали свой эпический фольклор, то на Востоке средневековые мудрецы-философы Вальмики (Индия) [1] и Ло Гуаньчжунь (Китай) [4] переработали свои национальные эпические сюжеты. Сегодняшний процесс модернизации мировых сказаний осуществляется средствами киноискусства, чей технократический язык позволяет задействовать весь арсенал научной, художественной и компьютерно-графической мысли. Таков нынче возрождающийся интерес интеллектуальных элит к переосмыслению эпического прошлого, осуществляющемуся по схеме «оригинал-синтез-реконструкция». Основные замыслы и идеи современной экранизации сказового материала заметно отличаются от оригиналов с позиции фабульно-композиционных и причинно-следственных связей, пафоса и архитектоники. Отсутствие богов и культов создает картину наслаивания на языческое полотно ценностей единобожия (христианских, буддистских, исламских). А вот мифо-эпические идеи о доблести, вождизме и чувстве мести соседствуют с духом героев, наделенных новыми разумными и эмпирическими идеями. Поэтому, идейно-художественные достоинства западных и восточных сказаний становятся яркими эстетическими продуктами, при этом сохраняя свой оригинальный национальный колорит. Отсюда всплывает огромный спрос на эпическое кино, переживающее сегодня гигантский бум. В частности, с начала 2000-х годов были экранизированы многие известные эпосы с блестящей режиссерской и сценарной трактовкой. В их число можно отнести следующие картины: «Елена Троянская» Дж. Харрисона (2003 г.), «Троя» В. Петерсена (2004 г.), «Кольцо Нибелунгов» У. Эделя (2004 г.), «Беовульф и Грендель» С. Гуннарсона (2005 г.), «Тристан и Изольда» К. Рейнолдса (2006 г.), «Одиссея: путешествие в подземный мир» Т. Инграма (2008), «Тринадцатый воин» Дж. Мактирнона и М. Крайтона (1998 г., сюжет основан на эпосе «Беовульф»). Далее — «Махабхарата» А. Чхабры, С. Кумара, К. Монга (2013–2014 гг.), «47 ронинов» К. Ринша (2013 г.), «Вишну-Пурана» Р. Чопры (2007 г.), «Герой» Чж. Имоу (2002 г., по древнекитайскому эпосу), «Ангулимала» С. Тунирута (2003 г., по эпосу «Ангулималатхера-гатха»). Сценарии этих эпосов написаны на обработанном материале. Например, сценарий фильма «Властелин колец» П. Джексона (2001–2003 гг.) был создан по роману Р. Толкиена на основе «Беовульфа» и «Старшей Эдды». Ф. Уолш и Ф. Бойенс адаптировали роман к экранизации. Уместно вспомнить, что фильм “Сампо” советского режиссера А. Птушко был создан на основе книг профессора финского языка и литературы Хельсинкского университета Э. Ленрота.

Сказанное выше — вовсе не паллиатив или аппликация. Это позволяет ощутить, что кыргызские эпосы выпадают из западного и восточного ритма, хотя по идейно-философским, художественно-эстетическим, количественно- качественным свойствам они не уступают своим аналогам из «дальнего зарубежья». Одной из причин такого расклада является то, что эпический стиль мышления кыргызов долгое время был «отрезан» от внешнего мира, и только в XIX веке были получены первые сведения. И это несмотря на тот факт, что сегодня кыргызский народ не потерял живой дар сказительства и искусство воплощения эпических сюжетов, в то время как другими нациями это качество теряется. Но благо, что с момента обретения исследовательской традиции проделана колоссальная работа по освоению кыргызских сказаний с точки зрения истории, этнографии, лингвистики, литературоведения, фольклористики. Но, если исходить с позиции логической систематизации, философской аранжировки и синематической интерпретации эпосов, то картина напоминает «целину», которую необходимо осваивать. В этом плане, взоры многих исследователей философского профиля устремлены к кыргызскому эпосу «Манас» в сторону изучения его идейно-философского своеобразия и воплощения в искусстве. И уже небезуспешно сделаны первые шаги в отношении осмысления его мировоззренческой сущности, особенно если учесть тот факт, что он является самым крупным эпосом в мире, включенном к книгу рекордов Гиннеса. Но есть десятки других кыргызских сказаний, которые по своим идейным ресурсам не только не уступают, но порой превосходят тот же «Манас». В этом смысле, западный и восточный опыт показывает хороший пример в отношении обработки разных эпических текстов с позиции кинематографической трактовки рационального и эмпирического содержания сказаний. В итоге образы Одиссея, Ахилесса, Беовульфа, Зигфрида, Рамаяны на языке кино обретают новое смысловое содержание, являясь воплощением культовых фигур не только своей эпохи, но и ярким выражением индивидуализма, перекликающегося с нашим временем. Ведь не секрет, что эпическому герою в преодолении трудностей одной доблести было явно недостаточно. Наверняка, в его сознании, а также в окружающей реальности были разумные и чувственные силы, помогавшие ему в победах. В противном случае, эпический герой, несущий на себе еще бремя правителя, в художественном отношении оставался бы не интересным и бледным, поскольку физической мощью обладали и его враги, которые временами превосходят героя. Однако, лавры победителя достаются именно ему. Следовательно, брутальное могущество и внешняя эпатажность образов не являлись главными ценностями мировых сказаний. Наоборот, умение героя выходить из сложных ситуаций посредством разума, искренние эмоции в отношении к родной земле, обществу, природе, вызываемые глубокими чувствами, установили восхождение

героя к «сияющей высоте» почета и славы. Ибо в новых западных кинокартинах победу одерживает именно герой, а не общество. К сожалению, в Кыргызстане этот мировой опыт и поныне не берется во внимание. Ученые-гуманитарии, режиссеры пока не вышли из советского представления о героизме, в котором общее выше индивидуального. Отсюда, всплывает проблема экранного воплощения образно-эстетического, рационально-эмпирического своеобразия кыргызских эпосов, которая очень актуальна сегодня в плане сближения западных, восточных, центрально-азиатских культур. В этом плане, нами проведено теоретическое исследование рациональных и эмпирических знаний, заложенных в эпическом сознании кыргызов с позиции философских понятий и антропологических ценностей. Результаты наших изысканий дают возможность утверждать, что эпические герои кыргызского народа (Манас, Эр Тоштук, Кокул, Бостон, Сейитбек и др.) в формате киноискусства обрели бы новое толкование. В частности, вместо носителей общинного или соборного сознания, герои трансформировались бы в ярких индивидов, через которых измерялись бы целые эпохи. Это очень созвучно тому, что говорится в заключении фильма В. Петерсена «Троя»: «пусть говорят, что он жил во времена Гектора, пусть говорят, что он жил во времена Ахиллеса». И здесь экранизация кыргызских сказаний расширила бы духовные возможности эпической культуры мира и служила бы хорошим фоном для добротного духовно-интеллектуального представления разных народов друг о друге.

Список литературы:

1. Вальмики. Рамаяна (в изложении Бхакти Викаши Свами). Изд-во Нижний Новгород, 2003. – 451 с.
2. Гримм В., Гримм Я. Детские и семейные сказки/Пер. с нем. Э. Ивановой; Вступ. ст. Б. Лауэра; Ил. О. Убелоде. – М.: NOTA BENE, 2001. – 711 с.
3. Каунконен В. Элиас Леннрот, великий ученый карело-финского народа, «Известия Академии Наук СССР. Отделение литературы и языка», 1952, том 11, выпуск 5.
4. Ло Гуань-чжун. Троецарствие: Роман в 2-х томах/Пер. В. А. Панасюка под ред. В. С. Колоколова. Подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Л. Рифтина. – СПб.: «Наука», 2014. – 1664 с.
5. Стурлусон С. Младшая Эдда/Издание подготовили О. А. Смирницкая, М. И. Стеблин-Каменский. – М.: «Наука», 1970. – 254 с.
6. Толкиен Дж. Р. Р. Властелин колец: трилогия. – М.: АСТ, 2011. – 1104 с.
7. Толкиен Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно. Сказочная повесть. Сказки и стихи. О волжебных сказках. Эссе. – М.: Олма-Пресс, Образование, 2003. – 444 с.

Section 3. History and archaeology

Aghayev Yusif Shukur,
military historian,
E-mail: yusif_agayev@yahoo.com

Art of war of Huns

Abstract: This article is dedicated to the research of art of war of Huns.
Keywords: art of war, huns, nomads, weapons, tactics, strategy, military law.

Агаев Юсиф Шукур оглы,
военный историк из Азербайджана,
E-mail: yusif_agayev@yahoo.com

Военное искусство народа Хунну

Аннотация: Статья посвящена исследованию военного искусства народа Хунну.
Ключевые слова: военное искусство, хунну, кочевники, вооружение, тактика, стратегия, военное право.

Устройство государства кочевников Центральной и Средней Азии отличались от классических форм устройства государств, как на Западе, так и на Востоке. Армия в классическом государстве была одним из столпов государственности, наряду с чиновничьим аппаратом управления, судебными и фискальными органами власти, господствующими над народом, которых народ же своим непосильным трудом и содержал. Если армия в Древнем Китае формировалось за счет воинской повинности, а именно, один из восьми дворов общины давал рекрута в армию, остальные семь дворов поставляли провиант для войска [1, 104]. То у кочевников Центральной и Средней Азии все мужчины-скотоводы, достигшие совершеннолетия, а порой и женщины, были частью вооруженных сил государства. В мирное время, кочевники занимались скотоводством, кочуя с места на место, и охотились, при этом в сво-бодное время упражнялись в стрельбе из лука и прочих воинских упражнениях, а в случае военного похода, все как один мобилизовались и участвовали в боевых действиях [3, 34]. Выражение «*народ и армия — едины*» целиком соотносится с философией кочевого народа. Даже слово «*orda*» («*орда*») в тюркско-монгольском языке имеет несколько значений: «*армия*», «*народ*», «*ставка*», «*стойбище*» [2, 370]. И управление в таком государстве «*подобно управлению своим телом*». Так определил управление в государстве кочевников посол кочевого народа жунов Ююй, отвечая на вопрос правителя государства Цинь Мугуна в 626 году до н. э.: «*Высшие сохраняют простоту в обращении с низшими, а низшие служат высшим, руководствуясь искренностью и преданностью. Управление целым государством подобно управлению своим телом, когда незаметно, с помощью чего оно управляется. Это действительно правление мудрых*» [3, 123]. Таким было и государство Хунну, в период своего становления и наивысшего расцвета, а именно в период правления шаньюя Моде (Мете, Маодунь) с 209 по174 года до н. э., прообраза легендарного тюркского правителя Огуз-Хана. Став во главе племенного объединения народа Хунну, шаньюй Моде (Мете, Маодунь) провел реформу власти, разделив страну и народ на 24 части и назначив родственников и сподвижников правителями над этими частями. По утверждению древнетюркского эпоса, также поступил и легендарный тюркский правитель Огуз-Хан, поделивший между сыновьями весь свой народ и свою орду на двадцать четыре племени согласно «*их рангу, занятию, имени и прозвищу, со своим знаком и тамгой… для устойчивости государства*» [4, 63]. Самые высшие титулы в государстве Хунну считались левый и правый сян-ваны, левый и правый лули-ваны, которые назывались четырьмя «рогами». Затем шли левый и правый князья жичжу, левый и правый князья вэньюйти, левый и правый князья чжаньцзян, которые назывались шестью «рогами» [5, 204]. Далее следовали левый и правый дувей, левый и правый данху, левый и правый гудухоу и так остальные титула, всего двадцать четыре титула [3, 40]. И все они были одновременно и правителями и военачальниками в отведенных им частях и за ними было установлено звание «*вань-ци*» (букв. «*десять тысяч всадников*») [3, 40], что означает «*темник*», т. е. командующий десятитысячным войском. Однако, это не значило, что все войско Хунну состояло из 24 десятитысячных отрядов, как утверждает историк Ю. С. Худяков [6, 23]. Так, согласно древнекитайской рукописи «*Ши цзы*» («*Исторические записки*») историка Сыма Цянь, только в подчинении от левых и правых сян-ванов и до левых и правых данху

находились войсковые подразделения в количестве десяти тысяч всадников, в подчинении остальных же — до нескольких тысяч всадников [3, 40]. За каждым из них были закреплены определенные территории для кочевья его части племени, и каждый из них мог сам назначать своих *«тысячников, сотников, десятников»* [3, 40]. Здесь мы наблюдаем сосредоточение в одних руках административной и военной власти и десятичную систему деления народа и войска. На тюркском языке десятитысячное войсковое подразделение называется *«tümən»* (*«тумен»*) [2, 596], а между прочим отца шаньюя Моде (Мете, Маодунь) звали Тумень [3, 37]. Таким образом, деление и управление страны было подобно делению и управлению войском. Когда левым краем страны управлял, как и левым флангом войска командовал, старший сын, наследник шаньюя — левый сян-ван или же туци-ван [3, 40], то правым краем страны, также как и правым флангом войска, — соответственно младший сын или брат шаньюя — правый сян-ван, а центральной ставкой, также как и центром войска, управлял и командовал сам шаньюй. В тоже время он осуществлял общее управление страной и общее командование войском. Таковым был и порядок построения войск хунну перед битвой, т. е. при наличии классического триального боевого порядка: центра войска, где находилась ставка шаньюя, левого крыла войска под командованием левого сян-вана и правого крыло войска под командованием правого сян-вана, мы впервые наблюдаем по отрядное построение войска, которое впоследствии назовут тюркским боевым порядком [7, 204], т. е. каждый обладатель титула со своим войсковым подразделением занимал свое строго установленное место в боевых порядках в войсках. Десятичную систему деления войска мы наблюдаем впоследствии не только у тюрко-монгольских кочевников, но и у оседлых народов, как Востока, так и Запада. Так, согласно уголовному уложению китайского государства табгачской династии Тан *«Тан люй шу и»* (618–907 гг), в разделе *«Самовластные мобилизационные действия»* (*«шань син»*) установлено наказание за самовластное приведение войск в движение (цзюань 16), где перечисляются войсковые подразделения в количестве 10,100 и 1000 воинов [8, 240].

Вся армия государства Хунну — это по сути огромная, довольно мобильная конная армия. На вооружении этой армии, как указано в китайских летописях, *«из оружия дальнего действия имеют луки и стрелы, из оружия, применяемого в ближнем бою, — мечи и короткие копья с железной рукоятью»* [3, 34]. Тактика сражения строилась исходя из мобильности, слаженности и взаимодействия, а также боеспособности войск, а именно, вооруженности и подготовленности воинов. *«Все возмужавшие, которые способные натянуть лук, становятся конными латниками» пишет о хунну в своей работе древнекитайский летописец Сыма Цянь [3, 34]. Воинами у хунну становились юноша, достигшие совершеннолетия, т. е. сумевшие натянуть боевой лук, а называя их «конными латниками»* древнекитайский историк указывает на наличие у воинов доспехов кожаных либо металлических. Далее продолжая, летописец пишет: *«по существующим среди них обычаям, в мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей, поддерживая, таким образом, свое существование, а в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений»* [3, 34]. Охота, в особенности, облавная играла большую роль в военном деле хунну, так как проведение такой охоты с участием большого количества воинов было по сути дела проведением военных маневров, а именно, подготовка к боевым действиям, отработка тактических приемов. Как писали древнекитайские летописцы: *«они (т. е. хунну) в несколько тысяч конницы занимались охотою»* [9, 19]. Методы облавной охоты составляли основу военной тактики номадов. Схожесть института облавной охоты с военной системой хунну проявляется в триальной организации, как облавной охоты, так и сражения: центр, левое крыло, правое крыло [9, 27]. Впоследствии триальная структура деления войска, также как и триальная организация и методы облавной охоты наблюдаются и в других государствах тюрко-монгольских кочевников Центральной и Средней Азии. Так, киданьский император Тай-цзуна (926–947 гг.) говорил: *«Мои облавные охоты — не забава, а обучение военному делу»* [9, 40]. А в «Великой Ясе» Чингиз хана (1206–1227 гг.) сказано: *«Старшие беки, которые будут начальствовать, и все воины должны, подобному тому, как, занимаясь охотой, отличать имена свои, означать имя и славу свою, когда занимаются войной… Чтобы поддержать боевую подготовку армии, каждую зиму надлежит устраивать большую охоту»* [9, 40]. Отличие боевой подготовки кочевников от оседлых народов лучше всех прокомментировал советник шанюя Чжунхан Юэ ханьскому послу: *«Хунну (сюнну) открыто считают войну своим занятием… Поэтому в тревожное время каждый упражняется в верховой езде и стрельбе из лука, а в спокойное время каждый наслаждается бездельем… Вследствие усиленного увлечения земледелием и разведением шелковицы для получения одежды и пищи, постройкой городов, обнесенных внутренними и внешними стенами для самозащиты, население (в Срединном государстве) в тревожное время не упражняется в военном искусстве, а в спокойное время устает от работ»* [3, 46]. И как писал об этом Сыма Цянь: *« (В мирное время) шаньюй откармливал лошадей, давал отдых воинам и упражнялся в охоте»* [3, 56].

Тактика ведения войны и боя у хунну была разнообразной и подчинялась стратегическому замыслу. О тактике сражения хунну Сыма Цянь пишет: *«Если сражение складывается благоприятно для них — наступают, а если неблагоприятно — отступают и не стыдятся бегства»* [3, 34]. В основе хуннской тактики боя лежал длительный и изнуряющий противника обстрел стрелами на дальней дистанции из знаменитых сложносоставных хуннских луков. И только после совершалась конная атака по типу «конной лавы» с применением оружия ближнего боя: копья и меча [3, 34]. Одним из тактических приемов, применяемых хунну, было навязывание боя противнику

на открытой местности, где был оперативный простор, и тактическим маневром кочевники старались охватить его фланги с целью окружения. И этот охват с флангов осуществляли подобно рогам быка либо четырьмя «рогами»: левым и правым сян-ванами, левым и правым лули-ванами, либо шестью «рогами»: левым и правым князьями жичжу, левым и правым князьями вэньюйти, левым и правым князьями чжаньцзян. Об этом тактическом приеме хунну в древнекитайских рукописях летописец пишет: «*Искусно заманивают врага, для того чтобы окружить его. Поэтому, когда они видят противника, то устремляются за добычей, подобно тому, как слетаются птицы*» [3, 41].

Другим тактическим приемом было заманивание противника в засаду. Притворившись побежденными и отступая, хунну заманивали преследующие их войска неприятеля под удар заранее спланированной засады, которая неожиданно атаковала последних, а «отступавшие» резко разворачивались и вновь вступали в бой, довершая разгром врага. Так, согласно китайским источникам, шаньюй Моде (Мете, Маодунь) перед началом военных действий усыпил бдительность китайского императора Гао-ди: «*Сюнну (хунну) спрятали сильных воинов, откормленный рогатый скот и лошадей, а выставили только старых и слабых и истощенный домашний скот. Побывавшие там (т. е. у хунну) десять императорских послов по возвращению сообщили императору, что на сюнну (хунну) следует напасть*» [3, 71]. А в битве под Пинчэном в 201 году до н.э, притворившись побежденным, искусно маневрируя и отступая, шаньюй Моде (Мете, Маодунь) заманил в горах авангард китайских войск под командованием самого императора Гао-ди в засаду и не давал возможности основной части армии китайцев прийти на помощь своему императору [3, 41].

Чаще всего у хунну практиковалась тактика внезапного нападения на противника, когда последний этого не ожидал. Внезапность — это половина успеха на войне. Достигалось это благодаря высокой мобильности, слаженности и строжайшей дисциплины в войсках. Так, согласно древнекитайским летописям, шаньюй Моде (Мете, Маодунь), усыпив бдительность правителя кочевого племени дунху, отдав ему по его требованию своего лучшего коня и свою любимую жену, внезапно напал на него и наголову разбил последнего: «*Маодунь сел на коня, приказал рубить голову каждому в государстве, кто опоздает явиться, двинулся на восток и внезапно напал на дунху. Дунху, пренебрегавшие до сих пор Маодунем, не принимали мер предосторожности. Поэтому, когда Маодунь во главе войск совершил нападение, он разгромил дунху наголову, убил их правителя, взял в плен людей из народа и захватил принадлежавший ему домашний скот*» [3, 39].

Широко применялась хунну древняя тактика кочевников по изматыванию сил противника, вторгшихся в пределы степи. Использую мобильность своей конницы и превосходное знание местности, хунну завлекали силы противника глубоко в степи и пустыни, где отсутствие либо недостаточность воды и подножного корма влекли гибель тягловой силы: коней и волов, а также распространению болезней в стане врага. При этом, хунну изматывали китайские войска своими беспрерывными наскоками и набегами: «*Чжао Синь научил шаньюя отойти далее на север через пустыню и, заманивая, изматывать ханьские (т. е. китайские) войска, а затем, когда усталость ханьских войск дойдет до предела, нападать на них, но самому не приближаться к укрепленной границе*» [3, 53]. В одной только военной экспедиции против хунну, предпринятое китайцами в 119 году до н. э., в результате применения кочевниками тактики по изматыванию врага в пустыне, по признанию китайского летописца, ханьцы потеряли только коней свыше ста тысяч, умолчав при этом о потерях личного состава, и по этой причине долгое время не могли воевать с кочевниками [3, 55]. Военные действия, предпринятые китайцами против хунну в 90 году до н. э., привели к катастрофическим последствиям для империи Хань. Так, сформированные по приказу ханьского императора У-ди китайские войска выступили в тот год против хунну, вторгнувшись в степи. Главная армия под командованием прославленного китайского полководца Ли Гуан-ли Эршиского выступила из округа Шофан в составе 60 тысяч всадников и ста тысяч пехотинцев [3, 61]. К нему присоединились в походе воевода стрелков, вооруженных тугими стрелами, Лу Бо-дэ во главе более десяти тысяч всадников, военачальник летучих войск Хань Юэ во главе тридцати тысяч всадников и пехотинцев выступил из округа Уюань, иньюйский военачальник Гунсунь Ао во главе тридцати тысяч всадников и пехотинцев выступил из округа Яньмынь [3, 61]. «*Услышав об этом, сюнну (хунну) отправили свои семья и имущество далеко на север от реки Юйушуй, а сам шаньюй стал ожидать противника во главе ста тысяч всадников к югу от реки, где вступил в сражение с Эршиским военачальником*» пишет китайский летописец [3, 61]. Согласно бытовавшей в Древнем Китае военной доктрине древнекитайского полководца Сунь-цзы: «*Правило ведения войны гласит: если у тебя сил в десять раз больше, чем у противника, окружи его со всех сторон; если у тебя сил в пять раз больше, нападай на него; если у тебя сил вдвое больше, раздели его на части; если сил меньше, сумей оборониться от него; если у тебя вообще что-либо хуже, сумей уклониться от него. Поэтому упорствующие с малыми силами делаются пленниками сильного противника*» [1, 41]. Полководцы Древнего Китая, придерживаясь этой военной доктрины и полагаясь на свое численное превосходство, думали навязать хуннам сражение, где бы окончательно разгромили последних. Однако, хунны во главе со своим шаньюем Хулугу навязали китайцам свою тактику по изматыванию сил противника, вторгнувшихся в степи. Китайская армия углубилась в степи и горы, и продвигалась вперед, не видя противника. Припасы к тому времени закончились, воины измучились и китайские войска пошли в обратный путь [10, 155]. Хуннские всадники стали совершать непрерывные набеги и наскоки на отстающих воинов, на арьергард и авангард китайских войск. Тут полководец Ли Гуан-ли

совершил тактическую ошибку, разделив отступающие войска: «*Эршинский военачальник разделил войска и стал отходить, ведя непрерывные бои с шаньюем, продолжающиеся более десяти дней*» [3, 61], пока измотанные и обескровленные китайские войска не достигли подножья гор Яньжань в Хангае. Здесь хуннам во главе с шаньюем Хулугу удалось окружить китайские войска [10, 156]. Ночью хунну вырыли глубокий ров перед фронтом китайских войск, а утром атаковали китайцев с тыла. В возникшей среди китайцев панике, командующий армией Ли Гуан-ли Эршиский вместе с остатками войск сдался хуннам в плен [10, 156]. «*На родину удалось вернуться только одному-двум воинам из тысячи*» пишет в своей летописи Сыма Цянь [3, 61]. Остальные китайские военачальники также не достигли желаемых результатов. «*Военачальник летучих войск Хань Юэ не добыл никаких трофеев. Иньюйский военачальник Гунсунь Ао вступил в сражение левым сянь-ваном, которое сложилось для него неудачно, и он отвел свои войска обратно*» пишет китайский летописец [3, 62]. Разгром китайской армии, вошедшее в историю Древнего Китая как Яньжаньское побоище, оставил глубокий след в памяти китайского народа [10, 156]. В результате этой войны империя Хань была так обескровлена и обессилена, что до самой смерти императора У-ди не предпринимала никаких военных действий против хунну. Так, что утверждение историка Худякова Ю. С. о том, что императору У-ди «*удалось организовать боеспособные, маневренные конные армии, сразу лишившие хунну их былого преимущества на поле боя*» [6, 68] не выдерживает критики.

Высокая мобильность и слаженность войск хунну наряду со строжайшей дисциплиной позволяла шаньюю совершать глубокие и длительные рейды вглубь китайского государства, нанося противнику невосполнимый урон при минимальных потерях своих воинов: «*На 14-м году правления ханьского императора Сяо-вэня (166 году до н. э.) сто сорок тысяч всадников хуннского (сюннуского) шаньюя вторглись в уезд Чжаона и за заставу Сяогуань, убили воеводу округа Бейди по имени Ан, захватили великое множество народа и скота, затем подошли к Пеньяну. Отсюда они выслали летучий отряд, который захватил и сжег дворец Хуйчжун… Шаньюй, пробыв в ханьских землях более месяца, двинулся назад. Ханьские войска преследовали его, пока он не ушел за границу, затем возвратились обратно, никого не убив*» [3, 47].

Для успешной борьбы против опустошительных набегов кочевников древнекитайские правители наряду со строительством оборонительных сооружений и возведением стен, перенимали их вооружения, боевую тактику и манеру ведения войны, что само по себе говорило если и не о превосходстве над военным искусством Древнего Китая, то как минимум о своеобразии и значимости военного искусства кочевников. Так, согласно древнекитайской летописи: «*правитель царства Чжао Улин-ван, изменив существовавшие обычаи, стал носить одежду хусцев (т. е. кочевников) и обучаться верховой езде и стрельбе из лука, разбил на севере линьху и лоуфаней*» [3, 37]. Именно правитель древнекитайского царства Чжао Улин-ван, правивший в 325–299 годах до н. э., (а не ханьский император У-ди, как утверждает историк Л. Н. Гумилев [10, 118]) впервые завел в китайских войсках легкую конницу по образцу кочевников и применил новую для китайцев тактику ведения войны и боя кочевников, благодаря чему стал побеждать последних [3, 125]. Как показали последующие события, без такой конницы одной пехотой победить кочевников трудно, практически невозможно. До этого времени ударной силой в войсках древних китайцев, согласно военной доктрине древнекитайского полководца Сунь-цзы, считались запряженные конями боевые колесницы [1, 38].

Особое внимание в государстве Хунну уделялось разведке. Данные полученные разведкой о стране, о его оборонном потенциале, о войсках противника ложились в основу стратегических и тактических действий хунну. Как писал древнекитайский летописец: «*Днем и ночью Чжун-хан Юэ (советник шаньюя) уговаривал шаньюя производить разведку удобных и неудобных мест для нападения на Хань (т. е. Китай)… его (т. е. шаньюя) конная разведка приблизилась ко дворцу Ганьцюань в уезде Юн*» [3, 47].

Стратегия же государства Хунну была направлена на покорение всех кочевых племен под своей властью. Так как, образ жизни и культура кочевых народов Центральной Азии была идентична образу жизни и культуре народов хунну. Как выразился в своем письме шаньюй Моде (Мете, Маодунь) китайскому императору династии Хань Сяо-вень в 176 году до н. э. «*все народы, натягивающие лук, оказались объединенными в одну семью… и стали принадлежать хунну (сюнну)*» [3, 43]. Большинство кочевых племен Центральной Азии покорились и вошли в состав государства Хунну, они платили дань и участвовали в военных походах шаньюя. Не покорившиеся кочевые племена либо покидали свои стойбища и откочевывали в другие регионы, либо переходили Великую Китайскую стену под защиту империи Хань. В отношении оседлых государств, в частности китайской империи Хань, стратегия государства Хунну была направлена на получение всевозможной дани с китайцев под угрозой непрекращающихся военных набегов на империю. И даже наличие договора о мире и родстве между этими государствами, по которому династия Хань фактически выплачивала шаньюю дань под видом всевозможных подарков последнему и его окружению, в действительности не спасало империю от непрекращающихся военных набегов хунну. Утверждение историка Ю. С. Худякова о том, что шаньюй Моде (Мете, Маодунь), поддавшись своей алчности, не воспользовался сложившийся ситуацией в битве под Пинчэном в 201 году до н. э., где авангард китайских войск под командованием императора Гао-ди попал в окружение войск хунну, не довел сражение до полного уничтожения противника и пленения императора, и тогда бы вся империя Хань лежала бы у его ног [6, 31], не выдерживает критики. Во-первых, как пишут китайские историки, сражение войск шаньюя с окруженным

авангардом китайских войск под командованием императора длилось семь дней [3, 41] и неизвестно, сколько оно ещё могло продлиться, не заключив они перемирия между собой. Во-вторых, как указывают те же источники, основная масса китайских войск состояла из пехоты [3, 41], вероятно хорошо обученной, оснащенной и успешно применяющей оборонительную тактику, в то время как войско хунну, целиком состояло из конных лучников [3, 41], для которых предпочтительнее наступательная тактика. В-третьих, что немаловажно, сражение между ними шло в горной местности, где пехота более успешна как в обороне, так и в наступлении, нежели конница, которой необходим оперативный простор. В-четвертых, шаньюю приходилось одновременно сражаться как с окруженным авангардом во главе с императором, так и с прорывающейся к ней на помощь основной массой китайских войск, и неизвестно, сколько ему пришлось бы ещё сдерживать натиск китайцев. В-пятых, как пишет китайский историк Сыма Цянь, «*в это время была зима, стояли сильные морозы, из каждого десятка солдат (императора) два или три потеряли от мороза пальцы*» [3, 41], и вероятнее всего этот мороз также негативно сказывался и на воинах хунну. И наконец, в-шестых, как указано в древнекитайской рукописи «*Ши цзы*», шаньюй заподозрил, перешедших на его сторону китайских военачальников Ван Хуана и Чжао Ли, в сговоре с императором, так как те не пришли в условленное время со своими войсками на соединение с ним [3, 42]. Надо полагать, он подозревал, что переметнувшие на его сторону китайские военачальники, сговорившись с императором, могли в любую минуту ударить со своими войсками ему в спину. Как видим, об упущенной возможности безоговорочной победы хунну над китайцами, как утверждает историк Ю. С. Худяков, не приходиться гово-рить. Утверждение же китайских летописцев, что будто бы шаньюй Моде (Мете, Маодунь) поддался уговорам «любимой яньчжи» [3, 41], т. е. любимой жены, ведущей сепаратные переговоры с императорскими эмиссарами, и не продолжил сражение, заключив с императором Гаоди «*договор о мире, основанном на родстве*» [3, 42], также не выдерживает никакой критики. Человек, а в данном случае шанюй Моде (Мете, Маодунь), который ради беспрекословного подчинения себе со стороны своих воинов расстрелял с ними из лука и стрел свою первую любимую яньчжи, а затем, чтобы усыпить бдительность врага, отдал вождю народа дунху по его требованию свою вторую любимую яньчжи, согласно китайским летописям [3, 39], — не может поддаться уговорам очередной любимой яньчжи в вопросах войны и мира. В этой сложившейся ситуации, сепаратные переговоры, которые велись между императорскими эмиссарами и любимой яньчжи о прекращении войны и заключении мира были ему на руку. Договор о мире и родстве с китайским императором был не менее выгоден шаньюю, нежели правителю Китая. Без дополнительных усилий и потерь он получал признание со стороны Срединного государства, а также материальные блага в виде дани, выплачиваемой китайцами правителю хунну, которую древнекитайские историки в своих трудах называли всевозможными подношениями и подарка ми со стороны императора [3, 42]. Лучше всего это положение отражено в диалоге советника шаньюя Чжунхан Юэ с ханьским послом: «*Ханьский посол, не говори лишнего, заботься лучше о том, чтобы шелковые ткани, шелковая вата, рис и солод, которые ханьцы посылают хунну (сюнну), были в достаточном количестве и непременно лучшего качества. К чему болтать? Если поставляемого будет в достатке и лучшего качества, то на этом все кончится, но при нехватке или скверном качестве, осенью, когда созреет урожай, мы вытопчем ваши хлеба конницей*» [3, 47]. Как видим, это диалог далеко неравноправных сторон.

Мир кочевых народов отличался от мира оседлых народов. Последние называли кочевников варварами, те же в свою очередь презирали земледельцев. Обычаи и культура кочевых народов формировалось в Великой Степи и это нашло отражение в их философии жизни и государственном устройстве, а также в формировании военного искусства кочевников. Это относится и к государству Хунну. Хотя среди хунну и жили китайцы, нашедшие убежищу у них, и занимавшиеся земледелием на их землях, мир оседлых народов для кочевников был чужд и неприемлем. Советник шаньюя Чжунхан Юэ по этому поводу сказал следующее: «Ч*исленность хунну (сюнну) не может сравниться с численностью населения одной ханьской области, но они (т. е. хунну) сильны отличиями в одежде и пище, в которых не зависят от Хань*» [3, 45]. А яньчжи сказала шаньюю Моде (Мете, Маодунь): «*Если ныне и будут захвачены ханьские земли, все равно, ты шаньюй, никогда не сможешь жить на них*» [3, 41]. Мы полагаем, что по вышеприведенным основаниям шаньюй не собирался завоевывать империю Хань — этот чуждый для него мир. Да и для империи Хань государство Хунну не представляла ценности. Они предпочитали мир, нежели завоевание хунну. Как говорили советники императору Сяо-вень: «*если мы и приобретем земли хунну (сюнну), то жить среди озер и солончаков все равно не сможем. Выгодней всего мир, основанный на родстве*» [3, 44].

Военная дисциплина — это краеугольный камень, на котором держится войско, и как стержень, пронизывает и связывает всех от командующего до рядового война, и тем самым отличает войско от сборища вооруженных людей. Военная дисциплина зиждиться на военных законах будь то устных либо письменных, т. е. на военном праве. Военная дисциплина, как и военное право — одна из составляющих военного искусства. Благодаря жестокой военной дисциплине шаньюю Моде (Мете, Маодунь) удалось превратить племенное ополчение в грозную армию, а благодаря своим политическим реформам на базе племенного союза создать могущественное государство. Все началось с того, когда Моде (Мете, Маодунь) получил от своего отца Туменя — шаньюя народа хунну, в подчинение десять тысяч всадников. Так, согласно древнекитай-

ской летописи «*Ши цзы*», Моде (Мете, Маодунь) изготовил свистящие стрелы и дал приказ о том, что тот из его воинов кто не выпустит стрелу в сторону выпущенной им свистящей стрелы, будет обезглавлен. Вначале он испытал верность и исполнительность своих воинов на охоте, затем выпустил свистящие стрелы в своего коня, любимую жену, и всем воинам, не исполнившим его приказ, он тут же отрубал головы. И лишь когда он выпустил очередную свистящую стрелу в любимого коня шаньюя Тумана и все его воины как одни выпустили стрелы по той же цели, Моде (Мете, Маодунь) понял, что достиг желаемого, а именно, верности своих воинов путем беспрекословного исполнения его приказов [3, 38]. Таким жесточайшим методом он добился дисциплинированности своих воинов. Это соотносится и с теорией древнекитайского военного теоретика У-цзы, проживавшего в IV веке до н. э.: «*Когда научится сражаться один человек, он обучит десять других; когда искусству боя обучаться десять, они обучат сто; когда военному делу обучатся сто человек, они обучат тысячу; когда военному делу обучится тысяча человек, они обучат десять тысяч; когда делу обучатся десять тысяч человек, они обучат всю армию*» [1, 473].

Когда шаньюй Моде (Мете, Маодунь) решил внезапно напасть на народ дунху, он сел на коня и приказал рубить каждому в своем государстве, кто опоздает явиться для участия в военном набеге [3, 39]. Что интересно, упомянутое древнекитайским летописцем воинское преступление, а именно, уклонение от участия в походе, в войне, и наказание по нему, мы находим в поздних законах Китайского государства. Так, в уголовном уложении китайского государства табгачской династии Тан «*Тан люй шу и*» (618–907 гг), в разделе «*Самовластные мобилизационные действия*» («*шань син*») (цзюань 16) установлено наказание за такие виды воинского преступления, как опоздание на военные смотры и уклонение от воинской повинности [8; 255, 267].

В древнекитайской летописи «*Ши цзы*» перечислены немногие законы, действующие в государстве Хунну, по которым кочевники наказывались, как за воинские правонарушения, так и за преступления на бытовой почве, например, за извлечение без надобности меча из ножен, за кражу. При этом сообщается и о наказаниях за преступления: за легкие — наказывались ударами палкой, за тяжкие — предавались смерти. Тюремное заключение было предусмотрено на срок не более десяти дней [3, 40]. Как о виде наказания в летописи упоминается о ссылке военачальника, нарушившего приказ шаньюя, а именно, совершившего военный набег на Китай без разрешения верховного правителя [3, 43]. Древнекитайский летописец Сыма Цянь в своей работе также сообщает и о поощрениях за воинскую доблесть среди хуннов: «*Тот, кто в сражении отрубит голову неприятелю или возьмет его в плен, жалуется одним кубком вина, ему же отдают захваченную добычу, а взятых в плен делают его рабами и рабынями… Кто привезет с поля боя тело убитого, получает все имущество его семьи*» [3, 41]. Таким образом, в летописи сообщается о наличии в государстве Хунну законов, в том числе и воинских, за несоблюдение которых кочевники наказывались, и, наоборот, за исполнительность — поощрялись. При этом законы были просты и понятны для исполнения: «*Законы хунну (сюнну) просты и легко осуществимы. Отношения между государем и подданными просты, а поэтому управление целым государством подобно управлению своим телом*» пишется в летописи [3, 46]. Древнекитайский летописец указывает об отсутствии в государстве Хунну письменных документов: «*У них (т. е. хунну) нет письменных документов, и все распоряжения делаются устно*» [3, 34]. В тоже время в летописи сообщается о переписке между шаньюем и китайским императором: «*Чжунхан Юэ научил шаньюя посылать императору Хань письма на деревянных дощечках длиною в один чи и два цуня, пользоваться печатью и конвертом более широких, больших и длинных размеров*», и о том, как советник шаньюя Чжунхан Юэ «*научил приближенных шаньюя вести записи для подсчета и обложения налогом населения и скота*» [3,45], так как каждый год осенью хунну съезжались в ставку шаньюя «*на большое собрание в Дайлине, где подсчитывают и проверяют количество людей и домашнего скота*» [3, 40]. Следовательно, можно говорить о наличии в государстве Хунну письменного делопроизводства. Также как и утверждение ханьских послов об отсутствии у хуннов чиновников и придворного церемониала при ставке шаньюя: «*У них нет шапок и поясов для чиновников, нет придворного церемониала*» [3, 46]. И в тоже время летописец описывает церемониал при ставке шаньюя: «*По законам сюнну (хунну), ханьские послы не имели права входить в юрту шаньюя, не оставив снаружи верительный знак и не разрисовав лицо тушью*» [3, 57]. Нарушившего закон ханьского посла Го Цзи по приказу шаньюя сослали в глубину хуннских владений — на Байкал, чиновнику же при ставке шаньюя, ведавшего приемом гостей и допустившего нарушение послом закона, немедленно отрубили голову [3, 56].

Как показывает проведенное исследование, военное искусство кочевников, а в данном случае народа Хунну, до сих пор малоизученный объект. Все последующие исследования военного искусства тюрко-монгольских народов уходят корнями в эпоху торжества военного искусства народа Хунну. Здесь и военная организация, и вооружение, и тактика и стратегия, и военное право кочевого народа, т. е. то, что мы называем военным искусством народа Хунну, отличающимся от классических форм военных доктрин, бытовавших как на Древнем Востоке, так и на Древнем Западе, и требующее дальнейшего своего исследования.

Список литературы:

1. Сунь-цзы, У-цзы. Трактаты о военном искусстве. – М., «Изд-во АСТ», 2002.

2. Древнетюркский словарь. – Л., «Наука», 1969.
3. Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. – М., «Наука», 1968.
4. Фазлаллах Рашад ад-Дин. Огуз-намэ. – Баку, «Элм», 1987.
5. Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск, «Наука», 1989.
6. Никоноров В. П., Худяков Ю. С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы. – СПб., «Петербургское востоковедение», 2004.
7. Шариф Мухаммад Мансур Мубаракшах. Правила ведения войны и мужество. Душанбе, Министерство обороны Республики Таджикистан, 1997.
8. Рыбаков В. М. Уголовные установления Тан с разъяснениями («Тан люй шу и»). – СПб., «Петербургское востоковедение», 2001.
9. Кушкумбаев А. К. Военное дело казахов в XVII–XVIII веках. – Алматы, «Дайк-Пресс», 2001.
10. Гумилев Л. Н. История народа хунну. – М., «Изд-во АСТ», 2004.

Borbotko Pavel Valentinovich,
Vitebsk State University,
candidate of historical science, The Faculty of Law
E-mail: Diplom.rabota2011@yandex.ru

Particulars of the legal policy of the ruling parties of the Weimar Republic in 1919–1923 years

Abstract: The politic's ways of parties in Weimar Germany in the field of law in the 1919–1923 year is considered. It is concluded that the cooperation of centrist and center-left forces in the governments of the period was successful.

Keywords: the ruling party, the Weimar Germany, the centrist party, the center-left party.

Борботько Павел Валентинович,
Витебский государственный университет,
кандидат исторических наук, Юридический факультет
E-mail: Diplom.rabota2011@yandex.ru

Особенности правовой политики правящих партий Веймарской Германии в 1919–1923 году

Аннотация: Рассмотрены направления политики правящих партий Веймарской Германии в области права в 1919–1923 году. Сделан вывод об эффективности сотрудничества центристских и левоцентристских сил в правительствах указанного периода.

Ключевые слова: правящие партии, Веймарская Германия, центристские партии, левоцентристские партии.

Кризис, в котором оказались немцы в результате поражения в Первой мировой войне, крушения кайзеровской монархии и Ноябрьской революции 1918 г. отразился не только на правотворческой работе правящих партий по разработке и принятию Веймарской конституции, но и на всей последующей деятельности СДПГ, Цнтра, НДП и ННП в 1919–1923 гг. Фракции правящих партий были вынуждены отказаться от полного претворения требований своих партийных программ и общих политико-правовых установок своих правовых доктрин. К тому же, в программах СДПГ, Центра, НДП и ННП недостаточно полно были разработаны и отражены их позиции по основным нормам конституционного права. Все они фиксировали лишь ограниченный набор требований. Из всех партий коалиции только СДПГ и Центр смогли осуществить попытку, правда, окончательно не достигшую своих целей в данный период времени, по созданию программного проекта, способного объединить всю страну для построения правового демократического государства. Передовые деятели партий правящего лагеря, высказывавшие рациональные идеи по вопросам реформирования конституционного права, практически не смогли добиться успеха и привлечь на свою сторону партийное большинство. Их идейно-политическое и правовое эпистолярное наследие осталось, в большей части, не использованным. Уже начиная с 1919 года, во всех партиях, особенно в НДП и ННП, стал в значительной степени использоваться опыт правотворческой деятельности лидеров правых фракций этих политических организаций [2, 58].

Серьезные противоречия, как среди партий правящей коалиции, так и среди всех политических сил, представленных в Национальном собрании, вызвали правовые

проблемы, связанные с принятием Версальского мирного договора и подготовкой проведения международного суда над военными преступниками. В связи с этим СДПГ, НДП и Центр столкнулись с ростом правового нигилизма среди немцев, возникла угроза не только партийному единству, но и для демократической республики в целом. В этих условиях коалиция не смогла довести решение данных проблем до логического завершения — Международный трибунал так и не был проведен, а военные преступники наказаны. Это же относится и к участникам Капповского путча. Тем не менее, был приобретен ценный опыт, указывавший, что для успешного проведения подобных процессов необходимо детально разработать регламент и устав Трибунала, порядок сбора и предоставления доказательств, организации обвинения и защиты, предания обвиняемых суду, механизм исполнения приговора.

В период разработки и принятия конституции реализация партийной политики правящих партий проводилась через дебаты в Национальном собрании, переговоры между парламентскими фракциями, работу в коалиционных правительствах, сотрудничество с различными общественными организациями (профсоюзами, молодежными, женскими, обществами по интересам и т. д.), участие в массовых политических демонстрациях, пикетировании, предвыборной борьбе под лозунгами правопорядка и т. д. Правящие партии СДПГ, Центр и НДП продемонстрировали приверженность демократическим формам реализации в жизнь программных целей и установок, осуждали экстремизм и радикальные действия крайних правых и левых организаций — НСДПГ, КПГ, НСДАП, военизированных формирований [2, 25]. Они постарались закрепить основные принципы демократического плюрализма на уровне конституции.

Ни одна из фракций правящих партий так и не смогла собрать большинства голосов для внесения изменений в конституционные нормы и полностью претворить в жизнь свои программные установки. Различие политико-правовых воззрений, партийных программ, идеологических установок привело к тому, что Веймарская конституция носила компромиссный характер. В силу этого отдельные ее положения зачастую нарушались на практике, или не могли быть использованы как статьи Основного закона государства, а государственное устройство приобрело смешанный характер (унитарно-федералистский). Неясность отдельных формулировок, двусмысленность некоторых статей облегчали деятельность деструктивных политических сил, затрудняла процесс борьбы с ними, повышала угрозу демократии и республиканскому строю в Германии.

Правительственные кабинеты Веймарской Германии в 1919–1923 гг. демонстрировали заметные успехи в реформировании действовавшего права. Общая политическая ситуация в стране в целом показывала позитивные тенденции и изменения в области правосознания немцев и их политической культуры. Первые кабинеты коалиции, возглавлявшийся Ф. Шейдеманом, Г. Бауэром и Г. Мюллером, основывали свою деятельность на свободном высказывании своих позиций каждым министром и государственным секретарем независимо от их политической принадлежности, проводили частые консультации и встречи с различными политическими силами (включая крайние левые организации). Особенно активный характер консультации носили в период канцлерства Г. Мюллера. Правительства же большой коалиции постепенно отходили от подобных форм работы. В них все больше возрастало влияние канцлера, выражавшееся в частом обращении к вопросу о разграничении компетенции и властных полномочий, резком сокращении консультаций и встреч с местным руководством земель и общин. Кабинеты перешли к преимущественному рассмотрению вопросов финансового, налогового и банковского права, постепенно отказавшись от изменения и уточнения спорных норм в области конституционного и гражданского права [4, 48].

Опыт Веймарской Германии 1919–1923 гг. свидетельствует о возможности конструктивного сотрудничества левоцентристских и центристских сил в вопросах разработки и реформирования конституционных основ общества. Совместная коалиционная работа позволяла им эффективно решать вопросы включения в свои программы и деятельность широкого комплекса правовых требований, защищавших права и свободы всех слоев общества и государства в целом, более эффективно вести борьбу с правовым нигилизмом [1, 63]. Историческая ситуация остро поставила перед ними задачу эффективной борьбы с идеями насильственного свержения и переустройства конституционного строя, уничтожения демократии, установления диктатуры. Эффективным может считаться сотрудничество отдельных партий с профсоюзным движением и общественными организациями, позволявшее им находить широкую поддержку среди населения. Политика коалиционных правительств Веймарской Германии в области права демонстрировала негативное влияние личных амбиций, узости идейно-правовых установок на правопонимание и правотворческую деятельность партий и правосознание их ведущих деятелей. Лидеры партий зачастую нарушали демократические принципы правотворческой деятельности, используя кулуарные переговоры и интриги. Попытка либеральных политических сил отказаться от партийно-политических доктрин, идеологий в области права заметно ослабляла их деятельность в органах власти, способствовала потере инициативы, нарастанию растерянности перед лицом усиливающейся оппозиции, потере поддержки в обществе [4, 48].

References:

1. Борботько П. В. Станаўленне прававой праграмы сацыял-дэмакратычнай партыі Германіі ў 1919–1923 гг. //Весці Акадэміі навук Беларусі. – 2004. – № 3.

2. Борботько П. В. Правотворческая деятельность Национального собрания Веймарской республики в 1920 году//Веснік ВДУ. – 2005. – № 1 (35).
3. Борботько П. В. Правотворческая деятельность фракции СДПГ по вопросам принятия конституции в немецком Национальном собрании в 1991 году//Веснік ВДУ. – 2004. – № 3 (33).
4. Борботько П. В. Становление правовой части программы Немецкой католической партии центра в 1870–1921 гг. /Веснік ВДУ. – 2004. – № 1 (31).

Taskuzhina Aigul Baktygereevna,
Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Kostanay State Pedagogical Institute,
Faculty of History and Arts

Isenov Otegen Ihsanovich,
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Kostanay State Pedagogical Institute,
Faculty of History and Arts

Anosova Aynur Bektursynovna,
MA in history, Kostanay State Pedagogical Institute,
Faculty of History and Arts
E-mail: serik_tapaev@mail.ru

The colonial policy of tsarism in the Junior and Middle zhuzah in the first half of the XVIII century

Abstract: The article is devoted to the military Cossack tsarist colonization in younger and middle zhuzah in the first half of the XVIII century. In the first half of the XVIII century. tsarist government began to carry out the agrarian colonization of the territory of the younger and middle zhuzes.

Keywords: colonization, Cossacks, fortress, fortified line, Kazakhs, subsidence, nomadic, agriculture.

Таскужина Айгуль Бакыткереевна,
доктор исторических наук, доцент
Костанайский государственный педагогический
институт, факультет истории и искусств

Исенов Отеген Ихсанович,
кандидат исторических наук, доцент
Костанайский государственный педагогический
институт, факультет истории и искусств

Анасова Айнаш Бектурсыновна,
магистр истории
Костанайский государственный педагогический
институт, факультет истории и искусств
E-mail: serik_tapaev@mail.ru

Колониальной политики царизма в Младшем и Среднем жузах в первой половине XVIII в

Аннотация: Статья посвящена военно-казачьей колонизации царизма в Младшем и Среднем жузах в первой половине XVIII в.. В первой половине XVIII в. царское правительство начало проводить аграрную колонизацию на территории Младшего и Среднего жузов.

Ключевые слова: колонизация, казаки, крепость, укрепленная линия, казахи, оседание, кочевой образ жизни, сельское хозяйство.

В первой половине XVIII в. в степи постоянно происходили неурядицы и внутренние смуты между отдельными казахскими родами за власть и землю. С запада на казахские земли нападали волжские калмыки, с севера башкиры и сибирские казаки, а с востока джунгары под руководством владельца Галдан-Царена. В конце первой четверти XVIII века казахи Младшего и Среднего жуза вынуждены были уйти вглубь Средней Азии [1,3–4]. Неудобство нового местожительства в бесплодных, песчаных местностях, совершенно непригодных для кочевого образа жизни, заставило сплотиться на некоторое время, враждовавшие между собой родовые группы, и двинуться на общего врага (джунгар). Воспользовавшись сложной внутриполитической обстановкой в жузе и напряженными отношениями с соседями, Российская империя начала осуществлять колониальную политику на Востоке.

Как обстояло дело в Младшем жузе? Устройством нового края занимались обер-секретарь сената И. Кириллов, В. Татищев, а впоследствии губернатор И. И. Неплюев. По распоряжению правительства в 1721 г. пространство земли между городами Омском и Уральском было отдано яицким казакам. С данной линией были связаны районы, расположенные по берегам рек Урала и Уя. От города Оренбурга были проведены три линии укреплений. Одной из них являлась Нижне-Яицкая дистанция, которая проходила по правому берегу Урала (Яика) до Каспийского моря, здесь было устроено 9 крепостей и 19 форпостов, защита была возложена на яицких казаков [2; 13].

Яицкая линия в первой половине XVIII в., имела протяженность в 1780 верст. Линия начиналась от Гурьева — городка, проходила по Яику до отряда

Алабужинского (к западу от современного райцентра Пресногорьковки Северо-Казахстанской области), захватывая земли по рекам Уй и Тобол. В крепостях, форпостах и редутах от Алабужинского до Озерного службу несли Оренбургские казаки. Часть этой линии называлась Оренбургской, на остальной части службу несли Уральские казаки [3; 8].

Что представляла собой Оренбургская линия? Граница линии проходила от города Гурьева через Каспийское море, поднималась вверх по реке Урал до Верхнеуральска. Затем эта линия продвинулась к р.Ую и вниз до Тобола, где сталкивалась с Сибирской казачьей линией. Населена она была русскими казаками, азиатскими пограничными охранниками. Линия уральских казаков граничила от Гурьева до Уральска на западе со степью Букеевской орды, а на востоке- с западными племенами Младшего жуза [4, 366].

Деятельность Оренбургского губернатора И. И. Неплюева сводилась к концентрации на Яике регулярных войск, а затем к составлению так называемого «запасного плана» [5, 53]. Суть данного плана заключалась в мобилизации русских для формирования укрепленных линий, т. е. построение крепостей и связывающих эти крепости редутов, которые основывались по Яику, по Иртышу. Была укреплена и создана Уйская линия [6, 14–15]. Главной военной базой должен был служить город Оренбург. Кроме трех регулярных полков (одного конного и двух пехотных) в состав оренбургского корпуса должны были войти: 1000 донских казаков, 3 тысячи уфимских башкир, 500 мещеряков, от 300 до 500 ставропольских крещеных калмык и от 3 до 4 тысяч татар из Казанской губернии [7, 53].

В данной ситуации царское правительство понимало, что народ оружием не взять, поэтому использовала различные ухищрения (присвоение звания тарханов и освобождение от налогов). Цель: во — первых, принижение авторитета местной власти и постепенное строительство крепостей. Во-вторых, территориальный захват плодородных земель и, в-третьих, распространение национальной вражды между башкирами и казахами.В 30–70-х гг. XVIII в. царское правительство предпринимает следующие шаги, создает ряд оборонительных сооружений от Каспийского моря до Забайкалья для усиления военного присутствия на востоке страны [8, 144].

От Верхояицкой пристани вниз по реке Ую и по реке Тоболу до Царева городища были построены укрепленные крепости. Между поселениями были возведены малые редуты для содержания караулов и убежище от неприятеля. Чтобы часовым видеть неприятеля при редутах были сооружены караульные столбы [9, л. 56]. От Красной горы вверх по Яику до Верхояицкой пристани подлежало построить крепости удобные и безопасные для заселения, удовлетворенные водой и расположенные вблизи леса и луга. Имелись удобные земли для пашни [10, л. 55 об.]. В районе пашенных и сенокосных мест должны были располагаться леса или буераки, где можно было работающим спасать себя от внезапных неприятельских набегов. Устроить оборонительные засеки или обделать рогатками, или надолбами [11, 215].

18 мая 1734 года Анна Иоанновна утвердила инструкцию статского советника И. Кириллова «О распоряжении по устройству и населению города при устье реки Ори и по отношению с окрестными народами». В одном из пунктов данной инструкции содержался запрет казахам кочевать на правой стороне Яика. Для степняков желание кочевать на внутренней стороне линии было важно и необходимо. Они не раз подавали прошение о кочевание на правой стороне р.Яик. В ноябре 1741 года около одной тысячи казахских хозяйств изъявили желание кочевать у Яицкого городка и по реке Яику [12, 56].

В 1737 г. был одобрен план устройства Нижнеяицкой дистанции. Данный план состоял в том, чтобы поселить самарских и алексеевских дворян, а в Гурьевом городке — казанский драгунский полк, которому поручалось вести оборону Новой линии. Сенат, убедившись в правоте доводов губернатора И. И. Неплюева, разрешил казакам селиться у Нижеяицкого городка, сначала в двух пунктах, в каждом из которых находилось войско, состоящее из 500 человек. Первыми пунктами этой линии являлись два казачьих городка, один при урочище Кулагиной-Ярке,

в 120 верстах от Гурьева, другой при Калмаковом — Яру, в 80 верстах. Казаки несли службу на Нижней Яицкой дистанции, «чтоб те крепости, охраняя, башкиров обуздать, а казахов от воровства удержать …» [13, 16]. Нижнеяицкая линия была основана с целью прекращения набегов со стороны казахов. Она была заселена беглыми крестьянами, а затем переселенцами из внутренних и южных губерний по распоряжению правительства.

Усиление Джунгарии в 30-х и 40-х гг. XVIII в. помешало прочному основанию здесь русских, принудив их временно отказаться от наступательного движения, и заставило обратить внимание на укрепление границ и принятие особых мер предосторожности. Недостаток воинских формирований на линии восполнялся как за счёт ссыльных и военнопленных. По данным 1744 г. в крепостях Иртышской военной линии разместились военные в количестве 1357 человек [14, 135]. По мере возрастания роли крепостей, правительство стало больше всего уделять внимание усилению вооружения. В 40–50 годах XVIII в. военное руководство Сибирских линий, учитывая значение прииртышских крепостей, своими официальными распоряжениями стремилось укрепить пограничные крепости. Усилить колонизацию края военным населением и постепенно расширить границу на юге и вглубь степи, в связи с активизацией военных действий Джунгарии. В 1745 г. правительство направило воинские формирования, состоящие из пяти полков пехоты и конницы для охраны границ [15, 152].

Иртышская линия, расположенная на правом берегу р. Иртыша была предназначена для защиты от набегов кочевников. Линия тянулась по правую сторону Иртыша. Северная ее часть принадлежала к Барабе, а левая — к Ишимской степи. Иртышская укрепленная линия представляла собой систему оборонительных сооружений [16, 82].Для связи между крепостями Иртышской военной линии построили целый ряд укреплений и семь промежуточных форпостов: Ачаирскую, Черлаковскую, Осморыжскую, Чернорецкую, Коряковскую, Семиярскую и Убинскую [17, 125]. К середине 50-х годов Иртышская укрепленная линия имела 5 крепостей,15 редутов, несколько мелких застав. Промежутки между укреплениями охранялись сторожевыми постами и конными разъездами [18, 221].Расстояния между укреплениями не превышало 30 верст, сплошь заросшие непроходимой чернью, что составляло естественную защиту русских пределов. Форпосты и крепости были построены по всем правилам военной науки того времени. Из-за постоянных набегов кочевников мирные жители были вынуждены свои деревни ограждать рогатками, палисадами и земляными валами [19, 76, 78]. В них проживало 2646 казаков (по данным 1761 г.). За 10 лет произошло их уменьшение на 133 человека [20, 44].

Подготовка к созданию Новой укрепленной линии началась в 40-х годах, стимулируемая установлением протектората Джунгарии над Средним жузом. В 1746 г. была направлена инструкция генералу Х. Х. Киндерману о выборе мест для строительства Новой линии, в которой отмечалось: «Крепко смотреть, чтобы настоящих сибирских и угодных мест за линиею не оставалось, напротив и внутрь казахских земель не вдаваться, чтобы не подать им причины к претензиям, а паче к возмущению» [21, 95–96]. В ходе разведки лесостепного пространства Западной Сибири было составлено два варианта строительства линии: первый вариант от Утяцкого форпоста на Тоболе через Коркину слободу до Чернолуцкой слободы на Иртыше. Второй вариант по южной кромке лесостепи — от урочища Звериная голова на Тоболе через средний Ишим вдоль Камышловских горько- соленых озер до Омской крепости. Кроме этих вариантов изучались и другие [22, 72–73].

В 1751 г. командир Сибирского корпуса генерал-майор Х. Х. Киндерман представил в военную коллегию свой проект создания Новой линии от Звериноголовской до Омской крепости. Он предложил оставить в городах только сибирских дворян и детей боярских, а всех остальных, которые не получили жалованье и провиант, направить на службу. Учредить три казачьих полка для охраны границ [23, с. 44]. Этот проект был утвержден Сенатом только 26 марта 1752 г. Во вводной части этого проекта указывалось: «Об учреждении в Сибирской стороне … от Омской крепости до урочища Звериная голова линий крепостей и редутов» [24, с. 74–75]. В состав данной линии вошли крепости: Петропавловская, Пресногорьковская, Покровская, Николаевская, Лебяжья, Полуденная, Становая, Пресновская, Кабанья, станицы и поселки. Новая линия состояла из трех дистанций: Тобольской, Ишимской и Тарской. Протяженность ее составила 579 верст и получила она название Ново-Шумской, Пресногорьковской, или просто Горькой линией ввиду обилия в степи горько-соленых озер [25, 197]. Вот как описывали современники Горькую пограничную линию: «… можно признать за одну из самых неудобных и неудачных мест для колонизации …» [26, 82]. У стен крепостей основывались поселения из отставных и женатых солдат и казаков, торговцев и крестьян — переселенцев.

Как считали, многие ученые на протяжении длительного времени основными носителями земледельческой культуры являлись обедневшие казахи. Как писал Т. Сейдалин: «Доведенные бедностью и неудачами до невозможности кочевать — они … обращались к исключительному занятию хлебопашеством». Некоторые зажиточные казахи просили выделить для них пашенные и сенокосные угодья вблизи линейных форпостов. В 1749 г. для занятия хлебопашеством в верхнеиртышских крепостях казахи у приезжих зюнгорцев обменяли 315 волов [27, л. 479–479 об.]. Очаги земледелия представляли собой небольшие, возделанные мотыгой участки посевов проса, орошаемые выведенными из реки арыками и ручным чигирем. Данный вид хозяйства являлся относительно устойчивым [28, 226].

Вопрос об оседании казахов давно был поднят царским правительством. В нем царское правительство

усматривало верное средство «укротить их буйный нрав» для того, чтобы обеспечить безопасность караванной торговли со Средней Азией. Для поощрения оседания казахов правительство тогда отпускало большие средства на постройку «дворцов ханам и султанам», примеру которых, по мысли царского правительства, должны были последовать казахи. Все эти мероприятия правительства, разумеется, не имели тогда успеха даже среди ханов и султанов, так как они не отвечали ни политическим, ни хозяйственным интересам кочевников [29].

Начавшееся оседание казахов было не только результатом политики царского правительства, оно обусловливалось и развитием казахского хозяйства, подвергавшегося воздействию экономики и быта со стороны русского населения. Оседание кочевой знати развивалось главным образом в районах смежных с крепостями и меновыми дворами Иртышской линии. Именно здесь ощущалось влияние русского хозяйства и быта, чем в центральных и южных районах Казахстана [30, с. 242–243, 245]. Хлебопашество распространялось в Тобольской губернии. В Тарском уезде, согласно описанию, «русские… по мало имению у них … сенокосов» пользовались лугами местных татар «каждый год за договорную с ними плату» [31, 78].

Кроме разных военных и земских работ, а также охраны укрепленных линий на казаков было возложено казенное хлебопашество, введенное Х. Х. Киндерманом, как подспорье для продовольствия пограничных войск [32,13]. Для проведения земледельческих работ правительство направила в 1750 г. в верхнеиртышские крепости 400 человек из крепостных и городовых казаков. Им предоставили лошадей и каждому по паре волов, а также земледельческие орудия [33, л. 1 об.]. В Тобольской, Ишимской и Тарской хлебопашеством в основном занимались выписные казаки [34, л. 2 об.]. В казахскую степь направлялись донские, яицкие и уральские казаки по 1000 человек для содержания кордонов по Сибирским линиям, необходимые для охраны Оренбургской линии. Некоторые из них остались навсегда в Сибирском войске и обзавелись хозяйством [35, л. 24].

В результате осуществленных колониальных мероприятий царизмом в степи коренное население оказалось в самом затруднительном положении вследствие потери своих кочевий, ухудшения экономического положения. Они были вынуждены переселяться в другие регионы. Заселение казачества и крестьянства повлияло на демографическую ситуацию в регионах.

Список литературы:

1. Бекмаханов Е. Б. Казахстан в 20–40 годы XIX в.–Алма-Ата,1992.
2. Кайсар Кусайынулы Читая документы о казахско-русских отношениях в XVIII–XIX вв. – Алматы, 2001.
3. Муканов М. С. Этническая территория казахов в XVIII-нач.XX вв. – Алма-Ата,1991.
4. Граф фон Хельмерсен Путешествие по Алтаю, совершенное в 1834 г. Немецкие исследователи в Казахстане. История Казахстана в западных источниках XII–XX вв. в 10 томах. – Ч. 1. – Т. 5. – Алматы, 2006.
5. Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк. – Вып. 1. – Т. 1. – Оренбург,1900.
6. Кайсар Кусайынулы Читая документы о казахско-русских отношениях в XVIII–XIX вв. – Алматы, 2001.
7. Добросмыслов А. И. Тургайская область. Исторический очерк. – Вып. 1. – Т. 1. – Оренбург,1900.
8. Касымбаев, Ж. К. История города Семипалатинска (1718–1917 гг.). – Алматы,1998.
9. АВПРИ. Ф.130, Оп. 130\2, Д.1, Л.56.
10. АВПРИ. Ф.130, Оп. 130\2, Д.1, Л.55 об.
11. Первые историко-этнографические описания казахских земель XVIII в. История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Государственная программа «Культурное наследие». – Т. 4. – Алматы, 2007.
12. Кабульдинов З. Е. Казахи внутренних губерний России во второй половине XVIII-нач. XX веков (историко-демографический аспект). – Павлодар, 2002.
13. Бекмаханова Н. Е. Легенда о Невидимке (участие казахов в крестьянской войне под руководством Е. Пугачева в 1773–1775 гг.). – Алма-Ата, 1968.
14. Инсебаев Т. А. Очерки истории Павлодарского Прииртышья с древнейших времен до XX века. – Ч. 1. – Павлодар, 2000.
15. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная книга для русских людей под ред.Семенова В. П. – Т. 18. – СПБ.,1903.
16. Прохоров И. Расселение сибирских казаков в Казахстане во II-й половине XVIII-начале XIX вв.//Евразийское сообщество. – 2002. – № 3.
17. Инсебаев Т. А. Очерки истории Павлодарского Прииртышья с древнейших времен до XX века. – Ч. 1. – Павлодар, 2000.
18. Краснов В., Дайнес В. Русский военно-исторический словарь//Пресс «Олма». – М.,2002.
19. Матвеев, А. В., Свиридовский, О.А Новоишимская (Горькая линия военных укреплений XVIII в.: источники, история изучения, результаты последних известий)//Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. – 2000. – № 8.
20. Ивонин А. Р. Казаки на Сибирском фронтире в XVIII–XIX вв.//Сибирское казачество: прошлое, настоящее и будущее. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященный 420-летию Сибирского казачьего войска г. Омск 17–18 декабря 2002 г. – Омск, 2003.

21. Колесников А. Д. О национальном составе населения Омской области (исторический процесс формирования населения среднего Прииртышья в этническом и национальном отношениях)//Материалы к 3 научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока. – Вып. 1. – О.,1966. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII–нач. XIX вв. – О.,1973.
22. Ивонин А. Р. Казаки на Сибирском фронтире в XVIII–XIX вв.//Сибирское казачество: прошлое, настоящее и будущее. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященный 420-летию Сибирского казачьего войска г. Омск 17–18 декабря 2002 г. – О.,2003.
23. Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII-нач.XIX вв. – О.,1973.
24. Абдиров, М. Ж. Завоевание Казахстана царской Россией и борьба казахского народа за независимость (из истории военно-казачьей колонизации края в конце XVI – начала XX вв.. – Астана, 2000.
25. Прохоров И. Расселение сибирских казаков в Казахстане во 2-й половине XVIII-начале XIX вв.//Евразийское сообщество. – 2002. – № 3.
26. РГАДА. Ф.248.ОП. 4.Д.187.Л.479–79 об.
27. Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI -первой половине XIX вв. – М.,1976.
28. Аспандияров Б. Образование Букеевской орды и ее ликвидация/Б. Аспандияров. http://bibliotekar.kz/Казахская библиотека.
29. Аполлова Н. Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI -первой половине XIX вв. – М.,1976.
30. Никитин Н. Предъявлять ли счет векам?//Родина. – 1990. – № 5.
31. Усов Ф. Статистическое описание Сибирского казачьего войска. ИзданиеГлавного управления иррегулярных войск. – СПБ.,1879.
32. РГАДА. Ф.248. Оп. 113. Д.566. Л.1 об.
33. РГАДА. Ф.248. Оп. 113. Д.566. Л.2 об.
34. ГАОмО РФ. Ф. 366.Оп. 1. Д.91. Л.24.

Pogrebennyk Andriy Ivanovich,
Yuriy Fedkovych Chernivtsi National University,
postgraduate student, the Faculty of History,
Political Science and International Relations
E-mail: pogrebennykandriy@gmail.com

Slavic religious dualism in the X–XV-th centuries: Bulgarian bogomils as a factor in the emergence and spread of the Albigensian catharism ideology

Abstract: In the article the author analyzes the Bulgarian bogomiles, anti-clerical movement in the X–XV centuries, which appeared in the Balkans (Bulgaria). Bogomiles doctrine not only significantly influenced the French Cathars (Albigensians), but also on the Waldensian and, thus, to the Reformation. In the Bosnian kingdom Bogomil faith is an official from the XIII to XV century. Slavs Bosnians stubbornly refused to accept the Catholic or Orthodox faith and after the Ottoman invasion gradually converted to Islam.

Keywords: Bogomils, dualism, Manichaeism, Qatars, Bulgaria, the Balkans.

Погребенник Андрей Иванович,
Черновицкий национальный университет,
им. Юрия Федьковича, аспирант,
Факультет истории, политологии
и международных отношений
E-mail: pogrebennykandriy@gmail.com

Славянский религиозный дуализм X–XV вв.: болгарское богомильство как фактор возникновения и распространения идеологии альбигойского катаризма

Аннотация: В статье автор анализирует антиклерикальное движение болгарских богомилов X–XV веков, которые впервые появились на Балканах (Болгария). Богомильская доктрина оказала существенное влияние

не только на французских катаров (альбигойцев), но и на вальденсов и, таким образом, на дальнейшую Реформацию. В Боснийском королевстве богомильская вера являлась официальной на протяжении XIII–XV вв.

Ключевые слова: богомилы, дуализм, манихейство, катары, Болгария, Балканы.

Термином "альбигойцы" их современники обобщенно называли представителей двух крупных еретических течений — катаров и вальденсов, по месту возникновения первых — региону Альбижуа с центром в городе Альби на юге Франции. Догматика и мировоззрение южнофранцузских катаров формировались под влиянием многих религиозно-философских учений и течений, поэтому для понимания идеологической сути и происхождения катаризма необходимо проследить историческое развитие дуалистической догмы во всех ее проявлениях и особенностях регионального распространения.

Целью исследования является анализ особенностей формирования и распространения богомилського религиозного дуализма болгар и других балканских народов X–XV веков, как почвы для дальнейшого возникновения катарского дуализма на юге Франции.

Источниковой базой исследования являются труд болгарского церковного писателя X века Козьмы Пресвитера "Беседа о новоявленной ереси Богомила" [2], в котором автор выражает негативное мнение официальной церкви касательно богомильства, Тайная книга богомилов [6], рассуждения Кирилла Философа о крещении болгар Солунская легенда [4], Сказание пророка Исайи о грядущих летах и об Антихристе [1], сведения Об антибогомильском соборе Борила [5].

На сегодняшний день тематическая историография посвященная проблематике богомильства и дуалистических ересей является достаточно обширной и полной, поскольку сохранились автентичные письменные источники исследуемой эпохи.

Данная тематика тем или иным образом анализируется и оценивается в целом ряде публикаций — научных статьях, концептуальных трудах и т. п. Ключевыми являются труды болгарских исследователей А. Ангелова, Богомилството [7] и А. Стойнева, Св. Иван Рилски, официалното християнство и богомилството [18], в которых анализируются основные идеолоческие, догматические и социальные аспекты богомильства, причины его возникновения и распространения.

Значительный фактологический материал посвященный вопросу болгарского дуализма содержат исследования российских ученых Л. Карсавина [9], О. Лейста [11], Н. Осокина [15], Н. Стеллецкого [17].

Среди западных (в первую очередь французских) ученых-медиевистов общие черты богомилов и фрацузских катаров анализировали Р. Каратини [8], Ж. Мадоль [13], Р. Нелли [14].

Развитие альбигойского вероучения берет свое начало в гностицизме II ст. н. э., корни которого лежат в иудаизме. Гностицизм как интеллектуальное философско-религиозное течение приобрел выразительные формы в правление императора Адриана (117–138), и во всей полноте отобразился в теориях Сатурнина, Василида, Татиана, Менандра, ряда других мыслителей того времени [13, С. 53].

Среди множества еретических идей, под непосредственным влиянием гностиков, в дальнейшем последовательно формировались учения манихеев, присциллиан, ариан, несториан, павликиан и болгарских богомилов — тех сект, которые большинством авторитетных ученых считаются непосредственными родоначальниками альбигойцев дуалистического толка [8, С. 74]. Именно манихейство и присциллианство непосредственно повлияло на формирование и стало основой будущего провансальского катаризма на этапе его становления [15, С. 121].

Вторым, после манихейского, этапом кристализации альбигойской дуалистической догмы был период греческих павликиан и эвхитов, а также славянского богомильства. Третим и последним периодом стало собственно возникновение провансальского альбигойства. Манихейство в греческой и славянской формах указанных ересей оказалось на ступень ближе к альбигойству. Представители гностической секты павликиан (публикан) попали в Лангедок с Малой Азии, сменив там присциллиан [14, С. 89].

Секта павликиан была основана в начале VII в. в Армении Константином Сильваном. Название течения происходит от имени апостола Павла. В IX в. еретики создали собственное государство в Западной Армении со столицей в городе-крепости Тефрика, который был захвачен ромеями в 872 г. — в период правления императора Василия I (867–886) [14, С. 173–174]. Император Иоанн Цимисхий (969–976) предоставил им земли во Фракии, около Филиппополя; эта территория имела исключительное значение в глазах альбигойцев как духовный центр еретического учения. "Вскоре, говорит Анна Комнина, все вокруг Филиппополя стало еретическим" [15, С. 278].

Манихейство упрочилось в Болгарии и трансформировалось там в новую религиозную систему. Более того, она противодействовала введению в стране христианского вероучения. Так, язычество на территории Болгарии продолжало существовать до эпохи правления царя Петра Симеоновича (927–969) [7, С. 42–43].

На смену христианским просветителям Болгарии туда прибыли павликианские миссионеры из Армении. Особенно влиятельными павликиане стали, когда в 40-х гг. XI века в их среде появился ересиарх, священник Василий Богомил. Успехам этого "славянского Мани" способствовало то, что болгары и другие славянские этносы стали предметом столкновения интересов Римской и Константинопольской Церквей [19, С. 201].

При царе Борисе (864–889), который некоторое время колебался, какому иерарху — Римскому или Константинопольскому — доверить крещение страны, в 865 году

было принято православие. Однако до 30-гг. следующего столетия в Болгарии оставалось влиятельным дуалистическое движение [7, С. 74]. Царь Борис предоставил большие права Болгарской Церкви, чтобы удержать ее под своим контролем. Болгарский архиерей получил в византийской церковной иерархии второе место после Константинопольского патриарха, а к середине X века стал независимым патриархом, хотя и ненадолго [7, С. 76–77].

Болгария долгое время была предметом вражды двух христианских Церквей; она же послужила одной из причин их разделения в 1054 г. [15, С. 121]. Ряд папских грамот Стефан V (885–891) и Иоанн X (914–928) был направлен на ограничение использования славянских языков [12, С. 241]. Такая слишком прямолинейная политика папства способствовала образованию славянского мировоззренческого дуализма, который в свою очередь был непосредственным предшественником альбигойско-манихейского вероучения [15, С. 147].

Богомилы, просуществовавшие на территории Болгарии вплоть до середины XII века, называли себя также и греческим словом "катары" — "чистые", которое со временем использовалось по отношению к провансальским альбигойцам. Чтобы жизнь вполне соответствовала такому названию, дух должен был осуществить полную победу над грубым материальным бытием, победу над дьяволом, который "хочет быть совершенно равным Богу" [11, С. 65]. Признание учения Нового Завета, переведенного с греческого текста на славянский, отвержение Ветхого, как изобретения дьявольского, общедоступная проповедь на родном языке, отрицание Крещения и Причастия, идея, что Христос имел только видимое тело, неприятие образов и креста, соблюдение некоторых практических обрядов — все это связывало богомильство с предшествовавшими ему манихейством и восточным павликианством, из которых оно органически развилось [15, С. 179]. Именно богомилами был выработан обряд возложения рук для "соединения с Духом Святым", впоследствии заимствованный у них альбигойцами (consolamentum). Фактическое разделение сектантов на две ветви, безусловного дуализма и смягченного, повторилось в дальнейшей истории катаров [13, С. 248].

Злое и доброе начало богомилы, будучи в массе своей умеренного толка, считали порожденным от высшего, особого верховного Существа и притом так, что Сатанаил был старшим его сыном, а Иисус — младшим. Вместе они составляют Троицу, над которой витает еще вторая, гностическая Троица — из Бога, Слова и Духа Святого [15, С. 189–190].

Это учение почти дословно было перенято большинством альбигойцев. В такой форме религиозного вольнодумства проявился вклад славянства в дальнейшую общеевропейскую религиозную историю.

Чтобы лучше понять происхождене альбигойства в его окончательном виде и особенности его распространения под двойным влиянием старого манихейства и нового богомильства, необходимо остановиться на "Слове" пресвитера Козьмы, современника эпохи болгарского царя Самуила (997–1014), правителя Западно-Болгарского царства [2, С. 246–265]. Обличение Козьмы как современника, однозначно решает вопрос об отношении богомилов к провансальским еретикам и о непосредственной связи последних с первыми.

Согласно Козьме богомилы часто укоряли верующих-ортодоксов: "Отчего живете не так, как то велено, как к Тимофею писал Павел. Не видим вас такими, но все противное тому творят попы, упиваются, грабят, и нет никого, кто воспрепятствовал бы их злым делам… Но что, говорят еретики: мы Бога призываем молениями… Мы более вас Бога молим, и бдим, и молимся, а не живем в лености, как вы" [2, С. 249].

Главные догматы богословского вероучения о самостоятельности и могуществе дьявола, создавшего мир, приводят обличителя в ужас: "Вам же, еретики, кто сказал, что Бог не сотворил всю сию тварь? Бог и нас и все видимое и невидимое сотворил. Ваши же мысли и словеса диавол всеял, не найдя места под небесами, он свил гнездо в ваших сердцах…" [2, С. 250]

Ожидание Антихриста еще более уподобляет еретиков альбигойским сектам XII-XIII вв. В том же "Слове" находим: "Авраама же, друга Божия, и Даниила, и Азарии и прочих пророков не приемлют, их же и звери свирепые убоятся и огонь угаснет. Иоанна же Предтечу, эту зарю великого Солнца отрицают, называя его антихристовым предтечей… Сами еретики по истине — антихристы, — заключает обличитель" [2, С. 261]. Исповедь их была такой же, какую требовали позднейшие кальвинисты: "Еретики же сами в себе исповедь творят и принимают, сами являясь связанными узами диавола; не только мужи ее творят, но и жены…" [2, С. 263–364]. Элементы будущей церковной оппозиции были, таким образом, весьма внушительны и опасны.

Социально-гражданский быт богомилов представлял не менее радикальное явление. Славянские еретики были далеко не чужды государственных идеалов и утопий. Они проповедовали политическое учение в таких формах, что обличитель должен защищать перед ними (богомилами) необходимость государственной власти [11, С. 78]. Таким образом, республиканские стремления альбигойцев, их тяготение к городской конституции, их борьба, направленная столько же за веру, сколько за гражданскую свободу, — все это в значительной степени объясняется политическим характером ереси, предшествовавшей им [16, С. 432].

"Учат же своих не повиноваться властителям своим, хулят богатых, царя ненавидят, ругают старейшин, укоряют знать, мерзостью перед Богом считают работать на царя и всякому рабу не велят работать на своего господина", — говорится в "Слове" [2, С. 263]. Далее обличитель настойчиво старается доказать, что "цари и знать Богом поставлены" [2, С. 264]. Вместе с тем, своей склонностью к скрытности и лицемерию богомилы, как и альбигойцы, всегда обладавшие тактом, умели искусно прятать свои политические взгляды, которые ничем

не обнаруживали, пока не рассчитывали на верный успех. Именно эту политическую особенность, определяющую все их учение, они передали своим последователям на западе Европы [11, С. 83].

На сегодняшний день есть основания утверждать, что богомильство в разных формах возникло в среде других славянских народов на Балканах и Руси. Данные о появлении ереси в Сербии содержатся и в текстах книги "Законник" времён короля Стефана Душана (1349 г.). В Сербии возникло и одно из прозвищ богомилов — "бабуны", встречавшееся и в югозападных болгарских землях [11, С. 93]. В середине XIII столетия боснийские богомилы или патарены, имели собственную организацию и духовного руководителя: он назывался "дед", аналогично с болгарскими богомилами — у них был "дедец" [18, С. 75]. В кон. XIV — в начале XV вв. последователи богомильских идей сущетвовали и на территории русских земель в форме стригольничества (ересь, сходная с болгарским богомильством и подверженная сильному влиянию с его стороны) [18, С. 106].

Подытоживая изложенный материал, необходимо сделать неколько ключевых выводов. Во-первых можно констатировать, что катарская дуалистическая догматика в своем развитии прошла три этапа — гностическо-манихейский, павликианский (богомильский) и, собственно, альбигойский. Во-вторых, период становления катарской идеологии длился на протяжении III–XII вв. Именно богомильство, возникшее в Болгарии в IX веке, стало переходной ступенью к возникновению и распространению катаризма сначала в Италии, а затем на Юге Франции в XII веке. Догматика, идеология, быт и морально-этические принципы болгарских богомилов практически полностью были заимствованы французскими катарами. Вместе с тем, дуализм как религиозное явление был издавна присущ славянским верованиям и мировоззрению славян, поэтому следует подчеркнуть, что корни западноевропейского катаризма отчасти лежат в духовно-религиозном дуализме славянских народов. Этот исторический факт подтверждает родство восточно и западноевропейских еретиков IX–XIII вв.

Список литературы:

1. Исайя, 45:7//Библия. – М.: Российское Библейское Общество, 2011. – 1408 с.
2. Козьма Пресвитер. Слово о новоявленной ереси Богомила//Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков: Сборник. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 246–265.
3. Об антибогомильском соборе Борила//Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков: Сборник. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 272–273.
4. Солунская легенда//Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков: Сборник. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 266.
5. Сказание пророка Исайи о грядущих летах и об Антихристе//Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков: Сборник. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 267–271.
6. Тайная книга богомилов//Родник златоструйный: Памятники болгарской литературы IX–XVIII веков: Сборник. – М.: Художественная литература, 1990. – С. 240–245.
7. Ангелов Д. Богомилството. – София: Булвест-2000, 1993. – 495 с.
8. Карсавин Л. П. Очерки средневековой религиозности//История ересей. –М.: АСТ, Хранитель, 2007. – С. 9–266.
9. Каратини Р. Катары. – М.: ЭКСМО, 2010. – 400 с.
10. Кенигсбергер Г. Г. Средневековая Европа. 400–1500 годы. – М.: Весь мир, 2001. – 384 с.
11. Лейст О. Э. Общественно-политические взгляды богомилов как выражение революционной оппозиции против феодализма в средневековой Болгарии. – М.: Зерцало, 2009. – 208 с.
12. Лозинский С. Г. История папства. – М.: Политиздат, 1986. – 382 с.
13. Мадоль Ж. Альбигойская драма и судьбы Франции. – СПб.: Евразия, 2000. – 326 с.
14. Нелли Р. Катары. Святые еретики. – М.: Вече, 2005. – 400 с.
15. Осокин Н. А. История альбигойцев и их времени: В 2-х т. – М.:, АСТ, 2003. – Т. 1–2. – 896 с.
16. Сидорова Н. А. Народные еретические движения во Франции в XII–XIII веках//Французский ежегодник, 1961. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 432.
17. Стеллецкий Н. С. Болгарская ересь богомилов//Миссионерское обозрение. – СПб.: Типолитография В. В. Комарова, 1902. – 46 с.
18. Стойнев А. Св. Иван Рилски, официалното християнство и богомилството. – София: Фар, 1991. – 146 с.
19. Тальберг Н. История Христианской Церкви: В 2-х ч. – М.: Интербук, 1991. – Ч. 1–2. – 516 с.

Section 4. Philology and linguistics

Malakhov Sergey Viktorovich,
candidate of historical sciences, associate professor
E-mail: svmalakhov@mail.ru

Similarity in the names of some Old World straits

Abstracts: The names of the Old World straits, their coasts and islands starting with the combination **lm/rm** once conveyed the concept of places most suitable for crossings. Certain similarity of their phonetic structure evidently indicates that in these parts of the oecumene there also formerly were similar phonetic and semantic forms or words connected with them.

Keywords: name of the Bab el Mandeb, English Channel, Lombok Strait, Lake Alumine, Geneva, Iliamna, Ilmen, Loch Lomond, Rempang Island, City of Abydos, Bremen, Lampsacus, Manama, Rimini, Lampung Province.

Малахов Сергей Викторович,
кандидат исторических наук, доцент
E-mail: svmalakhov@mail.ru

Сходство в названиях некоторых проливов Старого Света

Аннонтация: Названия нешироких проливов Старого Света, их побережий и островов, начинающиеся сочетанием **lm/rm**, в своё время передавали понятие мест, более других подходящих для переправ. Известное сходство их фонетического строя, очевидно, свидетельствует о том, что в этих частях ойкумены с ними когда-то связывались и сходные фонетико-семантические формы или слова.

Ключевые слова: название пролива Баб-эль-Мандеб, Ла-Манш, Ломбок, озера Алумине, Женевского, Илиамна, Ильмень, Лох-Ломонд, острова Ремпан, города Абидос, Бремен, Лампсак, Манама, Римини, провинции Лампун.

Ниже приведены материалы, свидетельствующие о том, что в названиях нескольких нешироких проливов Евразии есть определённое, хотя и неочевидное, фонетическое сходство. Работы по топонимике проливов, связанные с близостью в их наименованиях, мне неизвестны. Выводы помечены звёздочками. **Al, ar, el, il, la, le** и **y** ниже — артикли.

1. В части индоевропейских языков названия пролива Ла-Манш начинаются со слогов, складывающихся в сочетания **lm** или **rm**. При том, что **l** и **r** передают согласные, которые отличает известная парность (в индоевропейских языках, например, **l** иногда переходило в **r**), это можно представить как две близких или даже одну консонантную основу соответствующих имён собственных.

Ср.: исландск. **Ermarsund** (sund «пролив, узкая дорога»), испанск. **la Mancha**; итальянск. **la Manica**, немецк. **Ärmelkanal** (Kanal «канал, проход»), окситанск. **la Mànega/Manja/Marga**, французск. **la Manche** (manche «узкий пролив, тракт») — «Ла-Манш» — пролив между Францией и Великобританией, берега которого сближаются до 33 км, соединяющий Кельтское и Северное моря. При разбивке этих топонимов по фонетической близости, мы получим: **Ärmelkanal — Ermarsund — la Marga и la Mancha — la Manche — la Mànega — la Manica — la Manja**. Сопоставим их со словами, которые тоже начинаются так и, возможно, близки понятию пролива своими значениями.

Английск. **arm(let)** «(небольшой) морской залив»; арабск. **al-madiq** «узкий пролив, фьорд» المضيق; арамейск. **lmny** «озеро»; бретонск. **ar mor** «море»; волофск. **romba** «проходить, пересекать»; др.-греческ. **ἅλμη** «море», **λέμβος** «лодка», **λιμνη** «болото, озеро, залив, море»; игбо **òrìmìlì** «большая река, море»; индонезийск. **lambo** «шхуна, дау», **lampor** «дух, вызывающий разливы и приливы», **-lamun** «затоплять, заливать», **-lembak** «разливаться, выходить из берегов»; др.-исландск. **almenningsfar** «общественная переправа/перевоз»; испанск. **almadìa** «переправа, перевоз», **armadìa** «плот», **la marisma** «болото, лиман; берег, заливаемый приливом»; итальянск. **il mare** «море»; китайск. **làimén(hù)** «узкий пролив» (lài «мелководье», ménhù «ворота, проход») 瀨門(戶), **liúmàn** «разливаться, выходить из берегов» 流漫, **rùmén** «входить (в двери/ворота)» 門入; латинск. **līmen** «вход, ворота»,

lūmen «проём»; монгольск. **улам** «топкое место, брод, переправа» [1, 90]; мусей **lumba** «лодка» [2 a]; русск. **ильмень** «мелководное и заболоченное озеро»; суахили **lambo** «плотина, дамба, гать», **rambaza** «крейсировать»; з.-тохарск. **lyam** «море»; турецк. **ırmak** «большая река»; тяминтюнгск. **laman** «река» [2 b]; украинск. **лиман** «залив при впадении реки в море»; финск. **lampi** «(окружённое болотами) озерцо», **ylimeno** «переход, переправа»; французск. **la moere** «низменность или болото, покрытое водой», **le marais** «болотистая местность, заболоченное озеро»; эвенкийск. **лāм(у)** «море», **олō-ми** «брести по грязи или песку, переходить вброд»; эстонск. **üle minema** «перебираться, переходить, переправляться» (üle «через, над», minema «идти, держать путь»); ягуа **ramutīnu** «мост» [2 c]; якутск. **оломнор** «мелководье, мели, броды»; японск. **iriumi** «узкий морской залив» 入海. * Из этой выборки следует, что концепт «неширокий пролив» представляет собой вариант более общего понятия «территории или акватории, передвижение по которым требует иных, нежели обычные, навыков и средств».

Английск. **Iliamna** «Илиамна» (крупнейшее озеро Аляски); др.-греческ. **Λεμάνη/Λεμάνος λιμνη**, латинск. **lacus Lemā (n)nus** (lacus «озеро»), французск. **le (lac) Léman** — «Женевское озеро» (крупнейшее озеро Швейцарии); испанск. **Aluminé** «Алумине» (большое озеро, Аргентина); др.-нидерландск. **Aelmere** «Алмере» (большое озеро, позднее — залив Зёйдерзе, Нидерланды); др.-русск. **Ильмень/Илмерь** «Ильмень» (большое озеро, Россия); (к) шотландск. **Loch Laomainn** «Лох-Ломонд» (loch «озеро»; крупнейшее озеро Шотландии). * Подборка, из которой следует, что имена собственные в их названиях «(большое) озеро», в общем, и значат.

Бретонск. **Armor** «Армор» (прибрежные территории Бретани, Франция); латинск. **Ar(e)morica** «Арморика». К римскому времени так называли побережье пролива Ла-Манш между Сеной и Луарой, иногда и Гаронной. Принято считать, что это слово кельтского происхождения и значит «Поморье». При том, что согласно Страбону «четыре пункта переправы, которыми обычно пользуются при переезде с материка на остров» Великобритания, — это устья Рейна (и Па-де-Кале), Сены, Луары и Гаронны [3, 190].

К северу от Сены на прибрежных территориях Па-де-Кале, наиболее узкой части пролива Ла-Манш, жили, по словам Плиния, оромарсаки; в этих же краях, но не на побережье — ульманекты (латинск. **Oromarsaci, Ulmanectes**) [4, 200]. Ср.: валлийск. **ar y môr** «(на берег) у моря» (ar предлог); латинск. **ōra maritima** «приморье, поморье» (ōra «берег, побережье», maritima «приморский»); латышск. **jūrmala** «побережье, поморье».

В крошечной акватории Па-де-Кале можно найти и несколько ойконимов подобного же фонетического строя, а именно половину от их общего числа на северной стороне Ла-Манша. * Это английск. **New Romney** «Новое Ромни» (new «новый»; городок, до конца XIII в. — заметный порт) <Ср.: итальянск. **Rimini**, латинск. **Arīminum**, романьольск. **Remni/Remne** — «Римини» (город, Италия). При микенск. **rimene** «гавань, порт» и зырянск. **ярманга**, марийск. **ярминта**, русск. **ярмонка**, татарск. **ярминкэ** — «ярмарка», японск. **urimono** «товар на продажу, продаётся» 売物. * Имея в виду, что 1) Ромни был портом в полузакрытой акватории Британского моря (пролива Ла-Манш), а Римини — в сопоставимой с ней и такой же полузакрытой акватории Адриатического, что 2) названия Римини и Ромни почти не отличаются от микенского слова «порт» и что 3) Эгеида, где использовался микенский язык, сравнима с ними и тоже представляет собой полузамкнутое, со множеством островов море, можно полагать, что названия обоих этих городов связаны с понятием торгового порта, принимающего корабли, которые приходят из недалеко отстоящих от него мест.>, **Ramsgate** «Рамсгит» (gate «ворота, проход»; портовый город, по преданию, основанный в середине V в.); латинск. portūs **Lemanis** «Леман» (portūs «гавань, порт»; римский порт, сейчас — селение Лимпн, английск. **Lympne**), **Vetus Rumellenum** «Старый Румеллен» (vetus «старый»; букв. «Старая Ярмарка», ныне — селение Старое Ромни, английск. **Old Romney**; old «старый»). При арабск. **al-mina'** الميناء, арамейск. **lmyn**, др.-греческ. **λιμην, ὁρμος** — «гавань, порт»; белорусск. **ярмолк**, крымскотатарск. **yarmalıq**, немецк. **Rummel** — «ярмарка»; испанск. **almoneda** «торги».

* Всё это позволяет считать, что имена собственные для Ла-Манша, приведённые выше, в своё время передавали понятие неширокого пролива как места, наиболее подходящего для полуморской переправы и связанного с подобного рода навигацией.

2. Сказанное можно повторить и в отношении других нешироких проливов Старого Света, их побережий и островов, названия которых начинаются сочетанием **lm** (особенно же — **lmn**) или **rm**.

Арабск. **al-Maghrib** «Магриб, Марокко» المغرب; испанск. **el Magreb** «Магриб». Этот наименование, сложившееся на рубеже VII–VIII вв., обозначало самую западную из арабских провинций Северной Африки. Центром её были Танжер (портовый город на юго-западной стороне Гибралтарского пролива, соединяющего море Альборан с Атлантическим океаном, наименьшая ширина которого 14 км) и прибрежные территории северного Марокко [5]. В средние века в понятие Магриба входила и исламская Андалусия, ограничивавшая этот пролив с северной стороны.

Тж.: арабск. **al-Madiq** «Мдик» (портовый город близ Гибралтарского пролива, Марокко) المضيق; испанск. **Almina** (полуостров на его юго-восточном побережье, занятый портовым городом Сеута, Испания). На северной стороне моря Альборан есть ещё два таких города: Альмуньекар и Альмерия (испанск. **Almuñécar, Almería**),

в средние века называвшиеся Мунаккаб и Марийах (арабск. **al-Munakab** المُنَكَّب, **al-Mry** المريّة).

Среди обозначений Гибралтарского пролива античного времени встречается и такое, как латинск. **līmen Interni maris** (букв. «ворота/граница Внутреннего моря») [4, 4].

Столица Бахрейна Манама (арабск. **al-Manam** المنام) расположена в той его части, где остров Бахрейн почти вплотную подходит к острову Мухаррак — там, где лежит одноимённый город (арабск. **al-Mahraq** المحرق), близнец Манамы и прежняя столица королевства. * Из чего можно сделать вывод, что и название Манамы с большой вероятностью связано с переправой, которая там была и остаётся по настоящее время — сейчас это мосты.

Арабск. **Bab-al-Mundib/Bab-el-Mandib** «Баб-эль-Мандеб» (bab «ворота, проход») باب المندب — пролив между Африканским материком и Аравийским полуостровом, соединяющий Аравийское и Красное моря; ширина его восточной части составляет 25 км и западной — 3 км. Островом Перим или Маюн (арабск. **Barym/Muyun** بريم/ميون) он разделяется на Большой или Дакт-эль-Маюн (арабск. **Diqqat-el-Mayun** دقة المايون) и Малый. <* Ср. с названием города Бремен (Германия) — немецк. **Bremen** (по всей видимости, форма множественного числа при латинизированном **Brema** для него же) «Переправы», сложившегося у бродов на Везере. Тж.: др.-исландск. **brimdýr/brimsvín** «судно»; калмыцк. **бурм** «паром, мост»; латинск. **permeo** «проходить, проплывать, пересекать»; литовск. **pramintas** «хоженый, торный»; немецк. **Prahm** «плот, паром»; русск. **перемычка** «дамба, плотина»; сербск. **премостити** «преодолеть препятствие, перекинуть мост(ок)»; тавгийск. **бэурэму** «место переправы»; тамильск. **pālam** «мост» பாலம்; эвенкийск. **бири-ми** «замостить, застелить».> Аравийское побережье этого пролива относится к Йемену (арабск. **al-Yaman** اليَمَن).

На азиатской стороне пролива Дарданеллы есть турецкий город Лапсеки, паромной коммуникацией связанный с противоположным его берегом. В своё время он назывался Лампсаком (др.-греческ. **Λάμψακος**). Тогда переправа из его гавани на северную сторону пролива составляла 7 км [3, 552]. * С учётом значения латинск. **rumpō** «разрывать, нарушать» и санскр. **lump-** «разрушать, разъединять» लुम्प्, первая половина этого ойконима может объясняться как «[лежащий там, где путь] разделён [проливом]». <Возможный перевод второй: [6, 82–83]. * Название города Абидос (др.-греческ. **Ἄβῦδος**; при **ἐπίτομος** «кратчайший») — ещё одного места переправы через Геллеспонт, берега которого сближаются здесь до 1 км — скорее всего, означает «[город у] кратчайшей [переправы через пролив]».>

Сундск. **Lampung** «Лампун (г)» (при **rompang** «разорванный, разъединённый») — территория острова Суматры, ограничивающая Зондский пролив с севера. * Имея в виду, что берега последнего сходятся до 24 км, и здесь проще всего переправиться на остров Яву, можно утверждать, что и этот топоним, скорее всего, детерминирован обстоятельствами, рассмотренными выше. Ср. с названием острова Ремпан (г, индонезийск. **Rempang**; при **rompong** «с обломанным краем/концом»). Расположенный в центре архипелага Риау, который фланкирует Сингапурский пролив с юга, Ремпан соединяет часть его островов; теперь его связывают с ними мосты.

Индонезийск. **selat Lombok** «Ломбокский пролив» (selat «узкий пролив»), что разделяет индонезийские острова Бали и Ломбок и лежит на морском пути между Индийским и Тихим океанами. Берега этого пролива сближаются до 18 км. Сообщение между Ломбоком и соседними островами (сейчас — паромное) поддерживается через одноимённый порт на восточном его побережье и порт Лембар (индонезийск. **Lembar**) — на юго-западном.

Английск. **Ly-ee-moon passage** (passage «проход, пролив»), китайск. **Lǐyúmén** (mén «проход, ворота») 鯉魚門, юэск. **Lei^{5}jyu^{4}mun^4** (mun^4 «проход, ворота») 鯉魚門 — «Лиюймэнь», маленький пролив между материковым Китаем и островом Гонконг, берега которых сближаются здесь до 0,5 км. Этим топонимом обозначаются и земли по обеим его сторонам.

Санскрит **Rāmasētu** (sētu «дамба, переход») रामसेतु, тамильск. **(I)rāmar pālam** இராமர் பாலம் — «(отмели) Рамасету». Это цепь островков и мелководий протяженностью в 48 км от острова Рамесварам (тамильск. **Irāmēsvaram** இராமேஸ்வரம்) у индийского мыса Рамнад (английск. **Ramnad**) до ланкийского острова Маннар, пересекающая Полкский пролив. До конца XV в., когда она была полуразрушена штормами, Рамасету связывала остров Шри Ланку с Евразийским материком. Ср.: латинск. **limes** «тропа, проселица».

Возможно, в этот перечень следует включить и Ормузский пролив — арабск. **madyq Hurmuz** مَضيق هُرمُز, фарси **tangeh-ye Hormoz/Hurmogh** (tangeh «узкий проход/пролив») تَنگِه هُرمُز/هورمغ — между Аравийским полуостровом и Евразийским материком, соединяющий Оманский и Персидский заливы, берега которого сближаются до 39 км, а также Лимфьорд — датск. **Limfjorden** (fjord «глубоко врезавшийся в сушу узкий морской залив») — систему проливов между датскими полуостровом Ютландия и островом Венсюссель, соединяющую Северное море и пролив Каттегат.

***

* Известное сходство в фонетической форме названий ряда нешироких проливов, их побережий и островов на западе, юго-западе, юге и юго-востоке Евразии свидетельствует, на мой взгляд, о том, что в этих частях ойкумены с ними некогда связывались и сходные фонетико-семантические формы или слова.

Список литературы:

1. Чимитдоржиева Г. Н. Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 212 с.
2. Musey, mse-000, lumba; Ngaliwuru, djd-001, laman; Yagua, yad-000, ramutīnu//PanLex. Every word in every language. – San Francisco//[Electronic resource]. –URL:
   a) http://www.panlex.org/panlinx/ex/17297997;
   b) http://www.panlex. org/panlinx/ex/17062597;
   c) http://www.panlex.org/panlinx/ex/18311252 (accessed: 6.6.2016).
3. Страбон. География (в 17 книгах); пер. Г. А. Стратановского. – Л.: Наука, 1964. – 957 с.
4. Pliny. Natural history in ten volumes. V. II; [tr. by] H. Rackham. [3-d ed.] – Cambridge, MA: Harvard University Press – L.: W. Heinemann, 1961. – IX, 663, 7 p.
5. The Califate in 750//Shepherd W. R. Historical Atlas. – N. Y.: H. Holt and Co., 1926//[Electronic resource]. – URL: http://www.lib.utexas.edu/maps/historical/shepherd/califate_750.jpg (accessed: 6.6.2016).
6. Малахов С. В. Названия трёх правобережных прирейнских городов//Austrian Journal of Humanities and Social Sciences. № 11–12. – 2015. – P. 81–85.

Section 5. Pedagogy

Vysikailo Tatyana Vladimirovna,
Kharkiv Art College,
teacher specialized disciplines,
graduate student of the Department of
«Fine Arts» HNPU them. GSSkovoroda
E-mail: vysikaylo@bk.ru

Appluing the creative method of teaching art courses in special secondary schools

Abstract: Applying the creative method of kharkiv landscape painters to a process of teaching art courses in special secondary schools The article is devoted to the lightening of the creative and pedagogical work of prominent members of the Kharkov landscape school in the late nineteenth — early twentieth century, including D. Bezperchoho, S. Vasylkivsky, P. Levchenko, M. Tkachenko, M. Berkosa. Art-pedagogical training in the nineteenth century was a purposeful process of the formation the professional ability of the individual to study at the St. Petersburg Academy of Arts, which offer, at that time, progressive methods of teaching art disciplines. In the basis of educational method of Kharkiv landscape painters there was the creative activity of the individual, the development of imagination, cognitive activity, independence and logical thinking.

A thorough study of their techniques till nowadays has a special significance in the process of education of the art school students, their intellectual development and patriotic education.

Keywords: Landscape School, technique, art school, education.

Высикайло Татьяна Владимировна,
Харьковское художественное училище,
преподаватель специализированных дисциплин,
аспирантка кафедры
«Изобразительное искусство» ХНПУ им. Г. С. Сковороды
E-mail: vysikaylo@bk.ru

Применение творческого метода харьковских пейзажистов конца XIX — начала XX веков в процессе преподавания художественных дисциплин в средних специальных учебных заведениях

Аннотация: В статье обосновывается целесообразность изучения опыта харьковской пейзажной школы конца XIX — начала XX векав с целью улучшения методики преподавания пейзажа для студентов художественных училищ. В основу учебно-воспитательного метода харьковских пейзажистов была положена творческая деятельность личности, развитие воображения, познавательной активности, самостоятельности и логического мышления. Основательное изучение их методики на сегодняшний день имеет особое значение в процессе воспитания студентов художественных училищ и их интеллектуального развития.

Ключевые слова: пейзажная школа, методика, художественное училище, педагогика.

Постановка проблемы. На сегодняшний день проблема сохранения классической школы живописи является ключевой. Харьковская пейзажная школа конца XIX — начала XX века стала воплощением лучших традиций реалистической живописи. В святи с этим возникает необходимость в определении её методических принципов и их практическом применении в художественно-образовательном процессе XXI века, поскольку и на данный момент в методике отечественной пейзажной живописи не существует единой научно обоснованной системы взглядов, которые бы могли очертить основные приоритеты в процессе преподавания пейзажа, характерные именно для харьковской

школы.

Анализ последних исследований и публикаций. Значительное число публикаций посвящено проблематике Харьковской пейзажной школы конца XIX — начала XX века как особенному явлению в отечественной живописи. Публикации Н. Асеевой [1], О. Денисенко [3], Ю. Дюженко [4], В. Немцовой [5–6], И. Огиевской [7], М. Павленко [8], С. Побожия [9], М. Черновой [10] и других представляют интерес в исследовании специфики харьковской пейзажной школы конца XIX — начала XX века. Опираясь на научные труды, можна констатировать тот факт, что творческий метод каждого из выдающихся живописцев заключается в органическом соединении академических традиций и новейших на то время методов в изобразительном искусстве — импрессионизма и модерна.

Цель статьи заключается в раскрытии сущности творческого метода харьковской пейзажной школы конца XIX — начала XX века и внедрении его в образовательный процесс средних специальных учебных заведений.

Изложение основного материала. В художественно-образовательном процессе особенное значение для студентов художественных училищ приобретает проблема изучения художественного наследия предыдущих лет. Осуществленный историко-системный анализ художественных процессов на Слобожанщине позволил утверждать, что харьковская пейзажная школа конца XIX — начала XX века сформировалася под влиянием многих факторов: исторических, социальных и культурных, которые повлияли на изменения художественных концепций. Одинаково вовлеченная и в российское, и европейское искусство, харьковская живописная школа сохраняет своё лицо и присущий только ей особый колорит, обусловленный и неповторимостью слобожанских пейзажей, и мировоззрением, и чертами национального характера, которые проявились в почитании природы и красоты в любых её проявлениях.

Как отмечает В. Немцова, расцвет пейзажного жанра в украинской живописи конца XIX — начала XX века — феномен, значение котрого выходит за рамки чисто художественных проблем [9, С. 24]. В аспекте исследованной проблемы обращает внимание на себя тот факт, что всех основателей отечественной пейзажной школы объединяет верность академическим традициям, которые предусматривают последовательность, согласованность действий, что и предоставляет возможность для изучения и наследования методических принципов Харьковской пейзажной школы конца XIX — начала XX века.

Изучая творчество Д. Безперчего, приходим к выводу, что его метод преподавания базировался на академической школе К. Брюллова, где особое значение имеет четкий грамотный рисунок. Среди главных принципов педагогического метода Д. Безперчего следует отметить формирование творческой активности учеников, получение ими знаний, которые базировались на самостоятельном изучении натуры, критическом отношении к информации. Как известно, задание педагога — управлять процессами творческого поиска, двигаясь от простого к сложному: создавать ситуации, которые способствуют творческой активности ученика, развивать его воображение, ассоциативное мышление, стремление развязывать более сложные творческие задания. Д. Безперчий стремился не только дать крепкие знания, практические навыки, но и развить их мышление, активизировать познавательную деятельность, научить самостоятельно работать, четко обдумывать композицию работы. Именно эти знания ему удалось передать своим ученикам С. Васильковскому, П. Левченко, М. Ткаченко.

Обобщение результатов научного исследования показали, что в своей творческой работе С. Васильковский всегда придерживался базовых знаний, которые получил от своего учителя. Его картины отмечаются простотой мотива, лаконичностью композиции, изысканностью цветовой гаммы. Большинству пейзажей художника присуща эпичность, о чем свидетельствуют его произведения «Казачья левада» (1893), «Казачий пикет» (1888), «Перед грозой. Отара в степи» (1910-е) и другие.

Проблемами передачи световоздушной среды в живописи занимался и другой современник С. Васильковского — П. Левченко. Динамичный мазок, рельефная фактура и камерность образного решения становятся определяющей чертой его манеры [7, С. 12]. Как пейзажиста П. Левченко привлекают неуловимые особенности украинской природы, ее атмосферные явления. В законченном варианте в картинах художника сохраняется свежесть этюдной, импровизационной манеры [9, С. 102]. В своей творческой эволюции П. Левченко прошел сквозь влияния разных школ, стилей и направлений — от академизма, барбизонцев, импрессионизма до модерна [9, С. 107]. Однако, это только способствовало формированию собственного неповторимого стиля мастера.

Еще один основатель харьковской пейзажной школы — М. Ткаченко, ученик Петербургской Академии искусств, в стенах которой оттачивался его талант блестящего рисовальщика и живописца. Главным заданием пейзажиста он считал создание картины, которая обобщает наблюдение и впечатление, что дает целостное представление про конкретное явление, а в процессе работы над картиной главное место у него занимает композиция. Так, ежегодно навещая родную Харьковщину, художник пишет множество этюдов с натуры, а уже на этюдном материале создает совершенные композиции. Такими являются украинские пейзажи «Осень. Красная терраса», «Сад», «Виноград на красной стене». Именно украинские пейзажи принесли художнику настоящую славу и признание [6, С. 48]. Характерной чертой творческого метода М. Ткаченко являлось использование мазков, которые иногда не лепят форму предметов изображения, а создают ритмический строй картины. Художник придавал особое значение линии, заставляя усиливать ритм и создавать определенную орнаментальность, в чем можно заметить влияние украинского народного искусства, которое М. Ткаченко любил и изучал.

Невозможно обойти вниманием и творческое

наследие известного украинского пейзажиста М. Беркоса. Так же, как и его предшественники, художник получил академическое образование. С увлечением изучал опыт европейского искусства, особенно метод французских импрессионистов. Как отмечает О. Денисенко, М. Беркосу удалось воплотить в своих работах украинский вариант импрессионизма, который объединил в себе классические живописные достижения этого направления и традиции украинской школы [3, С. 11]. Н. Асеева отмечает, что «основа его стиля — оригинальная интерпретация принципов пленэризма, которые сформировались под влиянием барбизонцев и импрессионистов, а также освоения декоративности модерна, переведенного в русло национальных традиций» [1, С. 4].

Опыт харьковской пейзажной школы конца XIX — начала XX века является бесценным в художественно-образовательном процессе XXI века. Работы харьковских живописцев целесообразно рассматривать как методическое пособие по рисунку, живописи, композиции пейзажа. Анализируя тот или иной вариант композиционного построения, тонального, цветового решения, что были применены известными мастерами пейзажа, возможно разработать методику преподавания пейзажа, которая могла бы научить учеников применять опыт предшественников с целью собственного профессионального роста и творческого развития.

Выводы. Методические особенности харьковской пейзажной школы конца XIX — начала XX века заключаются в органическом слиянии классических принципов и новейших на то время методов — импрессионизма и модерна, переведенных в русло национальной традиции. Каждый из представителей этой школы владел своим творческим методом, который проявлялся в эпичных пейзажах С. Васильковского, в лиричности работ П. Левченко, декоративизме позднего модерна, присущего картинам М. Беркоса и М. Ткаченко. Опыт отечественных художников должен стать образцом для начинающих художников в приобретении профессионального образования. Дальнейшие исследования могут бать использованы при создании учебно-методических комплектов по живописи для средних специальных (художественных) учебных заведений, а также творческий метод художников-пейзажистов следует рассматривать в разработке авторской методики, во время преподавания специализированных дисциплин, прежде всего, живописи и пленэрной практики.

Список литературы:

1. Асеева Н. Пленэризм и импрессонизм в творчестве харьковских художников конца XIX – начала XX века/Н. Асее ва//«Художественная жизнь Харькова первой трети XX века»: тезисы док.и сообщений./[авт. – составитель Пивненко А. С.]. – Харьков,1993. – С 3–4.
2. Безхутрый Н. С. И. Васильковский: очерк о жизни и творчестве/Н. Безхутрый. – К.: Искусство, 1954. – 47 с.
3. Денисенко О. Байдужий до неба сонцепоклонник/О. Денисенко//Панорама. – 1997. – № 3, январь. – С. 5.
4. Дюженко Ю. М. С. Ткаченко/Ю. Дюженко. – К.: Мистецтво, 1963. – с. 42.
5. Немцова В. Харківська пейзажна школа (остання чверть XIX – початку XX століття)/В. Немцова//Вісник ХДАДМ. – 2001. – № 4, – С. 12
6. Немцова В. Пейзажний живопис П. Левченка/В. Немцова//Вісник ХДАДМ. – 2007. – № 2. – С. 107–110.
7. Огієвська І. С.І.Васильківський/І. Огієвська. – К.: Наукова думка, 1980. – 165 с.
8. Павленко М. Петро Левченко/М. Павленко – Прага: Вид-во укр. молоді, 1927. – 129 с.
9. Побожій С. П. Левченко і Сумщина/Сергій Побожій. – Суми: ВТД Університетська книга, 2006–90 с.
10. Чернова М. Д. І.Безперчий – К.: Мистецтво, 1963. – 116 с.

Sayko Natalia Alexandrovna,
Poltava National Pedagogical University
named after VG Korolenko,
an assistant professor of social
and correctional pedagogy, PhD,
E-mail: natsayko@gmail.com

Problems of professional training of social teachers in Ukraine

Abstract: The article analyzes the problems of training of social teachers in higher educational institutions, the attention is focused on improving the efficiency of training of social teachers to the organization of the rehabilitation process on the basis of secondary schools.

Keywords: pre-professional training, professional training, school educational system, social rehabilitation.

Сайко Наталия Александровна,
Полтавский национальный педагогический университет
имени В. Г. Короленко доцент кафедры социальной
и коррекционной педагогики, кандидат педагогических наук,
E-mail: natsayko@gmail.com

Проблемы профессиональной подготовки социальных педагогов на Украине

Аннотация: В статье проанализированы проблемы подготовки социальных педагогов в высших учебных заведениях, акцентируется внимание на повышение эффективности подготовки социальных педагогов к организации реабилитационного процесса на базе среднеобразовательных школ.

Ключевые слова: допрофессиональная подготовка, профессиональная подготовка, система школьного образования, социальная реабилитация.

Современная система высшего образования Украины характеризуется постоянными изменениями на уровне законодательной базы, что влечет постепенное усовершенствование системы профессиональной подготовки специалистов и переход от личностно-отчужденного к инновационному, субъектноцентрическому подходу в образовании. Основными нормативными государственными документами, которые регламентируют развитие высшего образования Украины являются Национальная доктрина развития образования Украины в XXI столетии, Закон Украины «Про освіту», «Про вищу освіту», Концептуальные основы развития педагогического образования Украины и ее интеграция в европейское образовательное пространство, Указ Президента Украины « Про заходи щодо забезпечення пріоритетного розвитку освіти в Україні».

Подготовка социальных педагогов как самостоятельное направление профессионального образования и профессиональной деятельности начала формирование в начале 1990–х годов. Некоторое время функции социального педагога и практического психолога, подготовка которого началась с 1986 года, не разграничивались и поэтому данные специалисты взаимно заменяли друг друга. Постепенно происходило разъединение должностных функций и формирование профессионального портрета социального педагога. Также особое внимание было уделено формированию социальной педагогики как самостоятельной научной отрасли, отделению социальной педагогики от общей педагогики и социальной работы. Социальная педагогика начала рассматриваться как наука, которая усиливает результат педагогической деятельности и занимается проблемами социализации человека. Много научных исследований было посвящено проблеме соотнесения должностных функций социального педагога, социального работника и учителя. Современные изменения законодательной базы привнесли определенные коррективы в развитие социальной педагогики и в понимание специфики работы социального педагога и социального работника. В соответствии с постановлением Кабинета Министров Украины от 29 апреля 2015 года № 266 «Про затвердження переліку галузей і знань спеціальностей, за якими здійснюється підготовка здобувачів вищої освіти» социальная педагогика трансформируется в такую отрасль знаний, как социальная работа.

В данный момент подготовка специалистов социальной сферы на Украине организовывается в таких формах: дневная, заочная, вечерняя, экстернат и начинает разрабатываться дистанционная. Также она имеет многоуровневый характер: допрофессиональная подготовка, которая реализуется за счет курсов, школ, лицеев; обучение в вузах Украины, которое происходит в три этапа: бакалавр, специалист, магистратура с постепенным переходом к такой структуре подготовки — начальный уровень (краткий цикл) высшего образования, первый (бакалаврский) уровень, второй (магистерский), третий (образовательно-научный) и научный уровень.

Начальный уровень (короткий цикл) высшего образования соответствует пятому квалификационному уровню Национальной рамки квалификаций и предусматривает получение особой общекультурной и профессионально ориентированной подготовки, специальных умений и знаний, а также определенного опыта их практического применения для выполнения типичных заданий, которые предусмотрены для первичных должностей в соответствующей отрасли профессиональной деятельности.

Первый (бакалаврский) уровень высшего образования соответствует шестому квалификационному уровню Национальной рамки квалификаций и предусматривает получение особой теоретических знаний и практических умений, достаточных для успешной реализации профессиональных обязанностей выбранной специальности.

Второй (магистерский) соответствует седьмому квалификационному уровню Национальной рамки квалификаций и предусматривает получение особо углубленных теоретических знаний и/или практических знаний, умений, навыков по выбранной специальности (или специализации), общих основ методологии научной и/или профессиональной деятельности, других компетентностей, достаточных для эффективного исполнения заданий инновационного характера соответствующего уровня профессиональной деятельности.

Третий (образовательно-научный) уровень высшего образования соответствует восьмому квалификационному уровню Национальной рамки квалификаций и предусматривает получение особой теоретических знаний, умений, навыков и других компетентностей, достаточных для продуцирования новых идей, разрешения комплексных проблем в сфере профессиональной и/или исследовательско — инновационной деятельности, овладение методологией научной и педагогической деятельности, а также проведение собственного научного исследования, результаты которого имеют научную новизну, теоретическое и практическое значение.

Научный уровень высшего образования соответствует девятому квалификационному уровню Национальной рамки квалификаций и предусматривает формирование компетентностей по разработке и внедрению методологии и методики исследовательской работы, создание новых системообразующих знаний и/или прогрессивных технологий, решение важной научной или прикладной проблемы, которая имеет общенациональное или мировое значение [1].

Также существует переподготовка и повышение квалификации работающих специалистов (система курсов и стажировок); подготовка научно — преподавательских кадров, функционируют советы по защите диссертаций социально-педагогических проблем. Если говорить о допрофессиональной подготовке социальных педагогов, то она требует более детального изучения и разработки форм, методов обучения, так как недостаточно представлена в сфере образования. На Украине продолжается разработка стандартов профессионального образования, образовательно-профессиональных программ, учебно-методической документации по подготовке специалистов социальной работы на основе автономии высших учебных заведений, академической мобильности и свободы участников учебного процесса.

В научных исследованиях Украины накоплено достаточно большое количество материала по изучению проблемы профессиональной подготовки социальных педагогов: социально-педагогические аспекты подготовки освещены в работах известных деятелей А. И. Капской, Г. М. Лактионовой, Н. П. Лукашевич; проблемы профессионализации социальных педагогов представлены в исследованиях Н. В. Заверико, В. В. Ягупова, Л. И. Мищик, С. Ю. Пащенко, В. И. Полищука, О. В. Понамаренко; особенности профессиональной подготовки к работе с определенной категорией клиентов раскрываются в работах Т. А. Дмитренко, Малькова М. А., Ю. Р. Мацкевич, Л. И. Мищик, О. Г. Платонова, В. А. Полищук, В. М. Приходько, Л. Е. Пундик, Л. Л. Яковлева; освещению технологий решения социально-педагогических проблем в обществе уделяют внимание О. С. Андриенко, С. П. Архипова, М. Р. Баяновская, Р. Х. Вайнола, О. И. Гура, К. В. Дубровина, Л. Н. Завацкая, В. А. Полищук; специфику и закономерности формирования профессиональных и личностных качеств социальных педагогов изучают К. В. Бакланов, О. И. Гура, М. А. Малькова, О. И. Москалюк, О. В. Пономаренко, О. А. Рацул, З. З. Фалинськая.

Как известно, одним из первых научных исследований по проблеме подготовки социальных педагогов, была докторская диссертация Л. И. Мищик «Теоретико-методические основы профессиональной подготовки социального педагога в высших образовательных заведениях». По утверждению автора в основе профессиональной подготовки и формирования личности социального педагога должен быть системный личностный и индивидуально-творческий подход. С позиции системного подхода все звенья педагогического образования должны максимально стимулировать активность всех основных структурных компонентов личности социального педагога в их единстве и взаимосвязи. Реализация личностного подхода предусматривает моделирование и процесс обучения студентов структуре социально-педагогической деятельности. Индивидуально-творческий подход, преодолевая массово-репродуктивный характер современного педагогического образования, выводит его на личностный уровень, обеспечивая формирование у студентов творческой индивидуальности [3].

З. З. Фалинская подготовку специалиста социально-педагогической сферы рассматривает как процесс формирования специалиста нового типа, способного быстро и адекватно реагировать на изменения в обществе, компетентно решать социально-педагогические проблемы во всех типах и видах учебно-воспитательных заведениях социальной работы, на всех административных уровнях [6, 172–194.].

В диссертации М. А. Мальковой «Формирование профессиональной готовности будущих социальных педагогов к взаимодействию с девиантными подростками» представлено теоретическое обобщение и практическое решение научной проблемы формирования готовности социальных педагогов к взаимодействию с трудными подростками [2].

Проблему подготовки социальных педагогов к коммуникативной деятельности в условиях детских оздоровительных учреждениях изучала О. С. Пюра [5].

В монографии Петрочко Ж. В. раскрываются особенности профессиональной подготовки будущих социальных педагогов к социально-педагогическому обеспечению прав детей, которые оказались в тяжелых жизненных ситуациях. Разработанная автором концепция подготовки предусматривает функционирование социального педагога в открытом социуме, что влечет за собой развитие комплекса знаний, умений и навыков эффективно взаимодействовать с разными социальными институтами, административными органами, специалистами социальной сферы, реализуя функцию посредничества между личностью и обществомх [4].

На основе анализа разных научных точек зрения и специфики организации подготовки социальных педагогов на Украине, можно сделать вывод, что единого подхода не существует, что подчеркивают современные иссле-

дователи (А. И. Капская, О. В. Беспалько, Л. Н. Завацкая), однако базовыми дисциплинами можно назвать введение в специальность, социальная педагогика, технологии работы социального педагога. Основными заданиями перечисленных курсов есть формирование у студентов теоретических представлений о социальной педагогике как науке, ее предмет, объект изучения и основные категории, освещение специфики социально-педагогической деятельности с разными категориями клиентов. Дополняют процесс профессиональной подготовки социальных педагогов узко направленные дисциплины, которые рассматривают социально-педагогическую деятельность в определенном конкретном аспекте, например, социально-педагогическая работа с семьей, социально-педагогическая работа в сфере досуга и др.

Одним из основных принципов подготовки специалистов в высших учебных заведениях, как подчеркивает ряд ученных (А. Алексюк, Ю. Бабанский, В. Бондарь, Р. Гуревич, И. Подласый, А. Савченко, Г. Тарасенко, Л. Хомич) должен быть принцип теории и практики. Однако, в связи с недостаточным финансированием вузов на Украине, количество часов, отведенных на формирование практических умений студентов, значительно сократилось, что отобразится на эффективности реализации упомянутого принципа. Также подготовка социальных педагогов в условиях ВУЗа предусматривает развитие умений широкого спектра деятельности и конечным продуктом должен быть универсальный специалист, способный работать в разных направлениях социально-педагогической деятельности и со всеми проблемными категориями населения современного общества. Это приводит к поверхностному, ознакомительному характеру формирования системы теоретических знаний и недостаточному развитию практических умений.

Современная система школьного образования, к которой, прежде всего, готовится социальный педагог, характеризуется внедрением ряда реформ, демократизацией школьного окружения, повышением продуктивности педагогической работы и мобильности участников педагогического процесса. На первый взгляд создаются благоприятные условия для воспитания и развития детей, но какие-либо изменения в той или иной системе влекут за собой ряд трудностей и проблем. Современные ученики находятся под влиянием негативных факторов, которые приводят к нарушению социального функционирования и к появлению защитной реакции ученика — поверхностное и выборочное изучение учебного материала, агрессивность или пассивность личности, пропуски уроков, двойственность поведения и вообще нежелание учиться. Отсюда вырисовывается психологический портрет современного выпускника школы — ничего не помню, что-то учил, что-то видел, но ничего не умею, снижена самооценка, неуверенность, повышенная тревожность, страх за будущее, отсутствие четких жизненных планов на будущее.

Очевидно, что основной задачей социального педагога в школе должно быть возобновление нормального функционирования ребенка, вселение веры в собственные силы, повышение самооценки, создание благоприятного социума для проявления индивидуальности каждого ученика. Поэтому целесообразно будет усилить подготовку социального педагога к реализации, именно, реабилитационной функции, так как реабилитационный процесс включает в себя все направления и функции социально-педагогической деятельности — диагностику, коррекцию, профилактику и т. д. Также цель реабилитационной деятельности совпадает с общей целью социально-педагогической работы — возобновление, сохранение и поддержка человека или группы в состоянии энергичного, творческого отношения к себе и своей жизни.

Частично подготовка социальных педагогов к организации социальной реабилитации реализуется во время изучения таких дисциплин, как «Социальная педагогика», «Зарубежные технологии социальной реабилитации», «Технологии социально-психологической реабилитации», но акцент делается на изучение реабилитационного процесса на базе специальных заведений, реабилитационных центров, школ социальной реабилитации, учебно-реабилитационных центров, которые охватывают своим вниманием, прежде всего, детей с глубокими, стойкими нарушениями в поведении — девиациями. Если проанализировать факторы, которые детерминируют появление девиантного поведения, то можно сделать вывод, что девиации — это уже результат постоянного пребывания ребенка под действием негативных факторов. Поэтому социальный педагог школы должен уметь своевременно изменить социальную ситуацию развития ребенка, который находится на стадии первичного нарушения социального функционирования.

Проблема организации реабилитационного процесса на базе среднеобразовательной школы мало изучена, но основными направлениями подготовки социальных педагогов могут быть такими: создание атмосферы радости и успеха; использование этетотерапевтических методик в школе с организацией специальных условий для их проведения, например, игровой, сенсорной комнаты.

Список литературы:

1. Закон України «Про вищу освіту»: розділ II, ст. 5, станом на 20 червня 2016 р. [Електронний ресурс]/Верховна Рада України Режим доступу: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1556–18.
2. Малькова М. А. Формирование профессиональной готовности будущих социальных педагогов к взаимодействию с девиантными подростками: дис. канд. пед. Наук: 13.00.05/Малькова М. А. – Луганск, 2006. – 252 с.
3. Мищик Л. И. Теоретико-методические основы профессиональной подготовки социальных педагогов в заведениях высшего образования: дис. доктора пед наук: 13.00.05/Мищик Л. И. – Запорожье, 1997. – 359 с.

4. Петрочко Ж. В. Ребенок в сложных жизненных обстоятельтвах: социально-педагогическое обеспечение прав: монография/Ж. В. Петрочко. – Ровно: издатель О. Зень, 2010. – 368 с.
5. Пюра О. С. Подготовка будущих социальных педагогов к коммуникативной деятельности в условиях детских заведений оздоровления и отдыха: автореф. дис. канд. пед. наук: 13.00.05/О. С. Пюра: НАПН Украины, Ин – т проблем воспитания. – Киев, 2015. – 20 с.
6. Фалинськая З. Практическая подготовка будущих социальных педагогов в высших учебных заведениях: дис. канд. пед. наук: 13.00.04/Львовский национальный ун-т им. Ивана Франка. – Л., 2006. – 284 с.

Teziev Taymuraz Muratovich,
Member of the IAELPS,
Candidate of Technical sciences, Associate Professor,
FSBEI HE «North Caucasus Institute of Mining and Metal Industry
(State Technological University)»,
E-mail: tteziev@yandex.ru

Sokolova Elena Ivanovna,
Senior Lecturer,
FSBEI HE «North Caucasus Institute of Mining and Metal Industry
(State Technological University)»,
E-mail: elesok15@yandex.ru

Khabalova Fatima Soslanbekovna,
Dean of the Department of Journalism,
FSBEI HE «K. L. Khetagurov North Ossetia State University»
E-mail: jourfaksogu@mail.ru

Forms of monitoring and methods of active teaching

Abstract: The paper reflects the issues of advanced methodology in the teaching of disciplines in higher education. Among the methods activating the academic process in the university, an important role is given to the carrying out of the performance appraisal rating system. The rating-based monitoring of the students' knowledge stimulates everyday systematic work of students. It activates the independent work of students as well as contributes to the development of important moral qualities and willpower in students.

Keywords: Methods, teaching, academic process, grading system, rating, knowledge, students.

In modern conditions, there are certain requirements to professional education, namely, its rapid development. The demand for a graduate is determined by the level of training that should be sufficient for their inclusion into advanced innovative industry. Currently, students should receive abundant knowledge not only to perform certain employment functions, but also to form competences that every university graduate should have in order to be in demand both, at the graduation and at the moment of changing their labor conditions and appearance of innovative tasks. It is required to set the proactive heading, establishing a scientific base to create innovative Russian technologies and equipment for the purpose of training work force suitable for new structural changes of production and realization of national technological initiative.

Innovative processes taking place in the real sector of economy require new competences, ability to find solutions for similar tasks in the world practice and patterns of successful realization of projects in different spheres of activity as well as the ability to act in situations requiring the creation of new professional means beyond the typical forms and clichés. To fulfill this state strategy, modernization of contemporary general and professional education should go in the direction of its rapid development. In other words, education received by today school children, students and future specialists should be abundant.

At the same time, today, due to the implementation of the Federal State Education Standards at technical universities, there has been a reduction in the in-class training for many disciplines, although, the volume of the content according to the standard hasn't changed. Herewith, there is an objective question — how to enhance the quality of knowledge obtained by students in this situation? From our point of view, the solution lies in the intensification of classes, primarily, wide and diverse lecture experiment, improvement of a teacher's activity considering the requirements to academic results. Moreover, there should be the improvement of forms and methods of monitoring of the obtained knowledge and establishment of the feedback.

The check of knowledge and skills is a constituent part of the academic process. It is required for the development of skills to apply mathematical methods during the solution of tasks, check the knowledge assimilation and ability to apply the obtained knowledge. The efficiency of the academic process depends on the regularity and quality of the monitoring of academic material assimilation.

Forms and methods of current monitoring of the student's knowledge at the university are universally accepted: current survey, frequent check of the performance of typical calculations, conduct of rating control works, course works, repeated control events during non-academic hours to eliminate pending academic rating-control assignments.

How does external feedback contribute to the obtaining of the forecast of difficulties by students during the study of applied sections in technical disciplines? We will consider this issue from only one point of view: how does the information about mistakes made by the students help receive the forecast of these difficulties? Herewith, we will rely on our experience of study of students' mistakes. Although, the connection between the mistakes and difficulties exists, it doesn't mean that any mistake is the consequence of a difficulty in assimilating the material. To solve this issue, we divided mathematical mistakes into computation, language, logical, mistake of borrowing, intuitional, methodological and methodical. A deep analysis of the results was conducted and a typology of mistakes was obtained.

The role of the feedback in the teacher's activity related to the foreseeing of difficulties contributed to the optimization of educational process. The results of the series of works on the modular topic considering all difficulties provided an opportunity to create a scenario of academic program on some topics of applied mathematics. The drawing of such scenarios requires more forecasting activity from the authors, which was obtained due to the feedback while monitoring the students' knowledge [5, 76–78].

The effectiveness and quality of assimilation of the program of disciplines by the students during a semester is done in the form of rating-control.

Based on the experience of rating monitoring of the students' knowledge, one can conclude that it doesn't always contribute to the stimulation of rhythmic work of students on the assimilation of academic material. Learning is a labor and it can't be stimulated by only monitoring it. The main form of the transfer of knowledge to the students is lectures, practical and laboratory classes. But the transfer of knowledge itself in the ready form of a traditional lecture is not well assimilated by the students. Thus, the teachers of engineering universities should reconsider the ways of presentation of knowledge to the students, particularly, remove the passive methods of teaching. [7, 52] In this respect, wider application of active forms and methods of contextual teaching based on traditional forms of lectures is reasonable. It should be noted that in most cases, teachers understand that disciplines different in character require different methods and educational technologies.

Herewith, the main condition of the reduction of in-class and lecture load lies in the wider application of known active and interactive forms of class conduct in the academic process. Also, in the conditions of reduction of in-class load, a methodically competent organization of independent work of the students is required. The creation of a system of methodical provision and control of the students' independent work is relevant and important.

In our opinion, to activate students' independent work, it is primarily required to spark their interest in studies and creative activity.

One can use the following forms as non-traditional kinds of teaching:

1. Problem-based lecture. In order to boost the students' interest, a problem-based lecture can be carried out in the form of a live dialogue. Such form of lecture allows monitoring the presence of the feedback between the audience and teacher.

2. Two teachers lecture. One of the most effective forms of non-traditional lectures is a lecture read by two teachers. The combination of dialogue interaction of teachers with one another and the audience increases the interest in students in any topic of the lecture with quite a high degree of difficulty of its content and contributes to the development of alternativeness of thinking, which is a main component of creative thinking.

3. Lecture — visualization. This form of lecture presupposes a wide use of different images, charts, diagrams and structural-logical schemes in combination with traditional transfer of audio-information. Apart from graphic material, it is prudent to use interactive technologies and multi-media means of teaching, especially, in teaching engineering-technical disciplines. This form of active teaching is preferable for engineering specializations, because an engineer should have volume-spatial thinking and develop it with the help of sign system.

4. Lecture «press-conference». The lecture is built in the form of questions and answers on a preliminarily announced topic. The teacher performs a role of a press-conference presenter and the lecture is of a play nature as a «blitz-game», where students can ask any provocative questions and get answers to any question. This form of lecture can be effective in teaching the humanities and socio-political disciplines.

5. Lecture dialogue. This form of lecture is characterized by the fact that the content of a topic is presented through a series of questions, which a student has to answer in the course of the lecture and, thus, the feedback with the audience will be involved [2, 25–27].

There are other forms of non-traditional hybrid lectures, the idea of which is the principle of problematicity that is the core of active forms of teaching.

Some results of the work allow making the following conclusions:

– The use of active forms of teaching in the academic process helps reveal various abilities of the students, asses the

current knowledge of the students and stimulate their rhythmical work.

– Active forms of the material presentation in combination with rating monitoring will thus contribute to the enhancement of activity of both, the audience and individual work of students on the sections of studied disciplines. The students' interest in studies is activated, including the independent work and development of critical thinking in combination with the development of creative approach to the solution of a problem.

– A formal approach to the system of rating monitoring does not only provides an objective assessment of the student's knowledge, but also encourages the improvement of negligent work of both, students and teachers. And vice-versa, a more flexible and creative approach to the academic process, whereas rating monitoring is a constituent part of the academic process, requires special skill, efficient communication with the audience, free improvisation, use of non-traditional methods of activation of the academic process [6, 127–129].

Naturally, rating monitoring and different advanced forms of teaching are not the goal in itself, but are aimed at the preparation of a high level specialist within and by means of educational-cognitive activity, notable for the ability to apply obtained knowledge in the future professional activity and possess the skills of social interaction.

References:

1. New technologies of teaching: Business games. General editorship by N. V. Borisova. Methodical manual. – M., 1991.
2. Borisova N. V. Method of selection of forms and ways of active teaching. (Theoretical model). – M., 1991.
3. Aleksandrov G. N., Sluchek M. M. Scientific basics of organization of intellectual labor of the students in the course «Introduction to specialization». (Methodical guidelines). – M., 1986.
4. Verbitsky A. A., Borisova N. V. Methodical recommendations on business games conduct. – M., 1990.
5. Sokolova E. I., Kisieva N. P. Role of the feedback during the monitoring of the students' knowledge to forecast difficulties in assimilating the mathematics material.//Problems of improvement of the academic process and current students' knowledge./Collection of articles of NCSTU 1994. – P. 76–78.
6. Teziev T. M. Methods of enhancement of the intellectual labor activity of the students.//Problems of improvement of the academic process and current students' knowledge. Collection of articles of NCSTU 1994. – P. 127–129.
7. Ashmavi A. K. Global engineering board of deans: transforming the engineering education in the age of changes.//Higher education in Russia./Scientific pedagogical journal. 2013. – № 2. P. 50–57.

Section 6. Psychology

Kapirenkova Oxana Nikolaevnas,
Smolensk state university,
the candidate of the psychological sciences,
the docent of the department of general psychology
E-mail: oks-kap@mail.ru

Novikova Svetlana Petrovna,
"The center of psikhologo- medico of social tracking"
for the children, who need psikhologo- of pedagogical
and medico of social aid", the methodologist
E-mail: sanny050622@mail.ru

Psychological tracking of families after divorce by the methods of art- of the therapeutic action

Abstract: Possibilities of art- of therapy during the solution of ekzistalnykh and crisis life situations. Optimization of intra-family relations after divorce by the ecological methods of action. Program of psychological tracking in the system "Parent- child" by the methods of art therapy as the system method within the framework of family consultation.

Keywords: Art- therapy, crisis life situations, system is "parent- child", the psychological portrait of family after divorce, the ecological methods of action, joint consultation of families, the program of art- therapy as individual and group method.

Капиренкова Оксана Николаевна,
Смоленский государственный университет,
кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей психологии
E-mail: oks-kap@mail.ru

Новикова Светлана Петровна,
СОГБУ «Центр психолого- медико- социального сопровождения»
для детей, нуждающихся в психолого- педагогической
и медико- социальной помощи», методист
E-mail: sanny050622@mail.ru

Психологическое сопровождение семей после развода методами Арт- терапевтического воздействия

Аннотация: Возможности Арт- терапии при решении экзистальных и кризисных жизненных ситуаций. Оптимизация внутрисемейных отношений после развода экологическими методами воздействия. Программа психологического сопровождения в системе «Родитель-Ребенок» методами Арт-терапии как системный метод в рамках семейного консультирования.

Ключевые слова: Арт-терапия, кризисные жизненные ситуации, система «Родитель- Ребенок», психологический портрет семьи после развода, экологические методы воздействия, совместное консультирование семей, программа Арт- терапии как индивидуальный и групповой метод.

Современное состояние общества, смена социальных установок на образ семьи, не устойчивость института семьи, и как следствие стремительный рост количества разводов, привели к необходимости расширения исследований по проблеме психологического сопровождения семей в целом, и как частный случай семей после развода. Перед

практической психологией встает вопрос о необходимости внедрения не директивных методов воздействия при решении кризисных и экзистальных проблем, а более экологичных, дающих возможность решать возникающие проблемы без внешнего давления. Практической направленностью предпринятого исследования является актуализация современных средств психологического сопровождения семей после развода. Приоритетным предположением является изучение и исследование Арт-терапевтических возможностей для оптимизации психологического климата в семьях после развода, а именно психологическая коррекция типа дето-родительских отношений, психологических характеристик личности ребенка и его статуса в группе сверстников в дошкольном учреждении. Арттерапевтический процесс обеспечивает самореализацию и самовыражение в продуктах творчества (К. Роджерс, А. Маслоу), что способствует предупреждению неврозоподобных состояний личности, в нашем случае членов семьи после развода. В настоящее время нет ни одного развивающего центра для детей, где в перечне предлагаемых занятий не было бы Арт-терапии. При этом информации об особенностях данного направления все равно не достаточно, из-за чего многие сводят Арт-терапию к урокам рисования или труда. Одним из главных отличий Арт-терапии от уроков рисования являются цели. В рисовании главное результат, в Арт-терапии — сам процесс. При этом эстетические стандарты в контексте Арт-терапии не имеют большого значения. Арт- терапия является одним из самых мягких и безопасных видов психотерапии. Иногда невербальные средства являются единственно возможными для выражения и прояснения сильных переживаний и убеждений детей. Арт-терапия дает выход внутренним конфликтам и сильным эмоциям, помогает понять собственные чувства и переживания, способствует повышению самооценки, расслаблению и снятию напряжения и, конечно же, помогает в развитии творческих способностей. Авторская Арт-терапевтическая программа «Удивительный мир природы вокруг нас» [6], направленная на формирование позитивных представлений об окружающем мире, и на положительное восприятие собственного субъективного мира личности. Программа состоит из 3-х блоков (14 занятий для применения в рамках центра раннего развития): Вводный блок (4 занятия — лепка, рисунки, знакомство с различными природными материалами); Основной блок (4 занятия- моделирование пространства с использованием природного материала); Закрепляющий блок (6 занятий- моделирование пространства с использованием природного материала); занятия проводятся на фоне специального музыкального сопровождения. На реализацию занятий отводилось от 40 минут до одного часа в неделю с каждой группой, в присутствии родителей, первоначально упражнения проводятся совместно с родителями, с целью создания благоприятного психологического климата и для оптимального эмоционального фона. Методика разработана в соответствии с элементами построения Арт-терапевтических занятий: рефлексивная ориентация (стимулирование личности ребенка к анализу продуктов своей творческой деятельности с точки зрения отражения в них переживаемых чувств, состояний, личностных особенностей); высокая степень спонтанности творческих актов, предполагающая широкий выбор средств изобразительной деятельности. Мы полагаем, что использование флористического (растительного) материала в Арт-терапевтическом процессе является особенно ресурсным в работе с детьми дошкольного возраста. Работа с природным материалом создает особенно благоприятную почву для всестороннего развития личности ребенка, она невозможна без изучения особенностей фактуры, формы, цвета, запаха и др., в процессе которого активизируются визуальный, аудиальный, кинестетический каналы. Для оптимизации авторской программы и для большей дифференциации упражнений направленных на разрешение эмоциональной ситуации в семьях после развода было предпринято констатирующие эмпирическое исследования семей разной направленности, а именно семей после развода, полных семей и неполных семей, имеющих детей дошкольного возраста. В исследовании приняло участие 150 семей, из них полных семей 45%, 55% семей находятся в разводе (стаж развода от 6 месяцев до одного года). Дети дошкольного возраста (62% мальчиков и 38% девочек; средний возраст 5,5 лет), а также 50 родителей (средний возраст 26,5 лет, образование — высшее и средне специальное). Для сбора эмпирических данных использовался следующий диагностический инструмент: тест — опросник родительского отношения А. Я. Варга, В. В. Столин; метод социометрических измерений; методика «Рисунок семьи»; методика «Дом. Дерево.Человек.» Дж. Бук.. Математическая обработка осуществлялась с помощью программного пакета Statistica 7.0. Проведенный анализ результатов дает возможность составления психологических характеристик дето- родительских отношений и психологических характеристик детей дошкольного возраста в семьях после развода, в сравнительном анализе с такими же параметрами семей полного типа. Можно констатировать следующие характеристики продиагностированных семей: в семьях после развода родители (родитель- мать) стремятся к симбиотическим отношениям со своим ребенком, стремится удовлетворить все потребности ребенка, постоянно ощущает тревогу за него, ребенок ему кажется маленьким и беззащитным. Тревога родителя повышается, когда ребенок начинает автономизироваться в силу обстоятельств, так как по своей воле родитель не предоставляет ребенку самостоятельности никогда. Также эти родители стараются быть менее авторитарными к своим детям, они не навязывают детям свою точку зрения и не требуют от него безоговорочного послушания. Родители, состоящие в браке более авторитарны к своим детям. Родитель требует от ребенка безоговорочного послушания и дисциплины, за проявления своеволия ребенка сурово наказывают. Ста-

рается навязать ребенку во всем свою волю, не в состоянии встать на его точку зрения. Пристально следит за социальными достижениями ребенка, его индивидуальными особенностями, привычками, мыслями, чувствами. Такие родители не стремятся к симбиотическим отношениям со своими детьми, не стремятся удовлетворить все потребности детей. В свою очередь, 60% продиагностированных детей из семей после развода чувствуют нехватку психологической теплоты дома, ощущают себя незащищенными, застенчивыми, пугливыми. Прослеживается потребность в заботливом контроле ради психологического равновесия. У 28% детей присутствует депрессивный фон настроения, сильные тенденции к потенциальной агрессивности, наблюдаются трудности при стремлении раскрыться в домашнем кругу, ведут себя несколько развязано и прямолинейно. У 12% детей наблюдается отсутствие стремления скрывать свои чувства, характеризует как хорошо адаптированного, не застенчивого ребенка, не агрессивны, не старается уйти от реальности, проявляют упрямство, настойчивость. Дети из разведенных семей по групповому статусу чаще являются изолированными и пренебрегаемыми. Эмоциональный и деловой компоненты не имеют отличия при выборе детей. Большинство детей из разведенных семей по этим двум параметрам выбирают детей из полных семей, данный аспект выявлен при анализе микрогрупп. Анализ методики «Рисунок семьи» был направлен на изучение внутрисемейных отношений и эмоциональной сферы в семье. У 59% детей из разведенных семей наблюдается отсутствие эмоциональной близости, отсутствие у родителей интереса к своему ребенку. Ребенок ощущает себя никому ненужным в своем доме, он подавлен и тревожен, скрывает свои эмоции, чувства и не может выразить их словами или влиять на других. В сравнении с детьми из полных семей данная характеристика присутствует только у 28%. В большинстве случаев дети из разведенных семей на своих рисунках не изображали отсутствующего родителя или рисовали его в отдалении от себя и других членов семьи. Анализ методики «Дом. Дерево. Человек.» был направлен на изучение личности и эмоциональной сферы ребенка: 60% детей из разведенных семей чувствуют нехватку психологической теплоты дома, ощущают себя незащищенными, застенчивыми, пугливыми, присутствует потребность в заботливом контроле ради психологического равновесия; 29% детей имеют депрессивный фон настроения, сильные тенденции к потенциальной агрессивности, наблюдаются трудности при стремлении раскрыться в домашнем кругу; у остальных детей наблюдается отсутствие стремления скрывать свои чувства, характеризует как хорошо адаптированного, не застенчивого ребенка, не агрессивны, не старается уйти от реальности, могут проявлять упрямство, настойчивость, упорство. В большинстве случаев дети из разведенной семьи нарисовали рисунки в черном цвете, в доме отсутствует труба и двери; у человека рот прорисован в виде черточки, что говорит о том, что ребенок склонен скрывать свои чувства, о нехватки психологической теплоты дома и депрессивном фоне настроения; ощущают трудности при стремлении раскрыться в домашнем кругу. Полученные данные по значимым различаем позволяют разработать более оптимальные средства терапии семей после развода. На нашей выборке основными коррекционными моментами является психологический климат в семье после развода, самооценка ребенка, формирование и поддержание уверенности в себе, без фрустрированных состояний и косвенной агрессии в дето- родительских отношениях. Таким образом, в ходе разработки и апробирования авторской методики «Удивительный мир природы вокруг нас» занятия были скорректированы с учетом полученных характеристик семей после развода, приоритетными стали совместные упражнения детей и родителей по снятию эмоционального напряжения, вторая серия упражнения по формированию совместного психологического пространства отличенного от предыдущего (психологического пространство полной семьи), третья серия упражнений для повышения самооценки и уровня уверенности в себе как для родителей (родитель- мать) так и для личности ребенка. Данное эмпирическое исследование раскрывает новые возможности при использовании Арт- терепевтических техник, еще раз демонстрирует Арт- терапию как оптимальное средство позитивного изменения эмоциональных реакций на психологические кризисы в развитие семьи, усиливая эффект социальной адаптации к новым условиям через дополнительную активизацию сенсорных систем в ходе работы с природными материалами, через совместную творческую деятельность родителей и детей, через создание нового оптимального психологического климата в семьях после развода.

Список литературы:

1. Абрамова, Ю. Г. Психология среды: источники и направления развития/Ю. Г. Абрамова//Вопросы психологии. 1995. – № 2. – С. 130–137.
2. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики/Е. Ю. Артемьева. М.: Наука; Смысл, 1999. – 350 с.
3. Знаков, В. В. Психология субъекта как методология понимания человеческого бытия/В. В. Знаков//Психологический журнал. 2003. т. 24. – № 2. С. 95–106.
4. Бурно, М. Е. Терапия творческим самовыражением/М. Е. Бурно, – М., 1989. – 280 с.
5. Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д. Практикум по креативной терапии./Грабенко Т. М. – М.: ТЦ Сфера, 2003. – 310 с.
6. Капиренкова, О. Н. Особенности использования Арт-терапии при психологическом сопровождении семей после развода/Новикова С. П.//Нарушения психического развития у детей –междисциплинарная проблема. Детско-роди-

тельское взаимодействие в условиях психического дизонтогенеза: материалы Международной научно-практической конференции/под ред. Е. В. Семаковой, И. Ю. Машковой. Смоленск, 2015. – 271 с. – С. 132–138.
7. Кожохина, С. К. Растём и развиваемся с помощью искусства./С. К. Кожохина, – СПб.: Речь, 2006. – 267 с.

Yumashev Aleksej Valerievich,
Ph. D., Professor, Department of Prosthetic Dentistry,
I. M. Sechenov First Moscow State Medical University,

Utyuzh Anatolij Sergeevich,
Ph. D., Associate Professor, MD,
Head of Department of Prosthetic
Dentistry I. M. Sechenov First Moscow State Medical University,

Admakin Oleg Ivanovich,
Ph. D. professor Dean of the Faculty of Dentistry.
Head of the department of prevention
and community dentistry, I. M. Sechenov First
Moscow State Medical University,

Nefedova Irina Valerievna,
doctor-intern in the department of Prosthetic Dentistry,
I. M. Sechenov First Moscow State Medical University,
E-mail: rinairis777@yandex.ru

Danilevskaja Anna Jur'evna,
department secretary of Prosthetic Dentistry,
I. M. Sechenov First Moscow State Medical University.

Study of reactive anxiety level among the students of medical university

Abstract: At the present time we can see growing interest to the problem of personal anxiety. Scientific and technological progress, fast development of technologies, innovations cause heightened pace of life, it results in multiple stresses which we experience every day and reflects on psycho-emotional state of people. In addition to that, age-related dynamics of anxiety across the population should be noted. In recent years comparing to previous period the number of children with unstable anxiety and permanent intensive fears has risen, and, in its turn, it considerably increases the risk of development of different neurotic states and neuroses in such people in adult age. Anxiety in contemporary clinical practice is considered to be one of the main triggers underlying the emotional disturbance of a person. There is a wide range of factors predisposing formation of anxiety of a higher level; the most significant factors are constitutional, personological, socially determined, professional. In-depth study of the problem of anxiety among different social groups will allow to optimize diagnostic and treatment process on account of conscious selection by an attending physician of the best corresponding individual therapeutic model on the basis of behavioural special characteristics and patient's personality structure.

Keywords: anxiety, fear, patients, students, study, medical university.

Detailed collection of patient intake, extra- and intra-oral examination are component parts of diagnostic process in clinic of dental orthopaedics. Initial data analysis has determining value. Discovered data are put to the basis of making and implementation of orthopaedic treatment plan. Characteristics of patient's personality are also estimated together with his diet and information about his profession.

In the recent decade, both abroad and in our country, interest to problems of apprehension and anxiety, emotional and mental tension and stress considerably increased. Increasing of level of situative anxiety is the first situation-based emotional reaction to wide variety of stressors; that is why it is inseparable part of emotional sufferings of participants in any personally relevant activities.

First of all, it is associated with steadily growing pace of life of a modern man, technological progress, causing increase of number of predisposing factors. Based on causes of occurrence of different types of anxiety Ch. Spielberger specified two main types of anxiety: situative and personal anxiety. The first one is adaptive reaction of an organism to specific situation and typical for each and all human beings, from the other hand, personal anxiety is individual characteristic of a human

being linked with low excitability threshold of nervous system. And of course, there is a direct correlation between types of anxiety, therefore, their cooperative effect on behavioural characteristics of a human is essential.

General and medical psychology considers the term of anxiety as individual psychological attribute of a human being to experience state of inner agitation and have expectations of negative experience in anticipation of different events. This quality is formed in person under the influence of inner (personal) and external (situation-based) factors. Modern clinical practice pays special attention to establishing of contact and favourable trustworthy microclimate during attendance at the specialist office because it provides more successful realisation of optimal therapeutic strategy and contributes to increasing of performance indicators for carried out curative measures. In view of this, thorough study of individual psychological and behavioural characteristics of patients, somatic, psycho-neurological, surgical, orthopaedic and other specialized profiles is of key importance in the structure of diagnostic process.

During the process of examination of psycho-emotional state, it should be established whether a patient had a negative experience during clinical attendance, what kind of negative factors were presented, whether the patient tried to overcome that state by himself, if yes — how. While delivery of care to the sick, there is a constant risk of conflict situations, which may be divided into two groups: some situations are caused by medical malpractice, other — by personality characteristics of both patient and doctor. In clinical practice, conflicts of the second type occurs most frequently being observed in cases when a doctor is not able to establish atmosphere of confidence during his manipulations or to achieve precision in fulfilling of his decisions.

It must be realized that situative anxiety is not in itself a pathological feature. It occurs as a natural sequence after a real threat to wellbeing, health of a person and his life in general; at the same time, somatic, vegetative and behavioural manifestation of anxiety is a particular danger signal launching the cascade of stress-based neurohumoral reactions focused on avoiding, elimination and overcoming of unfavourable factors.

In apparently healthy patients, in response to stress a wide range of complex adaptive mechanisms launches contributing to stabilization and preventing occurrence of significant shifts in systems of nervous and hormonal regulation. Meanwhile, in patients with over-excitable psyche and heart diseases or cerebral circulation disorder development of psycho-emotional reaction, extremely severe in strength, may lead to massive release of stress hormones and neuromediators, which in their turn may provoke exacerbation of the main somatic pathology to the extent of development of terminal state.

Fear of dental intervention, expectation of potential pain and increase of level of situative anxiety can induce powerful biochemical shifts in the patient's organism expressed in form of different vegetative, vascular and somatoform reactions [2, 26–28; 6, 19–23].

Studies undertaken by D. V. Shanygina (2002) showed that psycho-emotional tension launches mechanism that stabilizes one of the systems of rapid response connected with reactions of free-radical oxidation. During determination of anxiety level (Spielberger test), it was established that at the dental attendance cortisol and catecholamine emission is risen, especially in women. It is proved that personal characteristics in many respects determine degree of manifestation of reactions to acute psycho-emotional stress [1, 267–268].

In the recent years, preliminary questioning of patients has been widely practiced for those who come to clinic of dental orthopaedics. Inquiry form filled up by a patient substantially saves doctor's time and allows more purposefully to perform examination and treatment of the patient. The inquiry form consists of several sections: the first one contains general questions, these questions can be answered in advance or after the first conversation with a doctor, the second one consists of questions allowing to estimate capabilities of a patient to adapt for prostheses, possibilities of receiving of desired treatment effect, personal qualities of the patient, special aspects of his/her speech.

Necessity of paying special attention to psycho-emotional state of a patient during attendance is dictated by specific character of dental clinic which is distinguished by the need of establishing of rather close and often prolonged physical contact of a doctor and patient, outer aesthetic unfavourableness of therapeutic process and also expressed physical discomfort experienced during medical manipulations. In these circumstances preliminary questioning allows in short term to detect and analyse present risks of development of unfavourable emotional expressions and establish the most favourable (taking into account individual, personal and characterological special aspects) and trustworthy atmosphere in dental office [2, 26–28]. Such approach, in its turn, will contribute not only to formation of more comfort climate for all participants of medical process, but will also allow to reduce the risk of possible complications and to improve the prognosis. More than that, positive experience of treatment in dental chair may prevent from occurrence or cancel out already present negative emotional background associated with such procedures.

However, aside from psycho-emotional state of a patient, individual psychological personal characteristics of the second participant of the medical process — doctor, should be given due consideration. As personal characteristics and type of temperament are constituent parts of the most stable and not easily led by any corrective influence character, we suggest to focus on studying of more flexible — behavioural part of psycho-emotional character of a subject.

As previously noted, anxiety is considered to be one of the key factors determining formation of one or another type of reaction to stress situation. Stress situations accompany man throughout all his life. Beside direct professional responsibility, expressed moral pressure determines specific character of medical practice; such pressure is induced by extremely high demands, which society put forward to personality of a

health care provider, preformed ideas of a patient regarding medical process, and also obligation to form favourable emotional background in the context "doctor-patient". Therefore, psycho-emotional state of a health care provider in many aspects predetermines success of medical process, and anxiety level is one of the most important its parameter.

Each of us gets acquainted with the stress related to professional activity at the stage of receiving education. It is often when experience obtained during education makes impact on the whole style and approach to work. That is why for training of highly qualified specialists in medical institutions of higher education it is important to form favourable pedagogical atmosphere aimed at thorough acquisition of knowledge, successful obtaining and consolidation of professional and psychological skills in work with patients.

In view of the above said, the aim of our study was to determine level of anxiety among students of medical university.

Materials and methods. Anxiety level test (Questionnaire of Ch. D. Spielberger — Y. L. Khanin) was carried out among first year students of the I. M. Sechenov First Moscow State Medical University. 23 people made set sample. Of them:

14 people were from the Faculty of General Medicine (1–14 testees);

4 people were from the Public Health Faculty (15–18 testees);

3 people were from the Faculty of Pharmacy (19–21 testees);

2 people were from the Dental Faculty (22–23 testees).

Presented method developed by Ch. D. Spielberger is designed for simultaneous evaluation of two types of anxiety. His scale was adapted for Russian language by Y. L. Khanin. It consists of two scales each of which separately evaluates personal and situative anxiety [3, 88–103; 4, 482].

Result indicator is considered as a level of development of corresponding type of anxiety for such testee. Reactive (situative) anxiety is directly connected with anticipation of getting into precise stress situation and characterized by subjective discomfort, tension, anxiety and vegetative arousal. Naturally, this state is distinguished by instability in time and different intensity depending on the impact of stress situation. Thus, value of the result indicator according to this subscale allows to estimate not only the level of testee's current anxiety, but also determine whether he/she was under the influence of stress situation and what was the intensity of this influence on him/her.

Personal anxiety is a constitutional trait determining inclination to perceive a threat in wide range of situations. In case of high personal anxiety each of these situations will be characterized by stress impact on a subject and will cause in him expressed anxiety. Very strong personal anxiety correlates directly with the presence of neurotic conflict, with emotional and neurotic breakdowns and psychosomatic diseases.

Comparison of results in both subscales permits to estimate individual significance of stress situation for a testee. This scale due to its relative simplicity and effectiveness is widely used in clinical practice for different purposes: determination of expressiveness of anxieties, estimation of state in dynamics etc. [5, 18].

As a result of the study it was discovered that among the first year students 52.2% of them have very high level of anxiety, notably most of them (10 of 12) are the students of the Faculty of General Medicine; 30.4% have high level of anxiety; 8.7% have middle level of anxiety. The rest (8.7%) have low and very low level of anxiety (students of the Faculty of Pharmacy).

Speaking of obtained results, external (situation-based) factors contributing to increase of anxiety should be noted as they are the most flexible and manageable factors. Rational modulation and control of surrounding conditions of social, professional and informal environment allow to create an atmosphere of comfort maximally corresponding to the needs of an individual and contributing to increase of the level of adaptability and self-control. It should be noted that the inquiry was conducted in the dormitory of the university. Thus, change of domicile, separation from parents, changing of social circle, presence of new academic and disciplinary obligations also can be added to the objective reasons of increased anxiety of the first year students of the medical educational institution apart from passing of final exams, entering an institution of higher education and high mental work load that accompany them. In its turn, it requires additional efforts from adaptation mechanisms and may significantly destabilize psycho-emotional state contributing to more massive stressing and as a result increasing of anxiety level. Unfavourable psychological background may be negatively reflected on ability of individual in socialization, acquisition of learning material and obtaining of required professional skills.

Conclusions. We showed that anxiety level among students is very high. Stress situations so acutely experienced at the first year in university may affect learning process as well. Thus, period of adaptation to academic process in a university is a crucial point, and that should be taken into account in designing of curriculum for first year students. Obtained results may be used for optimisation of academic process and for saving of psychological health of students and development of preventive measures regarding desadaptive, asocial forms of behaviour.

References:

1. Shanygina D. V. Psycho-emotional stress of a patient during dental orthopaedic attendance//Current problems of stomatology: Collection of scientific papers. – M, 2002. – P. 267–268.
2. Utyuzh A. S., Yumashev A. V., Samusenkov V. O., Samusenkova K. V., Smirnova A. D. Complex evaluation of state of stress according to indicators of saliva and arterial pressure in dental patients during attendance at orthopaedist's office//Advances of the modern science and education. 2016. T. 1. No. 3. P. 26–28.

3. Spielberger Ch. Conceptual and methodological issues in anxiety research//Apprehension and anxiety/Edited by V. M. Astapov. SPb.: Piter, 2001 – P. 88–103.
4. Spielberger Ch. Anxiety, current trends in theory and research/Ed. Ch. D. Spielberger. New York, 1972. – Vol. 2. – P. 482.
5. Khanin Y. L. Quick guide for the use of the scale of reactive and personal anxiety of Ch. D. Spielberger. L.: LSRIPE, 1976 – P. 18.
6. Yumashev A. V., Admakin O.I, Utyuzh A. S., Fomin I. V., Nefedova I. V. New features in the diagnosis of stress using biomarkers: a study of a-amylase activity and salivation rate of patients in the orthopedic dentistry clinic.//Theoretical and Applied Sciences in the USA. Papers of the 8th International Scientific Conference (April 25, 2016). Cibunet Publishing. New York, USA. 2016. 124 p. P. 19–23.

Sirko Roksolana Ivanovna,
Lviv State University of Vital Activity Safety,
Candidate of psychological sciences, associate professor
E-mail: roksi03@yandex.ru

Methodological approaches to studying the professional aptitude of an individual

Abstract: The article is devoted to methodological approaches to studying professional aptitude of an individual, such as activity, systems, personal, comprehensive. The methodical approaches related to empirical research have also been considered: empirical-experimental, expert, psychographic. The subject-object factors that determine the professional aptitude of the individual have been analyzed as well.

Keywords: professional aptitude, extreme psychology, professional selection.

The issue of professional aptitude of a person has always been the focus of psychologists' attention. The study of this issue has allowed us to conclude that professional aptitude involves, firstly, the assessment of the individual compliance level with the requirements of the occupation; secondly, his/her training background as a specialist in the given activity; his/her successful adaptation to the working conditions, it means, and content. It becomes especially important when it comes to professions with frequent stressful situations, and which pose a threat to life or health. According to the analysis of the literature sources, professional suitability of workers of extreme conditions is studied quite profoundly in today [6; 5; 7; 8; 22]. However, despite the large number of studies of the issue of professional aptitude of the individual in many types of activities has not yet been developed, a number of psychological aspects of this complex phenomenon have not been solved. The issue of professional aptitude is particularly relevant for the representatives of risky professions, including psychologists who work in extreme conditions. Particularly stringent requirements apply to them, because they work in extreme situations involving high risk, impact of negative factors, a large amount of information and little time for its processing, making the right decision and increased responsibility for its implementation.

Currently, the professional literature has developed theoretical and methodological approaches to the issue of professional aptitude of individuals. The attempts have been made to provide its definition, determine the principles, stages, factors, criteria, types, personality development and its deformation. Thus, there are special studies, where the authors define the concept of professional aptitude as a psychological category [4; 5; 8; 20]. These issues are considered in general in terms of professional selection, the process of personality formation or the development of his/her professionally important qualities.

Different authors suggest various definitions of the professional aptitude in the literature sources. There is no single definition of this phenomenon. Thus, V. A. Bodrov, one of the researchers of this problem, defines professional aptitude as a set of individual qualities of a person that affect the success of mastering by him/her of the labor activity and the effectiveness of its implementation [4, P. 5]. In his view, a psychological content of the problem of professional aptitude includes individual human characteristics necessary for the performance of activity and characteristics of the labor object (content, means, conditions, organization of activity) in terms of their compliance with the capabilities of a person.

Some authors identify the professional aptitude with the concept of professional training [5; 6; 8; 9; 20]. In this case, professional aptitude is closely related to two points — professional activity and psychology of personality, which are interrelated. All psychologists are unanimous in the fact that the level of expertise in a particular activity is predetermined by the synthesis of subjective capabilities, skills and activity of the individual, and peculiarities of the means, the content, conditions and organization of activity as a process. Professional aptitude reflects the career choice that would meet the abilities and skills of a person; satisfaction with the chosen

career and the results of work, the level of effectiveness assessment, reliability and safety of labor functions implementation; self-realization and professional self-determination; development of self-concept; building up of the image me-professional.

Considerable theoretical and empirical material on the analysis of conceptual approaches to defining professional aptitude has been accumulated in psycho-pedagogical and medical literature. Among the most common are the systems, comprehensive, personal, activity and competence approaches [1; 3; 10; 12; 13; 14; 17; 18; 19; 21].

The problem of professional aptitude has been studied in psychological science mainly in terms of the systems approach (V. A. Bodrov, B. F. Lomov), which shows the relationship and interdependence of the components of the "person-profession" system [4; 13]. Thus both structural and functional features of a particular activity, and mental properties, processes and individual states are considered.

The activity approach while studying the professional aptitude is quite widespread, which is presented in the works of O. M. Leontiev [12], S. L. Rubinshtein [14], A. N. Smirnov [15] B. M. Teplov [17] who say that the course and the development of various mental processes greatly depends on the content and structure of the activity, on its motives, goals and means.

The personal approach while studying the professional aptitude of a person is analyzed in the works of K. K. Platonov, where he considers the relationship of professional suitability with the peculiarities of motivation, cognitive sphere, emotional and volitional processes, temperament and character [18; 19].

The most promising, according to V. A. Bodrov is a comprehensive approach that has been quite thoroughly developed in terms of the professional selection. Compensation abilities of professionally important qualities of personality are considered [4; 20].

The special literature contains the attempts to develop methodological approaches related to empirical studies [2; 11; 22]. These include empirical-experimental, expert, and psychographic approaches. The empirical-experimental approach involves screening psychological examination of individuals, which makes it possible to determine their professionally important qualities. The expert approach makes it possible to get a list of the properties required for a particular career. A psychogram is developed on the basis of the activity analysis in the psychographic approach that reflects the professional requirements to the individuality of an expert. According to the above listed approaches, a personality, during the analysis of professional aptitude, should be considered in terms of evaluation of the resistant traits that determine the success of the performed activity, in terms of formation and changes in these traits during professional training and future work, and upon change of the very process of activity.

There is a point of view that the main approaches to solving the problem of professional aptitude are profession-centered and anthropometric, but they have not been fully developed yet, there are no empirical studies of this issue as well.

The methodological approaches to psychodiagnostics of professional aptitude, its principles have been singled out during the study of the problem of professional selection. Thus, V. A. Bodrov [4] identifies the following principles of research of professional aptitude: scientific justification; dynamism; activity; differentiated forecasting. These principles allow making a system of professional aptitude analysis the most cost-effective and operational, and enable its correction by means of psychological and vocational training, and ergonomics.

The main methodological provisions to psychological studies that diagnose professional suitability, according I. O. Baklytskyi [2, P. 260] can be considered to be the study of the holistic personality, the analysis of its dynamic sides; comparative correlation of the individual activity in optimal and extreme conditions; special psychodiagnostics of certain personality traits, especially important for the selected occupation.

Such aspects of professional activity as physiological, psychophysiological, medical are quite thoroughly studied today [7; 11; 22].

The physiological aspect is analyzed in terms of adaptation capabilities of the body and its functional reserves [7]. The psychophysiological aspect considers the impact of physiological and psychological functions on the efficiency of activity [11; 22]. The medical aspect of the problem of professional suitability is presented in the works, which show relationship of the labor activity with physical and mental health of the individual [5].

In the sources analyzed by the author much emphasis has been made on professional aptitude assessment criteria [4; 20] and its forecasting. Some researchers identify professional suitability criteria with professional selection criteria, and the latter are determined in the connection with the specific characteristics of the profession in respect of which selection takes place. Thus, H. M. Zarakovskyi and V. I. Medvedev name the following criteria for the assessment of professional aptitude: the nature of the task solved by the business entity; the content of technological operations reflected in the mind of an individual; the set of objective characteristics that can be registered in the process of work; skills that indicate readiness of the individual to achieve standardized performance results [7].

Some authors name the main criterion that determines the professional suitability of a person the degree of development of his/her individual psychological qualities; the level of satisfaction with the process and results of work, occupation, working conditions, social atmosphere in the team; the level of financial support; self-improvement opportunities; the degree of development of individual capabilities to fulfill production functions at a given level of efficiency; evaluation of fulfillment of specific tasks and physiological indicators of "the price of activity", i. e. the degree of tension while performing the tasks [4; 8; 9; 20].

The components of activity are also consider as the criteria of professional aptitude. Thus, according to the concept of H. M. Zarakovskyi and V. I. Medvedev, psychological and physiological content of the activity include four components that regulate the activity: intentional that updates the motives and forms the objectives of the activity; operational, which is the process of transforming information and energy; activation-regulatory, which using the activity of conations manages the first two components; the basic including the functions that provide for the life activity of the body and which are related to the nature of the activity. According to other researchers, motor, cognitive, regulatory elements can be singled out within the activity, and the level of their development is one of the main criteria for the professional aptitude [7].

There is a point of view that the state of mental and physiological functions, which determines the performance level of the individual, is an important criterion of professional aptitude [4]. Functional reliability of the person is also among the criteria, and determines resistance, stability, flexibility of qualities that make it possible to adapt to the factors of activity [5]. The criterion of professional aptitude is also the mental image of activity, which fulfills the corrective function of individual behavior, but in these works the problem of professional aptitude criteria is set more [20].

The problem of types of professional suitability is developed in the psychological literature. In this respect, noteworthy is the classification E. A. Klimov [9; 10], who, based on the psychological and medical aspects, singles out suitability for activity; unsuitability; matching specific field of work; calling of a person to a specific activity. Although this classification is not perfect, it deserves attention and requires experimental confirmation.

The attempts to develop the methods of psychological evaluation of professional aptitude have been made in the scientific sources [11; 20; 22], although this problem is also in its infancy. Psychologists who study the problem of professional aptitude have established the factors that determine this phenomenon. It has been proved that the structure of professional aptitude includes a set of characteristics that determine suitability for a particular job; formed professional knowledge and skills; psychological and psychophysiological attributes that ensure efficiency of activity. Professional characteristics, training, experience, individual strategies and the ways of solving the work-related tasks are relevant in ensuring the aptitude.

A number of works study the subject-object factors that shape professional aptitude. According to V. A. Bodrov [4], suitability for a particular activity is conditioned by the synthesis of capabilities, skills and activity of the individual, as well as by the requirements of the activity, its content, means, conditions and organization.

A significant role is given to the personal attributes of a person that affect the professional suitability. The issue of personal and professional development and becoming a professional has been developed in the works of B. H. Ananiev, A.A Bodaliov [1; 3]. According to B. H. Ananiev the success of the work depends on the structure of skills and talents; sensory motor function, mnemic, logical and emotional-volitional components that evolve into different activities. [1] Close relationship of professional aptitude with a volitional self-regulation, with individual peculiarities of a person, adaptation, with the motives of being successful and avoid failure, with activity in extreme activities has been proven [4].

Having reviewed the literature sources, which analyze the subject-object factors that determine the professional suitability of the individual, we may relate the following to these factors: individual psychophysiological attributes of a person, genetically inherent and formed in the process of education, studying and living conditions, professionally meaningful for specific activities; the required structure of personality; the level of functional readiness; professional qualifications; the state of health, the state of physiological functions; physical development; the prestige of the occupation; skills obtained during the study; the degree of adequacy of reflection of the object of activity by the individual; individual style of work, which determines individually unique way of solving the production issues; self-assessment system; the strategy of behavior; the degree of satisfaction with specific activity; emotional and volitional qualities; attitude to work and occupation; operational readiness for emergency action [6; 5; 7; 8; 16; 22; 21].

References:

1. Anan'ev B. H. Chelovek kak predmet poznanyya. – L: Yzdatel'stvo Lenynhradskoho unyversyteta, 1968. – 340 s.
2. Baklyts'kyy I. O. Psykholohiya pratsi: Pidruchnyk. – 2-he vyd., pererob. i dop. – K.: Znannya, 2008. – 655 s.
3. Bodalev A. A. Lychnost' y obshchenye. – M.: Mezhdunarodnaya pedahohycheskaya akademyya, 1995. – 328s.
4. Bodrov V. A. Psykholohyya professyonal'noy pryhodnosty. Uchebnoe posobye dlya vuzov – M.. PER SJe, 2001–511 s.
5. Hurevych K. M. Professyonal'naya pryhodnost' y osnovnye svoystva nervnoy systemy. – M.: Yzdatel'stvo «Nauka», 1970. – 272 s.
6. Derkach A. A., Zazykyn V. H. Professyonalyzm deyatel'nosty v osobykh y jekstremal'nykh uslovyyakh. – M.: RAHS, 2003. – 154 s.
7. Zarakovskyy H. M. Tselevaya funktsyya adaptatsyy cheloveka (v razvytye ydey Vsevoloda Yvanovycha Medvedeva)//Fyzyolohyya cheloveka, 2014.-N 6.-S.6–14.
8. Yvanova E. M. Osnovy psykholohycheskoho yzuchenyya professyonal'noy deyatel'nosty. –M.: Yzdatel'stvo Moskovskoho unyversyteta, 1987–208 s.
9. Klymov E. A. Psykholohyya professyonala. M.: Yzdatel'stvo «Ynstytut praktycheskoy psykholohyy», Voronezh: NPO «MO-DJeK», 1996–400 s.

10. Klymov E. A. Vvedenye v psykholohyyu truda. Uchebnyk dlya vuzov. – M. Kul'tura y sport, YuNYTY, 1998 – 350 s.
11. Leonova A. B. Psykhodyahnostyka funktsyonal'nykh sostoyanyy cheloveka. – M.: Yzd-vo Mosk. un-ta. 1984. – 200 s.
12. Leont'ev A. N. Deyatel'nost'. Soznanye. Lychnost'. – 2-e yzd. – M.: Polytyzdat, 1977. – 304 s.
13. Lomov B. F. Metodolohycheskye y teoretycheskye problemy psykholohyy – M.: Nauka, 1984. – 444 s.
14. Rubynshteyn S. L. Osnovy obshchey psykholohy: V 2 t. T.1. – M.: Pedahohyka, 1989. – 488s.
15. Smyrnov A. A. Razvytye y sovremennoe sostoyanye psykholohycheskoy nauky v SSSR. – M., 1975. – 350 s.
16. Strelkov Yu. K. Ynzhenernaya y professyonal'naya psykholohyya: Ucheb. posobye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenyy. – M.: Yzdatel'skyy tsentr Akademyya Vysshaya shkola, 2001. – 360 s.
17. Teplov B. M. Problemy yndyvydual'nykh razlychyy. – M., 1961. – 536 s.
18. Platonov K. K. Voprosy psykholohyy truda – M.: Medytsyna, 1970. – 263 s.
19. Platonov K. K. Struktura y razvytye lychnosty: psykholohyya lychnosty. – M.: Nauka, 1986. – 256 s.
20. Professyonal'naya pryhodnost': subektno-deyatel'nostnyy podkhod/Pod red. V. A. Bodrova. – M.: Yzd-vo «Yn- stytut psykholohyy RAN», 2004. – 390 s.
21. Shadrykov V. D. Problemy systemoheneza professyonal'noy deyatel'nosty/V. D. Shadrykov. – M.: Nauka, 1982. – 183 s.
22. Shafran L. M. Teoryya y praktyka professyonal'noho psykhofyzyolohycheskoho otbora moryakov: Monohrafyya//L. M. Shafran, Je. M. Psyadlo. – Odessa: Feniks, 2008. – 292 s.

Section 7. Sociology

Birukova Marina Vasilevna,
National Technical University «Kharkiv Polytechnic Institute»
(NTU «KhPI»), PhD sociology,
E-mail: birmarina@gmail.com

Social projection as a subject of sociological analysis

Abstract: Analysis of existing approaches to the study of social projection and development of copyright subject-praxeological approach.

Keywords: social projection, the subject-praxeological approach.

Бирюкова Марина Васильевна,
Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»,
Профессор кафедры социологии и политологии
E-mail: birmarina@gmail.com

Социальное проектирование как предмет социологического анализа

Аннотация: Анализ существующих подходов к исследованию социального проектирования и выработка авторского субъектно-праксиологического подхода.

Ключевые слова: социальное проектирование, субъектно-праксиологический подход.

Научный интерес к проектированию со времен протосоциологии фокусировался на желании узнать будущее и носил как индивидуальный, личностный, так и общественный характер, содержал как обычные, повседневные данные, так и научное знание, был основан на рациональном или иррациональном контексте.

В то же время проектирование актуализируется в период бурных динамических изменений как социума и процессов, происходящих в нем, так и нарастания кризисных, неопределенных и нелинейных тенденций функционирования социальных институтов. И хотя востребованность знаний и представлений о будущем в обществе неизменно высоко, научный дискурс полон скепсиса относительно возможности познания, воздействия и управления будущим.

Наличие активной полемики о сущности социального проектирования, особенностей его современного контекста, высокий градус общественного интереса и ожиданий от предсказания будущего и мотивирует нас к анализу генезиса социального проектирования и выявления его современного контекста.

Мы считаем, что генезис социального проектирования осуществляется определенными методологическими, теоретическими и практическими траекториями, в которых просматриваются несколько трендов:

- во-первых, функциональный, то есть это процесс становления социального проектирования как функции современной социологии;
- во-вторых, футурологический, то есть контекст проектирования изменяется вследствие изменения в определение сущности будущего и возможности его познания и воздействия на него;
- в-третьих, методологический, то есть становление и развитие собственной методологии и методики самого проектирования, отмежевание его от прогнозирования;
- и, наконец, практическая, то есть развитие практики проектирования.

Цель данной статьи раскрыть особенности каждой из этих траекторий в современного социального проектирования и выявить особенности современного подхода.

Итак, первый тренд — функциональный. В начале XX века, в период расцвета классического социологического знания, формируется прогнозная функция социологии. Проектирование в этот период является составной частью прогнозирования и его задача — разработка проектов как экстраполяция существующих объектов или создания утопических и идеалистических конструктов. К середине XX века проектирование становится самостоятельным и очень важным видом социальной практики, имеет свой предмет, область применения и инструмента-

рий исследования, применяется в различных науках и сферах деятельности.

Соглашаясь с мнением В. Саратовского, утверждавшего, что «наш век, принято называть не иначе, как веком атома и веком космоса, с не меньшим основанием можно назвать и веком проектирования больших систем» [1, С. 17], можно говорить о том, что изменение контекста проектирования и актуализация его в виде функции социологии связана с изменением понятия «социальное». Динамика социальных изменений, утрата аналогий и разрушение устойчивых причинно-следственных связей в развитии социальных процессов, фрагментарность и неопределенность современного социума меняют предмет социологии. Теперь предмет социологии это не только настоящее, но и желаемое будущее.

Расширение границ понятия «социальное» мотивирует социологию, отвечая ожиданиям социума, познавать не только настоящее, но и будущее и отделяет проектирование в качестве отдельной функции социологии. Другими словами, задача социологии, ее функция заключается в предоставлении обществу информации, знаний о поле перспективных возможностей и вероятности выбора при продвижении к желаемому. Именно поэтому проектная функция социологии предоставляет спектр возможных перспектив объекта исследования и оставляет ответственность за принятие решения субъекту.

Вторая траектория развития социального проектирования связана с изменениями представлений о будущем. Дискурс об непознаваемости будущего сопровождает развитие социологического знания. Начиная с середины XX века возникает вопрос не об исследовании надвигающегося будущего, определенного и заданного настоящим, а об конструировании и выборе будущего.

Изменения в представлениях о будущем и возможностях его проектирования связано, в первую очередь, с изменением восприятия истины. Эпоха постмодерна фиксирует неоднозначность истины, возникновение «многих правд» или, как говорят, появление толерантности правдоподобия. Соответственно с такими изменениями меняется и отношение к будущему. Так, Х. Ортега-и-Гассет утверждал, что будущее представляет из себя личностный конструкт, основанный на понимании и соучастия, требуя от личности, общества или иного социального субъекта ответственности за выбор и творческое осмысление. Ученый дает онтологическое обоснование феномена будущего: «Жить — это постоянно решать, чем мы будем» [2, С. 193].

Именно в конце XX в. и в начале XIX в. восприятие будущего, а соответственно и его познание и конструирование (проектирования) становится не просто прихотью или возможным компонентом исследования, а приобретает характеристики обоснованной необходимости. Иными словами становится функцией многих наук, в том числе и социологии.

В частности, современный французский исследователь Юг где Жувенель акцентирует внимание на следующих составляющих будущего: «будущее — область свободы. Будущее — открытая и инвариантная система. При этом «задача специалиста по научному проектированию — это попытка указать на зародыш будущего в настоящем» [3, С. 182]

Другое восприятие будущего представлено в работе Эрика Райта «Реальные утопии». На основе собранного теоретического и эмпирического материала социолог демонстрирует возможность «объединения мечтаний и реальности» [4]. Социолог убежден, что «нам нужны «реальные утопии»: утопические идеалы, связанные с реальными человеческими возможностями; утопические цели, которые имеют вполне реальные способы их достижения; утопические модели институтов, которые будут способствовать решению важных практических задач в условиях существующих социальных изменений » [4]. Райт делает вывод, что утопия становится реальной, когда существуют реально достижимые и жизнеспособные варианты его оформления и внедрения.

Такое восприятие будущего видоизменяет контекст социального проектирования, оно становится теологическим (логика построения от будущего, желаемого к действительному), оно теряет характеристики тотальности и приобретает качества фрагментарности, контекстности, локальности, оно личностно, субъектно избрано, в нем сфокусировано субъектное представление о настоящем, лучшем, желательном и эффективном. Такое социальное проектирование признает равноценность всех и ориентировано на практику, оно базируется на предыдущем социальном опыте и практике субъекта и требует обязательного внедрения в практику. И поэтому мы разделяем мнение Э. Мазини, президента Всемирной федерации изучения будущего, который говорил, что «образцы будущего насыщенные ценностными установками, и сознательно или бессознательно конструируются, исходя из ценностных оценок и ценностных приоритетов их создателей» [Цит по 5, С. 15].

Та же мысль отстаивалась в публикациях В. Степиным [6], согласно которой представление о будущем должно строиться с учетом «культурных универсалий» и по схеме — «мысль предшествует действию».

Третья траектория развития социального проектирования — это тренд развития собственной теории, методологии и практики проектирования. По нашему мнению, за время развития социального проектирования оно прошло несколько этапов: проблемно-ориентированное проектирование; объектно-ориентированное; проблемно-целевое или прогнозное проектирование, субъектно-ориентированное [7]. В рамках нашего исследования, основанного на использовании деятельностного подхода и праксиологии, предлагаем ввести в научный дискурс, такой подход в социальном проектировании, как субъектно-праксиологический. Такое проектирование — это поле возможностей, отражающее переплетение субъектности и разнообразие целей и технологий их достижения,

в которых и проявляется потенциал, инициатива, активность, творчество и свобода субъекта проектирования, и диктата среды, условий и времени реализации проекта. Выбор технологии достижения определяется ценностно-нормативными установками субъекта и его представлениями об эффективности реализации проекта.

Как практика социальное проектирование направлена на изучение проективных практик, тенденций реализации проективной функции социологии и реализуется как практикоориентированные социологические исследования; социопроектно-конструкторская, социоорганизационно технологическая и консультативно-управленческая деятельность.

Таким образом, при анализе социального проектирования приходим к выводу, что оно развивалось от формы познания будущего (классическая социология) к практике построения будущего (постмодернизм). Предложено рассматривать социальное проектирование как теоретическое и практическое поле, в котором развиваются несколько траекторий: функциональная; футурологическая; методологическая; практическая. Современный контекст социального проектирования связан с субъектно-праксилогическим подходом, который основан на постнеклассических принципах (глокальности, нетотальности, фрагментарности, субъектности [8]) предполагает осуществление социологической деятельности в особой стратегии, использует праксиологические методы, учитывает полисубъектность социальных практик.

Список литературы:

1. Саратовский В. Системная деятельность и ее философское осмысление/В. Саратовский//Проблемы диалектики. – Вып. 10. Материалист. диалектика и системный подход. – Л., 1982. – С. 16–18.
2. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. – М.1991. – 174 с.
3. Жувенель Юг де. Стрела времени и конец уверенности//Ключи от XXI века. – М. 2004. с. 182 – 196.
4. Wright E. O. Envisioning Real Utopias. London: Verso, 2010.
5. Косолапова В. XXI век в зеркале футурологии/В. Косолапова, А. Гончаренко – М., 1987. – 158 с.
6. Степин В. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность/В. Степин//Вопр. философии. – 2003. – № 8. – С. 5–17.
7. Луков В. Социальное проектирование: учеб. пособие. – 7-е изд.,/В. Луков. – М.: Изд-во Моск. Гуманит. Ун-та: Флинта, 2007. – 240 с.
8. Бірюкова М. В. У пошуках метозасад сучасної соціології, або стосовно праксіологічного потенціалу української соціології/М. В. Бірюкова, В. І. Подшивалкіна//Соціологія: теорія методи, маркетинг. – 2013. – № 3. – С. 110–125.

Section 8. Philology and linguistics

Tsertsvadze Mzia e Gislaevna,
doctor of philology Professor
of Kutaisi State University named by Akaki Tsereteli,
E-mail: mzia.cercvadze@yandex.ru

Semantic classification of proverbs with names of animals on thematic groups in Russian and Georgian languages

Abstract: In this article semantic classification of paremiological units with names of animals of the Russian and Georgians languages on theme groups, in the comparative plan and as a result of the conducted research is considered, have been defined that they can characterize moral qualities, the social position in society, life experience.

Keywords: paremiological units, zoonyms, comparative analysis, semantic classification.

Церцвадзе Мзия Гиглаевна,
доктор филологии,
ассоцированный проофессор Кутаисского
государственного университета им. А. Церетели
E-mail: mzia.cercvadze@yandex.ru

Семантическая классификация паремий с компонентом-зоонимом антропоцентрической направленности по тематическим группам в русском и грузинском языках

Аннотация: В данной статье рассматривается семантическая классификация паремиологических единиц с названиями животных по тематическим группам в русском и грузинском языках.В результате проведенного исследования было установлено, что они могут характеризовать нравственные качества, взимоотношения с людьми, положение в обществе, жизненный опыт, отношение к труду, поведение, внешность др.

Ключевые слова: паремиологические единицы, зоонимы, сопоставительный анализ, семантическая классификация.

Семантическая типология, как одна из разделов лингвистической типологии, изучает семантическую структуру языка или его подсистем в сравнительном плане, занимается выделением единиц плана содержания, их моделированием, сравнением и выявлением межъязыковых изоморфных алломорфных свойств.

Животный мир богаче, он ближе к человеку, поэтому названия животных шире и чаще используются как эмоциональные средства для характеристики человека.

С целью определения отличительных черт, раскрываемых паремиологическими единицами с зоонимическим компонентом в русском и грузинском языках, нами было проанализировано 130 паремиологических единиц с компонентом-зоонимом, отобранныз методом сплошной выборки из сборников пословиц и поговорок русского и грузинского языков. и представлена их семантическая класификация.

Семантический анализ нашей выборки показал, что в исследуемых языках паремии могут характеризовать:

Нравственные качества:

Осторожность:

• Не поручай волку за овцой присматривать. — მგელს ნუ მიანდობ ვერძის დაცვას [mgels nu miandob verdzis datsvas] — (Не позволяй волку пасти барана) [4, С.60];

• ძაღლმა სიჩქარით ბრმა ლეკვები დაჰყარა [dzaglma sitqarit brma lekvebi dakara] — (Собака торопилась, щенят слепыми родила). — Поспешишь — да людей насмешишь. — [2, С.76];

• С медведем дружись, а за топор держись; Собаки мани, а палку держи. — ძაღლს დაუმეგობრდი და ჯოხს ხელიდან ნუ გააგდებ [dzagls daumegobrdi da xelidan djoxs nu gaagdeb] — (С собакой дружи, а палку держи) [4, С. 119];

• К собаке сзади подходи, к лощади — спереди — თხის წინიდან გეშინოდეს, ცხენისა უკნიდანო [txis tsinidan geshinodes, tcxenisa uknidano] — (Козла обходи сзади, коня спереди) [4, С. 57].

Независимость:

• Не надобна соловью золотая клетка, ему лучше зеленая ветка. Золотая клетка соловью не потеха. — ჩიტი ოქროს გალიაშიც რომ ჩასვა, მაინც ტყვეა [chiti oqros galiashits rom chasva, maints txvea] — (Если птичку держать в золотой клетке, то она всё же чувствует себя в неволе) [4, С. 86].

Верность:

• Собака – друг человека. — კაცი კაცის მტერია, ძაღლი კი ერთგულია [katsi katsis mteria, dzagli ki ertgulia] — (Человек человеку враг, а собака верна до конца) [4, С. 90];

• ძაღლი ბოლომდე ერთგულია, ქალი — შემთხვევამდეო [dzagli bolomde ertgulia, qali — shemtxvevamde] — (Собака верна до конца, а жена — до случая) [2, С. 90].

Корыстолюбие:

• Как собака на сене; сама не ест и другим не дает. — ავი ძაღლი არც თვითონ არ ჭამს, არც სხვას აჭმევსო [avi dzagli arts tviton ar c hams, arts sxvas achmevso] — (Злая собака и сама не есть и других не накормит) [4, С. 61];

• За лвумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. — ორი კურდღლის მაზდევარი ვერც ერთს ვერ დაიჭერს [ori kurdglis mazdevari verts erts ver daichers] — (За лвумя зайцами погонишься ни одного не поймаешь) [4, С. 92];

• Будь лишь мёд, мух много нальнёт; Были бы крошки, а мыши будут. — თაფლი იყოს, თორემ ბუზი ბაღდადიდან მოვა [tapli ikos, torem buzi bagdadidan mova] — (Был бы мед, а муха из Багдада прилетит) [4, С. 10].

Нахальство:

• Вола зовут не пиво пить, хотят на нём лишь воду возить. — ვირს მარილს აზიდვინებენ და არ ალოკინებენო [virs marils azidvineben da ar alokinebeno] — (Соль на осле возили, но лизать ему не давали); ვირს ქორწილში დაუძახენ და წყალი აზიდიენ [virs qortstilshi daudzaxen da tskali azidien] — (Осла на свадьбу позвали, а воду все же на нем возили) [4, С. 22];

• Охочая лошадка всю поклажу везет; На ком сидят, того и погоняют. — აკიდებულ ვირსაო ყველანი წაჰკრავენ წიხლსაო [akidebul virsao kvelani tsakraven tsixlsao] — (Груженого осла все понукают); ვირზე იჯდა, ვირს უშენდა [virze ijda, virs ushenda] — (На осле сидел, осла бил) [4, С.64].

Упрямство:

• Упрям, как осел; Упрям, как бык. — ვირივით ჯიუტი [virivit djiuti] (Упрям, как осел); ჯორივით ჯიუტი [djorivit djiuti] — (Упрям, как бык) [4, С. 135].

Трусость:

• Пуганая ворона куста боится; Кого медведь драл, тот и пня боится. დაშინებულმა ძაღლმა ცხრა წელიწადი ხეს უყეფა [dashinebulma dzaglma tsxra tselitsadi xes ukepa] — (Напуганная собака девять лет на дерево лает) [4, С. 109];

• В своей конуре и собака тигр; Всяк кулик на своем болоте велик; На своей улочке и курочка храбра; И петух на своем пепелище храбрится. — თავის კარებზე ძაღლსაც დიდი გული აქვს [tavis karebze dzaglsats didi guli aqvs] — (Каждая собака у своих ворот храбра) [4, С.3 5, 50];

• Молодец среди овец, а на молодца и сам овца; Мертвый пес зайца не погонит. — მკვდარ ლომს კურდღელიც კი მოსწევს წვერებს [mkvdar loms kurdgelits ki mostsevs tsverebs] — (Мертвого льва и зайцы за бороду могут дергать) [4, С. 65];

• კატა თაგვებში მამაცია მამაციაო. [kata tagvebshi mamatsiao] — (Среди мышей кошка храбра) [2, С. 61];

По мыши и кошка зверь. — თაგვისთვის კატაც ლომია [tagvisatvis katac lomia] — (Для мыши и кошка лев) [2, С. 97].

Кротость:

• И у курицы сердце есть; Бывает, что и таракан кашляет. — ჭიას რომ ფეხს დაადგამენ, ისიც ხმას ამოიღებსო [tias rom pexs daadgamen, isits xmas amoigebs] — (Даже червяк на дыбы встанет) [2, С. 48];

• Сделайся только овцой, а волки готовы — ვისაც ზურგს მიუშვერ, ყველა დიდ ქვას დაგადებსო [visats zurgs miushver, kvela did qvas dagadebso] — (Кому спину ни подставишь, каждый на тебя камень взвалит) [4, С. 95].

Коварство. Лицемерие:

• Льва ловят хитростью. — ლომს ხერხით კოღოც მოერევაო loms xerxit kogots moerevao] — (Ловкостью комар льва победил) [4, С. 58];

• С волками жить — по-волчьи выть. — მგლებში მაცხოვრებელმა ღმუილი უნდა იცოდესო [mglebshi matsxovrebelma gmuili unda itsodes] — (Живя среди волков надо уметь выть по-волчьи) [4, С. 94].

Хвастовство:

• Не убив медведя, шкуры не продавай; Не дели шкуру неубитого медведя; Не поймав курицу шиплют. — კურდღელი ჯერ დაიჭირე, შემდეგ კი შეწვი [kurdgeli djer daichire, shemdeg shetsvi] — (Сначала поймай своего зайца, а уж потом зажарь его) [4, С. 72]; ნუ დაპირდები ქალბატონს იმ დათვის ტყავს, რომელიც არ მოგიკლავსო [nu dapirdebi qalbatons im datvis tkavs, romelits ar mogiklavso] — (Не убив медведя, не обещай госпоже его шкуру) [2. С. 65];

• Всякая лисица свой хвост хвалит. — მელას თავისი კუდი მოსწონსო melas tavisi kudi mostsonso] — (Каждая лиса своим хвостом гордится) [4, С. 2–5].

Враждебность:

• Жить как кошка с собакой (вечно ссориться). — უყვარს, როგორც ძაღლს კატა [ukvars, rogorts dzagls kata] — (Любит как кошка собаку) [2, С. 92];

• Два медведя в одной берлоге не уживутся; Две кошки в одном мешке дружбы не заведут — ორი ყოჩის თავი

ერთ ქვაბში არ მოიხარშება [ori kotis tavi ert qvabshi ar moixarsheba] — Двух бараньих голов в одном котле не сварить) [4, С. 26].

Болтливость:

• Свинья скажет борову, а боров всему городу. — ორმა თუ იცის, ღორმაც იცის [orma tu itsis, gormats itsis] — (Если двое знают, знает и свинья) [4, С. 114].

Благодарность.Неблагодарность:

• Дарёному коню в зубы не смотрят — ნაჩუქარ ცხენს კბილი არ გაესინჯებაო [naqebar tsxens kbili ar gaesindjebao] — (Дарёному коню в зубы не смотрят) [4, С. 52];

• ვირს სჭედნენ და წიხლს ისროლდაო [virs stednen da tsixls isrodao] — (Осла подковывали, а он лягался.) — Я к нему с добром, а он ко мне с дермом [2, С. 24].

Отображение повседневной жизни:

Жизненный опыт:

• Лучше синица в руке, чем журавль в небе; Лучше голубь в тарелке, чем глухарь на току — დღევანდელი კვერცხიო მირჩევნია ხვალინდელ ქათამსო [dgevandeli kvertsxio mirtevnia xvalindel kvertsxsao] — (Лучше яйцо сегодня, чем курица завтра); ნუ მეპირდები ცაში მწყეროს, ხელში მომეც ბეღურაობეღურაო [nu shepirdebi tsashi mtskeros, xelshi momets begurao] — (Не обещай в небесах журавля, дай в руки воробья) [2, С. 92];

• Старая крыса ловушку обходит; Старого воробья на мякине не поймаешь. — დაგეშილი ჩიტი გალიაში არ მოჰხვდებაო [dageshili titi galiashi ar moxvdebao] — (Бывалая птичка в тенета не попадет) [4, С. 105];

• Конь на четырех ногах, и тот спотыкается. — ერთი ალილუია მღვდელსაც შეეშლებაო [erti aliluia mgvdelsats sheeshlebodao] — (Даже поп, читая молитву, ошибается) [4, С. 54];

• Цыплят по осени считают. — წიწილებს შემოდგომაში ითვლიან [tsitsilebs shemodgomashi itvlian] — (Цыплят по осени считают) [4, С. 137].

Характер жизни:

• Одна ласточка весны не делает. — ერთი მერცხლის ჭიკჭიკი გაზაფხულს ვერ მოიყვან [erti mertsxlis tiktiki gazapxuls ver moikvan] — (Песня одной ласточки не делает весну) [2, С. 93];

• Волк и всякий год линяет, а нрава не меняет. — მგელს რომ შვიდი ტყავი გააძრო, მაინც მგელი არისო [mgels ron shvidi tkavi gaadzro maints mgeli ariso] — (Хоть семь шкур с волка спусти, а он все волком останется) [4, С. 12];

• Сколько волка не корми, он всё в лес глядит. — მგელის თავზე სახარებას კითხულობდნენ და გამიშვიო ცხვარმა სერი გადაიარაო [mgelis tavze saxarebas kitxulobdnen da gamishvio tsxvarma seri gadaiarao] — (Волку евангелие читают, а он — в лес просится) [4, С. 122];

• Кошка мышей ловить не устанет, а вор воровать не устанет. — მგელი ვერ გახდება მწყემსი და ქურდი კი წმიდა [mgeli ver gaxdeba mtskemsi, qurdi ki tsminda] — (Волк не станет пастухом, а вор святым) [4, С. 59];

• ძაღლის კუდი შვიდი წელიწადი კალაპოტში იდვა, გამოიღეს და ისევ გაიბრუდდა [dzagli rats ar unda gatsvrtna, kepas maints ar moishlis] — (Собачий хвост семь лет в колодке лежал, но прямым не стал); — Горбатого могила исправит [2, С. 98].

Невезение. Удача

• Не всё коту масленица, придёт и великий пост. — კოკა მუდამ წყალს არ მოიტანსო [koka mudam tskals ar moitans] — (Не всегда кувшин будет воду носить) [4, С. 80];

• Ловит волк, пока волка не поймают. — მგელი იჭერს, მაგრამ მგელსაც იჭერენ [mgeli iters, magram mgelsats iteren] — (Ловит волк, но и волка ловят) [4, С. 61];

• Когда рак на горе свиснет; Когда осёл на дерево влезет; После дождичка в четверг. — როდესაც ბაყაყს კბილი ამოუვა [rodesats bakaks kbili amouva] — (Когда у лягушки зуб появится) [4, С. 57].

Социальную сферу:

Взаимоотношения с окружающими людьми:

• Ворон ворону глаз не выклюет; Волк волка не съест; Собака собаку не съест — ძაღლი ძაღლის ტყავს არ დახევსო [dzagli dzaglis tkavs ar daxevso] — (Собака собачью шкуру не рвет); მგელი მგლის ტყავს არ დახევსო [mgeli mglis tkavs ar daxevso] — (Волк волчью шкуру не рвет) [4, С. 18];

• Одна паршивая овца все стадо портит. — ერთმა ჭუჭყიანმა ღორმა ასი ღორი გასვარა [ertma tutkianma gorma asi gori gasvara] — (Одна грязная свинья испачкала сто сввиней) [4, С. 92];

• С кем поведешься, от того и наберешься. — ხარი ხართან რომ დაამბა ან ზნეს იცვლის ან ფერსაო [xari xartan rom damaba an znes itsvlis an perso] — (Привяжи одного быка рядом с другим — переймет либо цвет, либо привычки) [4, С. 124];

• Яйца курицу учат. — შვილი მამას თამაშს ასწავლიდა [shvili mamas tanashs astsavlida] — (Сын отца танцевать учил) [4, С. 144].

Положение в обществе:

• Всяк кулик своё болото хвалит. — ყველა ფრინველს თავისი ბუდე მოსწონს [kvela prinvels tavisi bude mostsons] — (Каждой птице своё гнездо мило) [4, С. 28];

• Рыба гниет с головы. — თევზი თავიდან აყროლდებაო [tevzi tavidan akroldebao] — (Рыба с воняет с головы) [4, С. 109];

• На безрыбье и рак рыба; За морем и синица птица. — უძაღლო ქვეყანაში კატას აყეფავდენო [udzaxlo qvekanashi katas akepebdneno] — ((В стране, где нет собак, кошки лают) [4, С. 86].

Трудовую деятельность:

• Волка ноги кормят — მგელს მუხლები აჭმევს [mgels muxlebi atmevs] — (Волка ноги кормят) [4, С. 29];

• Рыба в реке — не в руке. — თევზი წყალში არ დაფასდება [tevzi tskalshi ar dapasdeba] — (Рыбу в реке не оценить) [4, С. 110];

• Лакома кошка до рыбки, да в воду лезть не хочется; Без труда не вытащишь и рыбки из пруда. — კატას თევზის ჭამა უყვარს, ფეხის დასველება კი ეჯავრება [katas tevzis tama ukvars, pexis dasveleba ki edjavreba] — (Кот любит рыбу, но не любит мочить лапы) [4, С. 63];

• Чтобы рыбу съесть, надо в воду лезть. — ვისაც თევზი უნდაო, ფეხი სველი უნდაო [visats tevzi undao, pexi sveli undao] — (Кто рыбы хочет, тот и ноги мочит) [4, С. 146].

Поведение:

• На пословного коня и кнута не надо. — კარგი ცხენი მათრახს არ დაირტყამს [kargi tsxeni matraxs ar daitkams]. — (Хороший конь не просит кнута) [4, С. 89];

• С одного вола двух шкур не дерут. — ერთ ხარს ორ ტყავს ვერ გაამრობ [ert xars or tkavs ver gaadzrob] — (С одного вола двух шкур не снять) [4, С. 127];

• Свинья грязи не пройдёт. — ღორი იქ მიიჩქარის, სადაც ბევრი ტალახია gori miitqaris sadats bevri talaxia] — (Свинья туда спешит, где больше грязи) [4, С. 65].

Внешность:

• Маленькая собачка до старости щенок. — პატარა ძაღლი ლეკვად მოკვდებაო [patara dzagli lekvad mokvdebao] — (Маленькая собачка умрет щенком) [4, С. 65];

• Чёрная корова, да белое молоко. — ძროხა შავია და თეთრ რძეს იწველისო [dzroxa shavia da tetr rdzes itsveliso] — (Корова чёрная, но даёт белое молоко) [4, С. 147].

Всего было выявлено более двадцати пяти семантических подгрупп в сопоставляемых языках, но из-за ограниченности объёма нами были представлены лишь некоторые.

Анализ и семантическая классификация паремиологических единиц с компонентом-зоонимом показали, что они чаше всего обозначают отрицательные качества характера человека, чем положительные. Это явление может быть объяснено «острой эмоциональной и речемыслительной реакцией людей именно на отрицательные факты» [1, С. 11].

Таким образом, в результате проведенного семантического анализа русских и грузинских паремий с зоонимическим компонентом, мы выявили, что в соотносимых языках присутствуют одни и те же тематические группы. Их количественный состав оказался почти одинаковым Практически во всех соотносимых тематических группах имелись паремии, совпадающие по семантике, что свидетельствует о близости пословично-поговорного фонда грузинского и русского языков.

Список литературы:

1. Азизова Ф С. Семантическая классификация ФЕНЖ по о тематическим группам/Электронный журнал SCI-ARTICLE.RU, – № 33 за май 2016 года.
2. Грузинско-русские пословицы/под ред. П. Церетели. Тбилиси,1976. – 200 с.
3. Райхштейн А. Д. О сопоставлении фразеологических единиц. Иностранные языки в школе. – М.: 1980. С. 11.
4. Русские пословицы и поговорки и их грузинские и немецкие эквиваленты/сост. В. Куправа. Тбилиси, 1984. – 148 с.

Shpeniuk Iryna Yevhenivna,
Research and Educational Center for Foreign Languages,
National Academy of Sciences of Ukraine, lecturer
E-mail: 3277829@gmail.com

Lexical bundles as etiquette devices in scientific-academic discourse

Abstract: The present paper addresses the role of lexical etiquette bundles in spoken and written scientific-academic discourse. It critically overviews current approaches to such linguistic devices, and provides our own definition of such linguistic devices. They include greetings, thanks, farewells, expressions of maintaining verbal interaction, and advance organizers. Their characteristics are also considered, specifically, within the framework of "communicative act vs. discourse act vs. speech act." Based on the intentions of the communicators, we identified phatic, organizing, informative, stimulating and evaluative discourse acts with lexical etiquette bundles, and calculated their frequency in spoken and written corpora.

Keywords: scientific-academic discourse; linguistic devices; lexical etiquette bundles.

1. Introduction

English has established itself as lingua franca in contemporary life, including the academe, since English is playing a leading role in the dissemination of knowledge all over the world. While considerable attention is given to scientific discourse, what is known as academic (a. k.a. scientific-academic) discourse, i. e. lectures, classroom teaching and textbooks have escaped research scrutiny until quite recently. The study of specific linguistic devices that improve interaction in the classroom and via textbooks will answer the research question: are they important in university-level educational setting? And to what extent?

Thus the present paper deals with such devices, namely, lexical etiquette bundles.

1.1. Lexical bundles. H. E. Palmer [12] and J. Firth [6] were the first to describe the habitual occurrence of a word with another word or other words. They used the term "collocation". Later, M. A. K. Halliday used this term to describe a linguistic unit that is often repeated with one or more other words [8, 33]. In modern linguistics, fixed word combinations have many names such as lexical bundles [1; 2; 4; 5; 9], language forms [18], speech formulas [13], formulaic sequences [15; 17], fixed expressions [10]. Others use the term "prefabricated language", because these units are easy to memorize and restore when they are required [11]. According to S. Yorio, it is this ability of language units that helps us to talk freely, that facilitates communication and attracts the communicators' attention to linguistic structure of discourse instead of focusing on individual words [18]. Similarly, E. Wray says that the use of formulaic sequences diminishes reading or listening efforts [17]. On the other hand, it is also argued that the use of recurrent fixed expressions reflects the maturity of the author, while the lack of these expressions in the text is a marker of a novice writer [8, 236]. In his study of academic prose and speaking, D. Biber suggested the term lexical bundles to describe repetitive utterances consisting of three or more words regardless of their idiomatic character or structure, such as, as a result of, on the other hand, in the case of, it is likely to. The main difference of lexical bundles from other recurring linguistic units is the frequency of their recurrence. If certain combinations of words are repeated over twenty times a million words in five or more texts, they can be called lexical bundles [2, 990].

To summarize, lexical bundles have the following features: 1) fixed linguistic structure; 2) reproducibility of structure; 3) metacommunicative function in discourse with the purpose to regulate speech behavior; 4) frequent recurrence. Lexical bundles may be defined as relatively fixed units that are repeated in typical communicative situations, while performing the metacommunicative function of organizing the communication.

1.2. Identification of lexical etiquette bundles. Politeness is an essential factor of the regulation of human interaction [3]. Politeness is closely related to speech etiquette. Lexical etiquette bundles are fixed communication units reproducible in typical communicative situations. They are: greetings, thanks, farewells, expressions of maintaining verbal interaction, advance organizers.

Lexical etiquette bundles have four major characteristics that distinguish them from other kinds of lexical bundles:

1) recurrent reproduction in speech in typical contexts; 2) specific functional and pragmatic features; 3) conventionality; 4) relative fixedness, caused by limited variability of language structure. For instance, polite disagreement is typical of American scientific-academic discourse through such lexical etiquette bundles: Part of it is true …, However, the other part …, Still, …, Nevertheless, …, Another way to look at that …, A counter-example may be …, An exception to that is …, more or less, in some ways, somehow, sort of, it depends, fifty-fifty, and the other linguistic devices, like epistemic modality words: maybe, perhaps, probably, possibly, doubt. Some expressions are strictly fixed (e. g. Good morning!), while others allow lexical and syntactic variation (e. g. let's begin and let's get started; remember (that) and remember I told (that).

2. The study

The study focuses on the use of lexical bundles with the aim to improve communication in the academic field. First, we collected a corpus of undergraduate textbooks and classroom teaching records (lectures, discussion sections, lab sections, seminars, student presentations, colloquiums, study groups, tutorials) from the Michigan Corpus of Academic Spoken English (MICASE). The most frequent lexical bundles were identified in the whole corpus. Then we analyzed discourse functions of such bundles. Lexical etiquette bundles function in phatic, organizing, informative, stimulating and evaluative discourse acts depending on communicative intentions. Finally, we compared the use of lexical etiquette bundles in spoken and written corpora.

3. Results and discussion

According to the communicative and pragmatic approach, the interaction of communicators takes place within certain communicative events and rests on an activity-based process of information exchange and influence — the communicative act [16, 568]. The basic unit of communicative interaction is a discourse act, i. e. a sequence of speech acts or actions, united by a common thread to fulfill a particular purpose. The communicative act itself is realized in discourse and speech acts. The difference between them is that discourse act involves bigger chunks or fragments of discourse [14, 103]. Structurally, the basic unit of communicative interaction in scientific-academic discourse is as follows: communicative act → discourse act → speech act. For example, in the communicative event "lecture", an introductory communicative act is realized through the phatic discourse act of establishing contact, expressed by metacommunicative speech act (Good morning!) and/or explicit performative (Welcome to …).

Depending on the intentions of the participants of scientific-academic discourse, we identify phatic, organizing, informative, stimulating and evaluative discourse acts. Lexical etiquette bundles help to facilitate phatic discourse acts. They fulfill the function of establishing, maintaining and breaking a contact. In our material, we found 2578 phatic discourse acts that contain lexical etiquette bundles in spoken, and 18 — in written scientific-academic discourse, respectively.

Organizing discourse acts are realized via lexical etiquette bundles denoting topic and subtopic, order of structural parts, developing the ideas, and summarizing the information. They provide structural organization of the discourse, contributing to its gradual development. In our corpus, we found 1665 organizing discourse acts with lexical etiquette bundles in spoken, and 6678 — in written scientific-academic discourse, respectively.

Informative discourse acts are aimed at optimizing information perception. We identified 8535 informative discourse acts with lexical etiquette bundles in spoken and 11545 — in written scientific-academic discourse, respectively.

Stimulating discourse acts express the will of the speaker for the other communicator to do certain actions. These include: requests, advice, offers, and encouragement. Stimulating discourse acts consist of explicit directive speech act to encourage mental or training activities. Avoidance of pressure on the interlocutor is conveyed via indirect directives with lexical etiquette bundles. We found 312 such discourse acts in spoken, and 468 — in written scientific-academic discourse, respectively.

Evaluative discourse acts are realized through such speech acts as praise, compliment, approval or criticism. They create emotional background of verbal interaction that promotes effective transfer of knowledge in educational setting. Positive evaluation prevails in American scientific-academic discourse. Negative evaluation is usually not targeted at the audience, but on the subject of discussion. We identified 4293 evaluative discourse acts with lexical etiquette bundles in spoken, and 54 — in written scientific-academic discourse, respectively. In the analyzed corpus of spoken scientific-academic discourse we found 17383 discourse acts containing bundles, or 24,12% of all discourse acts. The total number of discourse acts containing lexical etiquette bundles in written scientific-academic discourse is 17383 or 24,12% of all discourse acts.

4. Conclusions

We have identified and studied the functional characteristics of lexical etiquette bundles in university-level educational setting. Such bundles were found to occur in phatic, organizing, informative, stimulating and evaluative discourse acts in both spoken and written scientific-academic discourse. Of all discourse acts in scientific-academic discourse under study, almost quarter contain lexical etiquette bundles. This supports our hypothesis that lexical etiquette bundles play an important role as linguistic devices that optimize and facilitate scientific-academic communication. This has also implications for selecting relevant instructional materials while teaching English as a foreign language, with focus on the linguistic devices examined in this paper.

References:

1. Biber D. Lexical bundles in university spoken and written registers/D. Biber, F. Barbieri//English for Specific Purposes. – 2007. – № 26. – P. 263–286.
2. Biber D. Longman Grammar of Spoken and Written English/D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – L.: Longman, 1999. – 1174 p.
3. Brown P. Politeness: some universals in language usage/P. Brown, S. Levinson. –Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
4. Cortes V. Lexical bundles in published and student disciplinary writing: Examples from history and biology/V. Cortes//English for Specific Purposes. – 2004. – № 23. – P. 397–423.
5. Cortes V. Teaching lexical bundles in the disciplines: An example from a writing intensive history class/V. Cortes//Linguistics and Education. – 2006. – № 17. – P. 391–406.
6. Firth J. R. Papers on Linguistics 1934–1951/John Rupert Firth. – London: Oxford University Press, 1957. – 233 p.
7. Halliday M. A. K. Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-semiotic Perspective/M. A. K. Halliday, R. Hasan. –Oxford: Oxford University Press, 1991. – 126 p.
8. Haswell R. H. Gaining ground in college writing: tales of development and interpretation/Richard H. Haswell. –Dallas: Southern Methodist University Press, 1991. – 412 p.
9. Hyland K. As can be seen: Lexical bundles and disciplinary variation/K. Hyland//English for Specific Purposes. – 2008. – № 27. – P. 4–21.
10. Moon R. Fixed expressions and idioms in English: A corpus-based approach/Rosamund Moon. – Oxford: Claredon Press, 1998. – 340 p.
11. Nattinger R. J. Lexical Phrases and Language Teaching/J. R. Nattinger, J. S. DeCarrico. – Oxford: Oxford University Press, 1992. – 218 p.
12. Palmer H. E. Second interim report on English collocations/H. E. Palmer. – Tokyo: Kaitakusha, 1933. – 188 p.
13. Pawley S. Two Puzzles for Linguistic theory: nativelike selection and nativelike fluency/S. Pawley, F. Syder//Language and communication. – London, New York: Longman. – P. 191–226.
14. Prykhodko A. M. Kontsepty i kontseptosystemy v kohnityvno-dyskursuvnii paradyhmi linhvistyky/Anatolii Mykolaiovych Prykhodko. – Zaporizhzhia: Premier, 2008. – 332 p.
15. Schmitt N. Formulaic sequences in action: An introduction/N. Schmitt, R. Carter//Formulaic sequences. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins. – 2004. – P. 1–22.
16. Selivanova O. O. Suchasna linhvistyka: napriamy ta problemy/Olena Olexandrivna Selivanova. – Poltava: Dovkillia. – K, 2008. – 712 p.
17. Wray A. Formulaic language and the lexicon/Alison Wray. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 337 p.
18. Yorio C. Conventionalized language forms and the development of communicative competence/C. Yorio//TESOL Quarterly. – 1980. – № 14. – P. 433–442.

Section 9. Philosophy

Mitina Natalya Georgievna,
Far Eastern State Institute of Arts,
Professor of Department of humanities disciplines
E-mail: Millkonf@yandex.ru

The marxist project in Russia: discursive practices and organization of the proletariat

Abstract: The article deals with the theoretical foundations of Marxism utopia within the life-world concept. Analyzes the discursive practices in the implementation of the Marxist project in Russia.

Keywords: the project, the proletariat, the militarization of labor, a discourse, proto-writing, visualization.

Митина Наталья Георгиевна,
Дальневосточный государственный институт искусств,
профессор кафедры общегуманитарных дисциплин
E-mail: Millkonf@yandex.ru

Марксистский проект в России: дискурсивные практики и организация пролетариата

Аннотация: В статье рассматриваются теоретические основы утопии марксизма в рамках концепции жизненного мира. Анализируются дискурсивные практики в процессе реализации марксистского проекта в России.

Ключевые слова: проект, пролетариат, милитаризация труда, дискурс, прото-письмо, визуализация.

В основе марксизма лежит учение о пролетариате — классе, который должен решить задачу создания нового коммунистического общества. Пролетариат, в свою очередь, выступает в качестве социального тела утопических проектов марксизма. Учение о пролетариате, созданное К. Марксом и его сподвижником Ф. Энгельсом, обосновывает историческое значение и задачи данного класса. Для них рабочий является разрушителем ценностей цивилизации, прежде всего государства, которая создана угнетенными для обеспечения потребностей господствующего класса. В раннем марксизме пролетариат выступает как «самый низший слой современного общества», который, чтобы «подняться» должен все уничтожить насильственным путем [7, 434–435]. Основоположники марксизма приходят к выводу о политической несостоятельности пролетариата, его неспособности к самоорганизации и необходимости его организации для завоевания политической власти [6, 32–33; 7, 447; 24, 201].

Развитие линии государственного марксизма мы наблюдаем у Г. В. Плеханова, который одним из первых привносит его на русскую почву. В своих произведениях он подчеркивает несостоятельность стихийного народного движения [9], на которое рассчитывали предшественники марксизма — народники, и позднее — анархисты. По его мнению, Маркс и Энгельс переоценивали «способность к революционному действию тогдашнего бессознательного большинства пролетариата» эти ошибки необходимо учесть русским марксистам, чтобы не допустить поражения русского пролетариата [8, 298]. Он один из первых среди русских марксистов приходит к выводу о необходимости силы, которая организует пролетариат, так как народное движение не способно «“развиться в высшую коммунистическую форму” без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной рабочей социалистической партии» [9, 28].

Теория государственного марксизма получила дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина. Он, осознав неспособность стихийного элемента к самостоятельному действию, останавливается на теории классовой борьбы [5, 29–40]. Ленин уделяет особое внимание идеи политической организации пролетариата — диктатуре. Данная идея была развита им в учение о диктатуре пролетариата в работе «Государство и революция» [3, 22–26]. Для него пролетарское сознание — стихийный элемент, не способный к самосознанию, только партия, способная внести элемент самосознания, организации в пролетарское движение и привести его к цели — диктатуре пролетариата. С. Жижек в исследовании, посвященном В. И. Ленину, отмечает, что Ленин «“формализовал” Маркса посредством определения Партии как политической формы» ее вмешательства

в историю [2, 51]. Роль партии в организации рабочих отмечает Э. Юнгер, указывая на тот факт, что она является новой формой единства и находится «в культовом отношении к гештальту рабочего» [24, 379].

Теория государственного марксизма получила развитие в этот период в трудах Л. Д. Троцкого. Он, как и другие сторонники государственного марксизма, отмечает руководящую роль партии и подчеркивает необходимость союза пролетариата с крестьянством, без которого нельзя разрешить задачи демократической революции [21, 73; 19, 12]. В качестве способа организации пролетариата в период строительства социализма Троцкий предлагает мобилизацию труда и всеобщую трудовую повинность, которая решается с помощью милитаризации жизни. Кроме партии, в этом процессе руководящая роль отводится профессиональным союзам, «в состав которых должны быть возвращены лучшие рабочие, прошедшие военную школу» [17; 18; 20; 22]. Созидательное начало в фигуре солдата, осознание им своих действий обусловили его использование в мирной жизни, сделали опорой власти в решении задач строительства социализма.

Система, предложенная Троцким, была в дальнейшем использована на стройках социализма И. В. Сталиным. Он так же считал, что «только пролетариат в состоянии объединить и вести за собой распыленные и отсталые слои трудящегося и эксплуатируемого населения». И в этом ему помогает структура Советской власти [16, 35]. После объединения Советов (при лидирующем положении в них рабочих) и подчинения их контролю партии они становятся удобной формой власти для большевиков — власти, которая обеспечивала организацию и контроль над трудящимися. Реализованные государством формы контроля подчинили труд рабочих государству, который усугубился проведением коллективизации в деревне с помощью рабочих — пропагандистов колхозного движения, являвшихся, по мнению Сталина, «лучшими пропагандистами среди крестьянских масс», убедившими крестьян «в преимуществе крупного коллективного хозяйства» [15, 301].

Важную роль в трудовой организации пролетариата и его воспитании играют и практические методы, примененные Сталиным. Это грандиозное строительство периода индустриализации, одним из главных объектов которого, является московское метро, выполнявшее важную идеологическую роль. Исследователь метрореальности М. Рыклин, подчеркивает, что дискурс метро, является насильственной речевой практикой и в его рамках мобилизация и война становятся «чем-то естественным и неизбежным» [10, 1]. В ходе гигантского строительства и связанного с ним развития движения ударников производства происходит «преобразование некультурного метростроевца в культурного» (М. Рыклин выделяет в этом процессе два пути: или осознание своей великой задачи, правильности курса партии, или, как несознательный, он становится врагом и его перевоспитывают) [12, 1]. Он подчеркивает синкретичность системы общественных отношений, которая, по его мнению, приводит к идеологическому обоснованию трудовой установки, к правовому обоснованию данной политической линии [14, 67].

Выводы Рыклина подтверждает исследование Э. Юнгера, который, рассматривая гештальт рабочего, приходит к выводу, что последней и высшей ступенью мобилизации материи рабочего является осуществление тотального характера работы, а результат единства технического пространства и типа выражается в «стирании различий между органическим и механическим миром»; его символом является органическая конструкция [24, 260]. Таким образом, формируется трудовая механическая масса — народ, — уничтожающая индивида и имеющая перед собой единую цель — строительство коммунизма. В данном процессе организации и воспитания пролетария используются все методы от «кнута» (репрессии с целью перевоспитания) до «пряника» (привилегии для ударников производства — Героев социалистического Труда).

М. Рыклин выделяет еще один способ формирования коллективного сознания в сталинском метрополитене: образность метро — фигуры, расположенные в публичных пространствах «воплощают господствующую идеологию публичности, доводя аперсональность массы до логического завершения» [14, 41]. Необходимо остановиться на роли образности. Как уже отмечалось, квалификационный уровень метростроевцев (как и всей рабочей массы) был низок, и это затрудняло для них осознание цели и задач строительства, понимание технической стороны своей работы. Само чтение текста было для них затруднено, многие были неграмотными. Неспособные овладеть текстом, рабочие видели предлагаемый им образ, использованный в оформлении первых станций метрополитена. Визуальный ряд упрощал понимание, он позволил выразить в простой форме техническую идею метро. Это и стало причиной визуализации.

Визуальный образ возвращает к прото-письму, суммирует эффект труда. Визуализация аналогична жесту, который упрощает понимание смысла. Как подчеркивает Ж. Деррида в своей работе «О грамматологии», жест является дикарским письмом, обращенным к зрению, он «предваряет словесный язык». Следовательно, «метафорическое (перво)начало речи пробуждается, открывает глаза в самом средоточии языка». Анализируя работы по языку Ж.-Ж. Руссо, он приходит к выводу, что первый язык был образным [1, 412–415]. При восприятии текста или устной речи может возникнуть ошибка непонимания вследствие разрыва означающих, разрыва смысла. Здесь же, в тексте-фигуре, прото-письме, по выражению Деррида, «означающее как таковое означает опять-таки означающее, а вовсе не саму вещь и не какоелибо непосредственно представленное означаемое». Образ — это вещь, которая «переносится в своего двойника (т. е. в сферу идеальности) для другого». Это изображение, делает заключение Деррида, является аллегорией, а «аллегория — это дикарское изображение» [1, 413, 482–483]. Жест (визуальный

образ) указывает на вещь, предмет, эмоцию, и тем самым делает возможным избегнуть ошибки, непонимания. Визуализация образа, как правило, происходит в утрированной форме, что еще более упрощает понимание и заставляет испытывать простые, однозначные чувства, что объединяет массу. Однако обратное превращение образа в текст требует интеллектуального усилия, к которому пролетарий не способен, происходит деградация сознания до уровня образа. Следовательно, визуальный образ метро означает интеллектуальную деградацию адресата, где для большинства — массы — постижение смысла речи-текста возможно только через идеографический образ.

Процесс визуализации власть продвигала через кинематограф, огромное значение которому придавал В. И. Ленин: «Вы должны твердо помнить, что из всех искусств для нас важнейшим является кино» [4, 579]. Кинопроекты, одобренные советской властью (особенно ярко это проявляется в кинолентах 20–30 — х годов — С. Эйзенштейна «Стачка», А. Довженко «Земля» и др.), минимально используют речь, ее заменяет лозунг или экспрессивный жест, который понятен и узнаваем для массы, в большинстве своем неграмотной. Искусство идет за деградацией адресата. Визуальная проекция соединяется с лозунгом и плакатом. Средства упрощения содержания текста, делавшие его доступным широким массам, способствуют, таким образом, сплочению массы трудового народа, осознающего таким способом свою сопричастность к великому делу.

Прото-письмо, прото-жест направлен на публику — массу, коллектив, а не на отдельного индивида. На данный аспект визуализации указывает и М. Рыклин: «Визуальное измерение в речевой культуре не проходит через фильтры индивидуализации». Главным предметом репрезентации становится масса, все ориентируется на коллективную идентичность. Полное отсутствие персонификации приводит к тому, что любая форма индивидуализации рассматривается как дьявольское начало, как грехопадение. Процесс обезличивания проявляется во всех видах изобразительного искусства (скульптура, фотография, живопись) — взгляд «стирает лицо, уничтожая актом смотрения собственную субстанцию». Данный процесс устремленности «к коллективной идентичности превращает эти изображения в симулякры», подчеркивает М. Рыклин. В итоге коммунальные тела, по выражению Рыклина, расправляются «со всей мыслящей периферией», и сам народ становится «окончательным референтом террора», который деградирует до уровня предмета, нуждающегося в банальном объяснении» [14, 17–18, 45–48, 85]. Поскольку упрощенно понятый большевиками мир возможно было преобразовать только силой, Сталин выбил из этого мира «остатки сложности, свел его к пропагандистским формулам, малейшее сомнение в которых каралось смертью» [11, 25]. Плакат не содержит возможности обсуждения, его нельзя поставить под вопрос, возразить, оспорить. Экономия письменных средств приводит к невозможности интерпретации и, таким образом, закрепляет в сознании адресата заложенный в нем единственный смысл.

В условиях современности, когда речь становится невнятной, а письмо утрачено, отсутствует единый язык, это приводит к использованию языка жестов (например, реклама), мы вновь сталкиваемся с подобным явлением. Однако сегодня это происходит с помощью новых средств, в том числе игры, как указывает Деррида: «Возникновение письма есть возникновение игры…» [1, 120]. Атрибутика того времени отражала идеальный образ, так что фигуры рабочего, колхозницы нельзя было менять, они не были фигурами для игры. Дискурс метрополитена серьезен, прото-письмо не допускает игры. Рыклин следующим образом описывает этот процесс — большевики не расколдовывают мир, очищая его от религиозности, а наоборот «опутывают его многослойной тайной, делают максимально непрозрачным для самих обитателей» и символами «непрозначности установившихся социальных отношений становятся новые культовые сооружения и обряды» [11, 16]. Вовлекая массу в новое социально-идеологическое пространство, сталинизм заменил вопрос: не «участвовать или не участвовать?», на другой — «жить или умереть?». Народ как музыкальный инструмент был готов откликнуться в нужный момент на взмах палочки дирижера — партии [13, 185, 187]. Таким образом, визуализация становилась одним из средств и способов подчинения и террора.

Следовательно, государственный марксизм ставит своей задачей преобразовать стихийное пролетарское сознание, его деструктивное начало в позитивное — через самоорганизацию, воспитав, таким образом, его самосознание, и создать позитивный тип — рабочего-пролетария. Сформированная ранее фигура солдата, созидательное начало в ней, обусловила политику милитаризации труда и использование солдата в строительстве социализма. Эти особенности российской действительности могут быть причиной оформления линии государственного марксизма, делавшего упор на необходимость скорейшего преобразования стихийного начала в организованный класс. И в этом процессе важную роль играют насильственная речевая практика и визуализация, которые выступают в качестве дискурсивных практик в процессе реализации марксистского проекта.

Список литературы:

1. Деррида Ж. О грамматологии/пер. с франц., вступит ст. и комм. Н. С. Автономовой. – Москва: Издательство «Ad Marginem», 2000. 512 с.
2. Жижек С. 13 опытов о Ленине. – М.: Ад Маргинем, 2003. 255 с.

3. Ленин В. И. Государство и революция/В. И. Ленин//Полн. собр. соч.: 5-е изд. М.: Политиздат, 1962–1981. Т. 33. С. 1–120.
4. Ленин В. И. Директивы по киноделу. Примечания/В. И. Ленин//Полн. собр. соч.: 5-е изд. – М.: Политиздат, 1962–1981. Т. 44. С. 360–361.
5. Ленин В. И. Что делать?/В. И. Ленин//Полн. собр. соч.: 5-е изд. – М.: Политиздат, 1963–1981. Т. 6. С. 1–192.
6. Маркс К. Немецкая идеология/К. Маркс, Ф. Энгельс//Соч. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955–1975. Т. 3. С. 7–544.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии/К. Маркс, Ф. Энгельс//Соч. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955–1975. Т. 4. С. 419–459.
8. Плеханов Г. В. Двадцатипятилетие смерти Маркса/Г. В. Плеханов//Соч. М. – Л.: Госиздат, 1923–1927. Т. XVI. С. 285–298.
9. Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба/Г. В. Плеханов//Соч. М. – Л.: Госиздат, 1923–1927. Т. II. С. 27–90.
10. Рыклин М. «Лучший в мире». Топос. 25/10/2005. URL: http://www.topos.ru/article/4128 (дата обращения: 29.08.13). 2 с.
11. Рыклин М. Коммунизм как религия: Интеллектуалы и Октябрьская революция. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. 136 с.
12. Рыклин М. Метродискурс. Окончание. Топос. 14/07/2005. URL: http://www.topos.ru/article/3812 (дата обращения: 29.08.13). 2 с.
13. Рыклин М. Свастика, крест, звезда. Произведение искусства в эпоху управляемой демократии. – М.: Издательство «Логос», 2006. 208 с.
14. Рыклин М. Терроологики. Тарту-Москва: Эйдос, Культура, 1992. 224 с.
15. Сталин И. В. Год Великого перелома. К XII годовщине Октября/И. В. Сталин//Вопросы ленинизма. 11-е изд. – М.: Госполитиздат, 1952. С. 294–305.
16. Сталин И. В. Об основах ленинизма. Лекции, читанные в Свердловском университете/И. В. Сталин//Вопросы ленинизма. 11-е изд. – М.: Госполитиздат, 1952. С. 1–80.
17. Троцкий Л. Д. Мобилизация труда (доклад на объединенном заседании III Съезда совнархозов и Московского совета раб. и кр. депутатов). URL: http://www.litres.ru/lev-trockiy/mobilizaciya-truda-doklad-na-obedine nnom-zasedanii-iii-sezda-sovnarhozov-i-moskovskogo-soveta-rab-i-kr-depu tatov/(дата обращения: 28.08.13). 13 с.
18. Троцкий Л. Д. На пути к социализму. Хозяйственное строительство Советской республики (Приложения). URL: http://www.litres.ru/lev-trockiy/na-puti-k-socializmu-hozyaystvennoe-stroitelstvo-sovetskoy-respubl iki-prilozheniya/?just_bought=1 (дата обращения: 28.08.13). 9 с.
19. Троцкий Л. Д. Новый курс (в редакции 1924 г.). URL: http://www.litres.ru/lev-trockiy/novyy-kurs-v-redakcii-1924/(дата обращения: 28.08.13). 59 с.
20. Троцкий Л. Д. О мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд (тезисы ЦК РКП). URL: http://www.litres.ru/lev-trockiy/o-mobilizacii-industrialnogo-proletariata-tr udovoy-povinnosti-militarizacii-hozyaystva-i-primenenii-voinskih-chasteydlya-hozyaystvenny h-nuzhd -tezisy-ck-rkp/(дата обращения: 28.08.13). 13 с.
21. Троцкий Л. Д. Перманентная революция. URL: http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl004.htm (дата обращения: 28.08.13). 76 с.
22. Троцкий Л. Д. Терроризм и коммунизм. URL: http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl033.htm (дата обращения: 28.08.13). 135 с.
23. Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции»/К. Маркс, Ф. Энгельс//Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955–1975. Т. 22. С. 189–201.
24. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт/Э. Юнгер//Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли. СПб.: Наука, 2000. С. 55–440.

Seregina Tatiana Nikolaevna,
Financial University
under the Russian Federation Government,
E-mail: seregina.tatiana@gmail.com

Axiological basis of the global world

Abstract: The article considers the problem of the formation of value orientations in a globalized world, especially the interrelation of cultural and civilizational processes as defined in the global world. The values of the modern world

must be seen through the prism of historical continuum and philosophical heritage and are formed by the passage of a state of crisis and stability.

Keywords: globalization, culture, civilization, Russian philosophy.

Серегина Татьяна Николаевна,
Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: seregina.tatiana@gmail.com

Аксиологические основания глобального мира

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период»), проект № 15–23–21002.

Аннотация: в статье рассматривается проблема формирования ценностных ориентиров в глобальном мире, особенности взаимосвязи культурных и цивилизационных процессов как определяющих в глобальном мире. Ценности современного мира должны рассматриваться через призму исторического континуума и философского наследия и формируются через прохождение состояний кризиса и стабильности.

Ключевые слова: глобализация, культура, цивилизация, русская философия.

Глобальный мир сформировался в XX веке, пережив кризисы войны, революций, тотального отчуждения межличностных отношений. «Культура развивается через кризисы. Это обязательный этап в развитии каждой культуры» [4, 39]. Кризис этимологически понимаемое состояние переходности, слома, когда существующие средства, способы достижения целей не соответствуют бытию. Кризис является этапом перехода к стабильному состоянию, к которому стремится система.

До XX века миром культуры считался только мир европейский. Классическое понимание бытия культуры основывалось на традиционных, христианских ценностях, ценностях рационализма, прогрессизма, веры в свободу и права человека. «Самим философам могло казаться, что в «идее культуры» они ухватывают действительно всеобщие (базисные) условия культурного бытия человека, значимые для любого исторического времени и пространства, на деле же они возводили во всеобщность нормы и ценности, имеющие значение лишь для европейца, судили о культуре в целом исключительно по ее европейской мерке. По существу, классическая философия в своем понимании культуры стояла на позициях культурного европоцентризма, исходившего из признания безусловного превосходства европейской культуры над всеми остальными» [5, 17].

На смену культурному европоцентризму приходит идея множественности культур, их несводимости друг к другу [5, 18]. Постклассическое понимание культуры и ценностей связано с разочарованием в ценностной модели классического, европоцентристского мира. Ценностные парадигмы классического мира не объясняли исторические события конца 19–20-х веков, они не давали возможность преодоления состояния распада общества и не показывали пути, способы выхода из кризиса. Именно в этой атмосфере формируется новое понимание мироустройства, одной из них стала концепция глобализма.

Переход к современному постнеклассическому обществу связан со сменой культурно-ценностной парадигмы. В философии всегда противопоставляли два понятия, непосредственно относящихся к истории — это цивилизация и культура. Глобализация — это процесс цивилизационный, но глобализация не учитывает индивидуальное и неповторимое, все, что составляет основу культуры. Глобализация менее всего, если сравнивать с экономической или политической сферами, затронула культурную сферу. В цивилизационном процессе она проявляется отчетливее. Культурная сфера бытия не противостоит цивилизационному развитию, но их взаимодействие сохраняет устойчивое равновесие мира. Концепции, формирующиеся в глобалистике, могут дать основу методологии и понимания нового состояния мира.

Аксиологическая составляющая современного мира становится определяющей, она стала основной при научных исследованиях, при анализе социальных, политических процессов развития. Ценности составляют основу культурного единства мира, Г. Риккерт считал, что ценность — «духовная цель, жизненная практическая установка, выражающая живой нерв культуры, смысловое ядро». Такой подход сделал возможным изучение исторического бытия, его можно представить, как смену культурно-ценностных парадигм.

Рациональный, логичный мир, в котором противоречие детерминировало развитие перестал объяснять изменения, происходящие в мире. В XX веке смена рациональной установки повлекла за собой смену ценностной. М. Шелер в работе «Человек и история»: «Чтобы внести смысл в мировой процесс направленность, смысл, ценность, человек может опереться в своем мышлении, в своей воле только на ничто». Человечество осознало сою безосновность и безысходность, Бог, наука, идеи прогресса, развития не отвечали на появившиеся вопросы человечества. Весь XX век философские школы и направления

предлагали различные ценностные ориентации для развития общества, определяли смысловые конструкты развития общества и истории. Осознание кризиса идей прогресса привело к созданию моделей органического роста, нулевого развития, устойчивого развития и связанных с ними попыток создания новых систем ценностей.

История философии знает много вариантов толкования ценностей. Утилитаристы видели в ценностях способ достижения счастья, для позитивистов — это количественная мера полезности, неокантианцы определяли ценности, которые не существуют, но значат. Для трансценденталистов, к которым можно отнести неокантианцев (Виндельбанда, Риккерта) и экзистенциалистов (Бердяева, Хайдеггера, Ясперса) в понимании ценности главное — это ее значимость и способ ее существования. Для фрейдизма — ценность основана на инстинктах, потребностях поклонению и ориентированию.

В русской философии начало XX века также было ознаменовано сменой отношения к историческому, социальному и культурному бытию. Первые годы XX столетия в философских исследованиях можно наблюдать скорее констатацию кризиса, выявлению его особенностей. Особое внимание было уделено проблеме человека как отдельного существа, которое творит социальный и духовный мир. Вместо проблемы лишних людей, проблемы маленького человека стало актуальным бытие усредненного, буржуазного человека, человека массы. Первая попытка анализа ситуации, поиска путей выхода из кризиса была сделана в сборнике «Вехи». Пытаясь понять смену культурной парадигмы общества, они выяснили, что необходим новый подход к самому существу человека. Карсавин вводит понятие «симфоническая личность», такая личность творит ценностный мир. Личность становится творцом, когда она представляет интересы группы людей, она становится выражением ценностного мира семьи, народа. Именно такое видение личности не устраивало Бердяева, Франка, Шестова. Они видели в личности только индивидуальное, уникальное и только таковым существом она может творить и дать надежду человечеству возможность обрести свободу и лучшее общественное устройство.

Для Бердяева, философа, который большую часть своего творчества посвятил миру человека, его сущности, очень важно определить каким образом возможен процесс творения человеком культуры, и в целом возникновение феномена культуры. Как и весь мир, в котором живет человек, культура является миром объективации, отчуждения, отпадения от истинного мира. Все, что рождает культура является выражением падшести человека, неистинности. Но только в культуре человек выражает в полной мере свои творческие возможности, творения духовного и есть проявления истинного ноуменального мира, они показывают обществу возможность перехода в другое состояние. Творцом культуры выступает только индивидуальный человек, никаких общественных, политических общих ценностей он не признает. Личностного индивидуальное начало является боговдохновенным, оно воплощение истинного в мире, по-настоящему ценного. Личность и Бог творят истинные ценности и культуру совместно. Культура в таком случае выступает способом перехода в Царство Духа. Культура — культура духовного, она не может быть выражением срединного, как у Карсавина, она не выражение массового, она всегда выражение аристократизма, а не мещанства, не среднего класса. Культура для Бердяева — это жизненный процесс, ее невозможно измерить. Противоположными качествами обладает цивилизация. Она воплощение торжества демократических ценностей, равенства, торжества техники.

Но культура все-таки принадлежит к миру объективации, она не сможет стать подлинным бытием, в ней только намек на истинное бытие: истина закрепощена в рамках познавательной, рациональной способности, нравственность скованна в рамках добродетельного, нормального поведения, красота выражена в произведениях живописи и литературы, а божественное пробивается в религиозном. Бердяев таким образом хочет подчеркнуть, что подлинное скованно в тисках материального мира, мира в котором человек не может проявить личностное божественное начало полностью, не может возвыситься до исключительно духовного бытия.

Отсюда тема кризиса культуры, которая есть у всех философов начала XX века. Кризис культуры, ее истощение, изживание, технократизации, омассовление приводят к мысли о том, что социальное бытие не способно справиться с вызовами истории. Ни одна социальная структура не способна найти выход из него, в ней нет божественного, духовного. Начиная с 20-х годов Бердяев пытается объяснить кризис и найти способы выхода из него изучая сущность человека, личности. Личность — единственное проявление мира, которое способно страдать, и только через подлинное экзистенциальное страдание личность способна открыть мир духовного, иной мир. Бердяев выстроил систему эсхатологии, где мир культуры — мир творческий, развивающийся, не объективируемый, не несущий на себе груз материального. Эсхатология придает миру смысл и показывает наличие основных ценностей этого мира — свобода, творчество.

В мире объективации культура выполняет особую роль, он возвышает человека над миром объективации, она первичнее, чем любой феномен этого мира, в ней яснее выражено духовное. Именно поэтому уровень общественного развития измеряется уровнем культуры. Бердяев резко выступает против демократического устройства мира, против революций, которые приводят к этому устройству. Они понизили уровень культуры до ее утилитарного использования, она стала средством, а не целью в политике и экономике. Культура стала цивилизацией. Цивилизация создается снизу, большинством, а культура творится сверху и меньшинством. Бердяев трактовал культуру как сакральное начало, ценность культуры в ее корнях, а не в новизне как цивилизация. Культура начала XX века истончилась, христианство потеряло творческие силы.

В культуре существуют два начала классическое и романтическое. Классическое стремится к завершенности, к строгой форме, здесь нет прорывов в трансцендентальное. Христианская культура — романтическая, мир «болен» тоской по трансцендентному, в этом трагедия современной культуры. Начало XX века — это поиск нового, что выше, чем культура. За пределы мира объективации нас может вывести только два феномена, по мнению Бердяева, — это святость и гениальность. Революции прямо противоположны разрешению кризиса. Но и цели культуры, которым должно быть подчиненно общественное развитие, не окончательные, последняя цель — Царство Божие.

Культура не должна изменять общественное, она может поменять только ценности. В работе «Смысл истории» он пишет: «Она осуществляет лишь истину в познании, в философских и научных книгах; добро — в нравах, бытии и общественных установлениях; красоту — в книгах стихов и картинах, в статуях и архитектурных памятниках, в концертах и театральных представлениях; божественное — лишь в культе и религиозной символике» [2, 163].

Цивилизация — состояние общества, в котором разум победил, это разум прагматический, здесь победила воля к жизни, техника разрешила утилитарные проблемы существования, мир получил организацию, но в таком мире невозможно найти личность уникальную, творческую, неповторимую. Даже культура в таком мире становится музеем. Культура не способна бороться с цивилизационными началами, она медлительна и создавая будущее, она черпает творческое в прошлом. Цивилизация всегда направленна в будущее, она футуристична, все в цивилизации происходят быстро, но поверхностно. Культура в эпоху цивилизационной победы — романтическая культура, классический стиль, по мнению Бердяева, невозможен. История проходит через 4 этапа: «варварство, культура, цивилизация и религиозное преображение». Это не этапы в смысле последовательности, это состояния духа.

Федотов видел в человеке гармоничное сочетание эмоционального, рационального и волевого начала. Основная миссия человека — творение культуры как феномена, достижима она благодаря свободе и творчеству как воплощению гармоничного в человеке. Культура придает истории и общественному развитию смысл. По мнению исследователей творчества Федотова, культуроцентричность идей философа в сочетании со знанием фактического материала «обуславливала счастливую органичность и целостность суждений и анализов Федотова по всем частным вопросам» [3, 16]. Культуру же Федотов понимал, как ценностное существо мира. Ядро культуры составляют гуманистические идеи. Задача современной ему философии — это восстановить культуру как свободное и одновременно религиозное начало только тогда кризис возможно преодолеть. Единение этих начал приведет к формированию новой эпохи, к новой христианской культуре. Продолжение ситуации разрыва ведет к торжеству цивилизаторских начал, что означает торжество антигуманных начал. Культура не должна стремится к прогрессу, ее задача — свобода и творчество, общество, построенное на этих началах, на сотрудничестве всех поколений, он назвал Новый Град. В своих работах Федотов делает акцент на исследовании проблем национальной идентичности, духовности, кризиса русской культуры и способах его преодоления. Он полагал, что причиной разрушения основ культуры является разрыв между нравственными основами устройства общества и наукой. Необходимо возвратить в духовные основы общества национальные ценности и традиции русской культуры. В отличие от многих представителей русской эмиграции, которые испытывали чувство вин в происшедшей революционной трагедии в России, он считал, что только народ сможет защитить ценности «высокой» культуры, носителями которых является интеллигенция.

Культурологические мотивы в философии Федотова, как и многих его современников, проникнуты идеями эсхатологизма. В конце истории, когда будет воплощен Небесный Иерусалим произойдет преображении культуры, произведения культуры как творения богочеловечества очистятся от земного и получат истинный, подлинный смысл. Небесный Иерусалим достижим только совместными усилиями человека и Бога.

Федотов отвергает идею бесконечного прогресса, секуляризованной культуры и общества. В СССР «творчество национальной культуры перехвачено», потребности не удовлетворяются, мысль и совесть заглушаются. Поэтому миссия русской эмиграции: «восстановить полифоническую целостность русского духа» [6, 17]. Революция не решила проблем кризиса российской цивилизации, она всего лишь их отодвинула во времени. «Когда пройдет революция и контрреволюция, вся проблематика русской мысли будет стоять по-прежнему перед новыми поколениями России» [6, 17]. Пока русская культура и русская история — это история ожиданий, надежд, чаяний. Он надеялся, что при всей своей катастрофичности русская революция, которую он считал наказанием за грехи русского народа и прежде всего, интеллигенции, всколыхнет лучшие, глубинные национальные особенности культуры. Культура свяжет два мира русской истории: дореволюционный и постреволюционный. Эта будет новая культура Нового града, в основе ее лежат христианские идеи, секуляризованные гуманистические ценности в России оказались неплодотворными, интеллигенция, заменив священника как учителя, не обладает духовными, творческими силами.

Перспективным философским направлением он считал, сформировавшееся в эмиграции течение евразийцев. Недооценка их идей, по мнению Федотова, связана с недостатками российского образования, с узостью исторических подходов в мировоззрении русских мыслителей. Течение евразийцев заставит пересмотреть исторический материал русской культуры.

Другое оригинальное видение культурных процессов представило движение, которое сформировалось в 20-е годы, в эмиграции, и получило название «евразийство». Для них культура понималась как симфоническая личность. В культуре, согласно идее Соловьева, которую они у него переняли, симфоническая личность преображается, раскрывается полнее в коллективе, в общественном целом, нежели в изоляции. При этом культура как организационное целое важнее, чем другие объединение, важнее государства или наци. Основу культуры составляют ценности. Евразийцы резко выступили против ценностей западного мира, которые стали выражением массового общества, общества техники. Основой для развития культуры в России евразийцы читали обращение к восточным ценностям.

Важно отметить, что независимо от философских позиций авторов русского зарубежья все они констатировали состояние кризиса культуры, и предлагая различные пути выхода из него сходились в одном, что основой для изменения мира является изменение роли человека, понимание его значимости в культуре. Человек стал творцом культуры и ценностной парадигмы, ему принадлежит главная роль в обществе. Отдельные работы были посвящены проблеме формированию и функционированию новых ценностей, и путям выхода из кризиса.

Культура в современном мире становится объективной основой для сотрудничества, именно поэтому предпринимаются попытки объединения наших соотечественников за рубежом, проводятся в жизнь программы «Русского мира», с особым вниманием относятся к сохранению русского наследия за рубежом и восстановлению прерванной культурной связи. Россия в силу ее исторического развития представляет собой государство, в котором сосуществует различные религиозные, национальные культуры. Современная российская культурная политика строится на этих основаниях, с учетом опыта такого взаимовлияния и с пониманием самоценности разнообразных культур.

Современная российская культура переживает подобные трансформации. Мы столкнулись с необходимостью определения системы ценностей нового российского общества. Особенность современной ситуации заключается в существовании двух одновременно происходящих процессов: процесса глобализации, в котором участвует Россия и процесса самоопределения российской культуры в постсоветском пространстве. Необходимо одновременно учитывать общемировые процессы, но и процессы сохранения идентичной, национальной культуры России. Наследие российских философов, которые были выразителями «русскости» становится важным аспектом при формировании нового российского менталитета.

Подводя итог всем походам к проблеме сущности ценностей можно выделить два варианта их понимания: ценность как идеальное, трансцендентное и ценность как ситуативное, меняющееся в пространственно-временном континууме. Субъективистский подход к проблеме ценностей приводит к мысли, что общечеловеческие ценности или не существуют, или легко отменяются. Но и наличие трансцендентных ценностей имеет свою слабую сторону: они обесценивают реальный мир человека, прагматическая и позитивистская концепции низводят ценности до уровня пользы.

Можно констатировать бесперспективность старых моделей ценностных императивов, систем. Глобальный мир диктует необходимость формирования новых подходов. В современном, многоаспектном и трансформирующемся мире можно констатировать, что количество ценностей невелико, каждая их них по-разному осваивается человеком или группой людей, по-разному выстраивается иерархия ценностей, но важно, что все они организованы в систему, и по-прежнему истоки ценностей мы находим в культурной среде.

Ценности глобального мира оказывают негативное влияние на развитие, они делают бытие культуры дискретным и усугубляют отчуждение в этом мире. Современный человек не ощущает себя причастным к устойчивым общностям: профессиональным, государственным, классовым. Он поглощен обыденно-повседневным, обычным и среднестатистическим, массовая культура тяготеет к бессознательным архетипам, образы ее культуры универсальны и просты, одномерны. главными механизмами культуры становятся адаптационные механизмы, механизмы сохранения исторической и культурной памяти. Ценности либерализма и демократии, прагматичности, информативности в ущерб творческому, многообразному, новому, формирующемуся.

Сложное общество формирует сложноорганизованное ценностное поле, мы столкнулись с полиморфизмом культуры, культурное разнообразие противостоит глобализационным процессам, но снижает ощущение устойчивости, но именно многообразие, которое на первый взгляд, раскачивает мир устойчивости, и обеспечивает эту устойчивость. Массовая, срединная культура не устраняет раскол в обществе, она не формулирует нравственные идеалы, противоречивость культуры снимается только в элитарной культуре, а не в массовой, срединной культуре. Но освоение, формирование на их основе нормативного поведения, выкристаллизовывание новых смыслов, созданного в мире элитарном культурных ценностей, является необходимым для формирования устойчивого развития мира. Сохранение, транслирование, коммуницирование между слоями культуры является необходимым условием для стабильности общества. Это освоение мира культуры других слоев-единственное условие развития.

Аксиологическое понимание истории предполагает понимание одновременности существования непрерывной истории и дискретной культуры, история, где сняты противопоставления добра и зла, власти и подчинения. Это не всемирная история, идущая к единой цели в духе Гегеля или Маркса, или многообразие независимых и герметичных цивилизаций Шпенглера или Тойнби. Новый

методологией понимания культурно-исторического развития может стать основанная на идеях космизма концепция глобального эволюционизма. Основой для изучения процессов глобального развития может стать философское направление — структурализм с его возможностями замедления и глобализации истории.

Environmental History, как и теории глобальной истории Big History, Cross-cultural studies, мир-системный анализ — попытки междисциплинарного изучения и понимания истории. В российской науке энвайронментальная история получила свое продолжение в теории экологической этики.

Универсальная история — философские, абстрактные концепции, раскрывающие общий смысл человеческой истории, работают не с фактами, а с идеями, которое стоят за фактами. Это теоретические основания конкретных глобальных исторических концепций на основе фактического материала.

Глобальная история развивается в трех направлениях: синергетическое понимание истории, мир-системная теория, учитывающая теоретические основания локальных цивилизаций, история развития мировых держав.

Ценностные основания определяют структуру личности, способ ее ориентирования в мире, определяет смысложизненные проблемы и способ их решения.

Новое понимание сущности личности и ее аксиологических оснований должно основывать на понимании многоаспектности ее бытия как фундаментального свойства. К. В. Бандуровский дает следующее её определение: «участник историко-эволюционного процесса, носитель социальных ролей и программ социотипичного поведения, субъект выбора индивидуального жизненного пути; диалогичное и деятельное существо, сущность которого порождается, преобразуется и отстаивается в совместном существовании с другими людьми; обладатель относительно автономной и устойчивой ценностной системы» [1, 762].

Основы аксиологии личности- экзистенциальные ценности. Космополитизм как следствие разрушения национальных оснований государственно-общественных структур, появления и развития, усиления влияния наднациональных и надгосударственных структур. Космополитизм, как понимание значимости сохранения всепланетарного бытия делает акцент на индивидуальном, личностном развитии, он встает рядом, наряду с ценностью патриотизма.

Глобальные изменения в культуре — это, прежде всего, изменения в отношениях между людьми в обществе, трансформации человека. Субъективность человека проходит через трансформации, которые представляют угрозу духовности человека. Положение усложняется тем, что изменения произошли в очень короткий период времени. Внутренний мир, коммуникации в обществе не соответствуют потребностям и ценностям глобального мира, что грозит всеобщим отчуждением. Внутренний мир человека отстает от уровня технологий, он не успевает за темпами прогресса, ценностный мир меняется другими темпами, что чревато вхождением двойной морали в обыденную жизнь людей, девальвацией общепризнанных ценностей. Возникающие потребности не удовлетворяются, так как общество не выработало механизмы их удовлетворения и в лучшем случае человеку предлагают утилитарные средства, которые приводит к унификации личности. Между тем, человечеству необходимо пересмотреть систему норм, ценностей, типов взаимоотношений в связи с изменяющейся структурой общества.

Всеобщая коммуникация как проявление глобализации грозит форсированием процессов отчуждения между людьми, национальными, региональными культурами. Необходимо выработать систему ценностей, на которой будет основана коммуникация. Сейчас наблюдается тенденция утверждения общения на основе либеральных ценностей, но эти процессы развиваются стихийно, что ведет к риску неконтролируемости данных процессов и как следствие неконтролируемости развития коммуникативного процесса.

Любая коммуникация как диалог, это пересечение традиций, ценностей культур и неизбежно их соперничество. Современное состояние российской культуры ставит под сомнение способность конкурировать с ценностями других культур. Потенциал российской культуры при этом, несомненно, стоит оценивать очень высоко. Важно, что наша культура формировалась как культура межнационального диалога, она создавалась как открытая заимствованиям культура.

Глобальная культура современности предъявляет те же требования и современным национальным, региональным, локальным культурам. Теоретически эти процессы были осмыслены уже русскими философами начала XX века. Главная опасность современного состояния культуры — это ее инвариантность, что приводит к стандартизированности духовного мира, к псведогуманизму и как следствие к отчуждению. Техническая сторона глобальной коммуникации только обостряет эти процессы. Общество становится неопределенным, постоянно меняющимся, человеку не представляется возможность определить себя в этом мире, и мы возвращаемся к ситуации, о которой писали философы: Ортега-и-Гассет — потеря убеждений, традиций, К. Ясперс — отсутствие личной ответственности, своего «Я», кризис культуры — экзистенциалисты, одномерности человека — Г. Маркузе. Все это приводит не просто к кризису идентичности отдельного человека, но и угрозе утраты национальной идентичности.

Подобное состояние личности провоцирует к созданию общества, для которого состояние кризиса является перманентным. Человек в таком обществе перестает быть ценностью. Это общество постантропологическое, в котором идеалы гуманизма дисквалифицированы и не востребованы, «Я» растворяется в общем.

Глобализация вскрыла противоречия в культурном развитии, которые были латентны на протяжении XX века,

когда акцент делался на экономике, политике. Современная глобализация строится на основе гуманистических принципов западной культуры. Глобализация в культуре процесс не объективный, он должен протекать по воле человека, он должен стать частью внутреннего мира человека. Наиболее эффективно это может осуществить культура. Свобода должна стать высшей ценностью, которая помогает преодолевать эти состояния отчуждения и связанные с ним ситуации кризиса, индеферентности личности.

Как никогда стала актуальна проблема управления. Структура мира меняется исключительно быстро, человек не успевает приспосабливаться к ней и выработать механизмы управления этой структурой. Количество информации увеличивается, человечество не осваивает ее, образуя культурно-информационные лакуны. Не осознавая смысла бытия, целей развития человечество ощущает на себе все возрастающие негативные последствия отчуждения.

Культурная политика формируется исходя, из особенностей государственного устройства, особенностей хода истории, ценностей и сформированных на их основе образцов поведения. Главная задача состоит в обеспечении коммуникации между слоями общества, но для этого необходимо создание общего образа народа, формирование формул идентичности.

Список литературы:

1. Бандуровский К. В. Личность. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом, 2013. – 1280 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990. 176 с.
3. Бойков В. Ф. Судьба и грехи России (философско-историческая публицистика Г. П. Федотова)//Федотов Г. П. Судьба и грехи России. Спб., 1991–1992. Т. 1.
4. Гуревич П. С. Бессознательное как фактор культурной динамики//Личность. Культура. Общество.
5. Межуев В. М. Культурология и философия культуры//Культурология. 1997. – № 2–3.
6. Федотов Г. П. Зачем мы здесь?//Современные записки. 1935, – № 58.

Section 10. Science of law

Adnan Jashari, Prof. asoc. Dr.
Faculty of Law, South East European University,
Republic of Macedonia
E-mail: a.jashari@seeu.edu.mk

Egzone Osmanaj,
PhD candidate-South East European University,
Republic of Macedonia
E-mail: egzona.osmanaj@evun.eu

Types of testaments in Albania and France

Abstract: Nowadays in the legislations in all countries the testament is considered as the main form of access to the property of the person due to the act of death. In the legislations of different countries different forms of testaments are recognized by which the decedent's can express their final will of their property for disposal after the period of death. In order to have a legal effect the testament has to be in the format prescribed by the law and under the conditions required by the law. Forms of testament and legal conditions differ from country to country, almost no country recognized the same format of testaments and not as the same are conditions provided for making them. In this paper were treated regular forms of the testaments that are recognized by Albanian and French Law. The main purpose of this paper was to highlight, namely to identify similarities and differences between French and Albanian law in terms of setting up of regular forms of testaments. Based on the analysis of positive legislation French and Albanian referring to regulation of testamentary inheritance as the conclusion from this paper it was drawn that that between these two jurisdictions there are differences in the types and forms of recognized testaments as well as the legal conditions required to be met for the validity of testaments, namely the validity of the notarized testament.

Keywords: testament oleograph, testament authentic or notarial, mystic testament.

Introduction

In the laws of all countries a special attention for the testament legacy is paid, as in the Roman law, nowadays in the laws testament legacy continues to enjoy priority over the law of inheritance. Testament legacy is not set up in the same way in all the countries, respectively format of testaments and legal conditions for the validity of testaments varies from state to state. Basic condition which required to be completed for the validity of the testament in the rights of all countries is considered the ability to make the testament. As the testament is a legal action, that is legal work "mortis causa" it is logical that the validity of the testament it is required from the decedent to possess the ability to act in the moment of making a testament, therefore, the decedent should be able to understand the importance of his/her action. In the laws of all states as capable to make a testament are considered the persons after reaching a certain age and it is also required that such persons should be healthy even in the mental aspect. The age criteria which determines whether a person has the ability to act or not, that is, to be able to make a testament or not varies from country to country, which affects the appearance of conflict of laws in most cases hereditary with presence of foreign element. Under Albanian Law as capable of making a testament in principle are considered persons over 18 years, and under this age the woman if she is married. Furthermore, according to Albanian Law, capable to make a testament are also considered persons over the age of 14 years, if they generate income for their independent work (see article 373 of the Albania Civil Code), whereas, according to French law as capable to make a testament are considered people over age 18 and exceptionally those over 16 years under certain conditions. (see article 907 of the French Civil Code). In this paper were treated the forms of testaments, respectively conditions of form required to be met for the validity of the testament according to Albanian and French Law. This paper aimed to keep evidence of similarities and differences, respectively clashes between Albanian and French Law in terms of setting up of regular forms of testaments. Research arising questions in the context of this paper are:

– What are of regular forms of testaments recognized by the French and Albanian Law, that is, whether these laws recognize these two forms the same forms of testaments or not;

– If the Albanian the French recognize the same types of testaments, then whether there are differences between these two laws in respect to the required final conditions to be met for the validity of the testaments.

Aiming to ascertain the similarities and differences between the legal regulation of the forms of testaments in Albania and France, the paper is based mainly on the method of analysis of legislation and comparative method.

I. Types of testaments in Albania and France

1. Types of testaments to positive legislation in Albania and France

Types of wills legal provisions regulating the forms testament to Albania and France are in their civil code. French Civil Code expressly regulates these regular forms of will:

a) Oleograph Testament;

b) Public Testament (authentic);

c) Mystique Testament (secret) [1].

Same as the French Civil Code, the Albanian Civil Code recognizes oleograph and testament form of public, but unlike FCC, ACC not know the form of mystical testament (secret) then recognizes only two types ACC wills regular:

a) Oleograph Testament; and

b) Public Testament (authentic) [2].

It is worth mentioning that after the ratification of Washington Convention in 1994 in France, International Testament has been applied as a regular form of the testament [3].

1.1 Oleograph Testament

Oleograph Testament presents the most typical form of the testament which is known almost in all legislation states. The most common definition given to oleograph testament in the legal theory and in the legislation of different countries is: "The testament is valid if the decedent has dated and signed with his own hand. The date of the testament must indicate the date month and year. The signature should include the surname of the decedent and at least one of the names and shall be made at the end of the testament" [4]. A similar definition is found find in the French and Albanian Law, namely the French Civil Code article 970 defines the meaning of the testament oleograph as: "The oleograph testament is not valid if it is not written, dated and signed by the hand of the testator", whereas, the Albanian Civil Code article 393 defines the oleograph testament as: "the oleograph testament entirely written by hand of the decedent, including the date and his signature. The date of the testament must indicate the day, month and year. The signature is placed at the end of the testament". From the said statements it appears that for the legal validity of the oleograph testament, necessarily such as the French and the Albanian Law, require to meet the following terms: a) to be entirely written from the beginning to the end of the testator (decedent); b) the date of the drafting of the testament; and c) to be signed by the testator (the decedent). In the legislation of some countries in which the form of the oleograph testament is recognized, it isn't necessarily required to insert the date of drafting of the testament, for example, Macedonian law does not oblige the decedent mark on the drafting of a testament, for the Law of Inheritance Macedonia it is said that for the final lawfulness of testament it is of interest to mark the date of the drafting of the testament [5] but not necessarily, nor German Civil Code for the validity of the oleograph testament does not necessarily need to respect the requirement of setting the date at the testament [6]. Placing of date is considered important for many reasons. Initially, placing of the date in the testament enables to determine whether the decedent at the time of drafting of the testament was healthy in mental aspect, because it might happen for example, that the decedent at the time when the will was drafted was healthy in mental aspect, but later he/she became ill, or vice versa, thus relying on the date placed in testament it can be ascertained if the decedent was healthy or not. Furthermore, in cases when the decedent has drafted more than one testament, the date placed in the testament helps to prove what the testament is valid, relying on the existence of the rule "Later testament has caused the earlier testament to remain without any legal power" [7]. The place where the date is inserted in the testament or the way it is narrated is not very important. Basically date and signature is required to be inserted at the end of the testament, but in European jurisprudence exists opinion that it is not necessary that the signature or date be set at the end of the will. More important it is that the testator signing belong, regardless of where it is located [8]. For the validity of the will is not important, nor the language in which the decedent has written will. The decedent may draft the testament in any language they understand, it does not matter if the testament is written in the native or in any other foreign language. Thus, it is important that the decedent understand the language in which he/she has written the testament [9].

Table 1. — The list of the EU countries in which the oleograph testament is recognized

EU countries in which the oleograph testament is recognized		
Austria	Germany	Slovenia
Belgium	Greece	Spain
Bulgaria	Lithuania	Sweden
Croatia	Luxembourg	Scotland
Czech Republic	Poland	Hungary
Estonia	Romania	Italy
Finland	Slovakia	Latvia
France		

See: European network of registers of wills association (ENRWA) "Europe Wills" Programe Status report on schemes of wills registration and search in Europe Version 10 March 2010 [10].

1.2 Public-authentic Testament

This form of the testament in legislation of different countries as well as in Albanian legislation is named differently as a notarial testament. Authentic or a notarial testament is a form of public testament drafted by a notary as an official at the end of the decedent's will, in the manner and the conditions as stipulated by the law. French Civil Code in article 971 expressly provides that authentic testament takes place in the presence of two notaries or a notary and two witnesses before whom the decedent declares his/her testament. The procedure of making the authentic testament by French Civil Code is: the decedent declares his/her last will in presence of notaries/or a notary and two witnesses, where based on the narration of the decedent one of the notaries and the drafts the testament, further the testament is read and should be signed by the decedent in the presence of the notaries, or a notary and two witnesses. If the decedent declares that he can't sign or is unable to do so, then his statements should be mentioned explicitly in the act and the cause that prevents him/her from signing [11]. Notaries, or the notary should also sign the testament, and the witnesses [12]. According to FCC, the witnesses upon making the authentic testament must be French nationals, are adults who are literate and enjoy their civic rights. Witnesses can be of both genders, but spouses cannot be witnesses to the same testament. Thus, according to the FCC on the occasion of making authentic testament witnesses cannot be legatees, people who are close blood or by marriage up to the fourth degree of inheritance and employees of the notaries [13]. Unlike the French Law, the Albanian Law does not require authentic testament or notary to take place in the presence of two notaries and witnesses, namely article 397 ACC expressly provides that "The testament with notary act is edited by the notary and signed by the decedent in the presence of the notary". Thus, according to Albanian Law notarial testament is made by the notary without the presence of witnesses. Even the German Civil Code, the same as ACC related to validity of the notary testament sees no need for the presence of witnesses in the case of making the testament [14]. In most jurisdictions of the states in setting up the form of notarial testament it is provided that the testament should be notarized in the presence of a notary and two witnesses. It is worth noting that the Albanian Civil Code of 1929 (drawn on basis of the French Civil Code) recognized the mystic testament as a form of authentic (notarial testament) or according to the provisions contained in this code notarial act testament could be public and secret. Notarial testament drafted by a public notary in the presence of four witnesses, or in the presence of two notaries and two witnesses had to be signed by the decedent, that is the notaries and the present witnesses. Whereas, the secret testament may be written by the decedent or by another person and had always to be signed by the decedent and testament was rolled safely, sealed by a notary in the presence of four witnesses. Notary by his act in which the testament was closed drafted the act of reception upon the delivery of the testament, which should contain the delivery fact of the testament, declaration of the decedent, number and type of the seal and the presence of the witnesses [15].

Table 2. — The list of the EU countries in which the authentic testament is recognized

EU countries in which the authentic testament is recognized		
Austria	Germany	The Netherlands
Belgium	Greece	Polond
Bulgaria	Hungary	Portugal
Croatia	Italy	Romania
Czech Republic	Latvia	Slovakia
Denmark	Lithuania	Slovenia
Estonia	Luxembourg	Spain
France	Malta	

See: European network of registers of wills association (ENRWA) "Europe Wills" Programe Status report on schemes of Wills registration and search in Europe Version 10 March 2010 [16].

1.3 Mystic Testament (secret)

Different from authentic testament drafted by the notary on the basis of the statement of the decedent, upon the drafting of the mystic testament the notary does not participate. The mystic testament is written by the decedent or by another person, but it must be always signed by the decedent [17]. The procedure of making a mystic testament by FCC is [18] the decedent himself/herself drafts the testament, or any other person, then the legacy document in which is the testament written presents the same closed and sealed to the notary in the presence of two witnesses, or decedent closes and seal it in their presence and the decedent must declare that the content of the document is his/her testament signed and written by him/her or written by another person. In cases when the testament is written by another person from the decedent it is required from him/her to personally verify that the contents of the testament. After submission of the testament, the notary must draft a signing act, which is signed by himself/herself, the witnesses and the decedent. This act of signature should include the date, the place where the testament was made and should be mentioned in all other formalities that are carried out. According to FCC, those who do not know or are not able to read, can't make a mystic testament, whereas, persons who are unable to speak but can write, can make a mystic testament, provided that the testament should be written by him/her or by another person but signed by him/her [19].

Table 3. — The list of the EU countries in which the mystic testament is recognized

EU countries in which the mystic testament is recognized		
Belgium	Italy	Portugal
Czech Republic	Luxembourg	Romania
France	Malta	Slovenia
Greece	The Netherlands	Spain
Hungary		

See: European network of registers of wills association (ENRWA) "Europe Wills" Programe Status report on schemes of Wills registration and search in Europe Version 10 March 2010 [20].

Conclusion

From what has been discussed above we may conclude that among the Albanian and French Law there are important differences in particular in terms of final conditions required for the validity of the authentic (notarial) testament.

According to French Law three regular types of testaments are recognized: the oleograph testament; notaries and mystic testament, Albanian Law recognizes the same format of the first two testaments, therefore oleograph and notarial testament, but not the mystic testament. Regarding the regulation of the oleograph testament between Albanian and French Law there are no differences, respectively with both of these laws, the form of testament oleograph set up in the same way. For the validity oleograph will the French Law as obligatory as well the Albanian and they require to meet the following conditions: a) to be written entirely from the beginning to the end from the decedent; b) the date of the drafting of the testament; and c) to be signed by the decedent.

On the other hand, in terms for setting up the form that authentic or a notarial testament between French and Albanian Law significant differences are expressed. As the French Law for the validity of the notarized testament requires to draft the testament in the presence of two notaries, or a notary and two witnesses, the Albanian Law for the validity of the notarized testament doesn't require as necessary the presence of witnesses in the case making the testament, respectively according to Albanian Law notarial testament is made by a notary without any witnesses.

References:

1. The French Civil Code, see article 968. (Translated by Georges Rouhette, professor of Law, with the assistance of Anne Berton, Research Assistant in English: (Available at: https://phalthy.files.wordpress.com/2006/11/civil-code-france.doc).
2. Law no.7850 date 29.07. 1994 Civil Code of the Republic of Albania, see article 392; Kenneth G. C. Reid, Marius Johannes De Waal, Reinhard Zimmermann, Comparative Succession Law Volume 1 Testamentary Formalities, Oxford University 2011 P. 65.
3. Juliana Latifi & Ridvana Ruçi, Types of Testaments in World Legislations, Journals "Avokatia" Vol. 12, Tirana 2014; (Available at: avokatia.al/revista/avokatia-12/itemlist/? start=42 visited by date 14.05.2015).
4. Law no.47/96 on Inheritance in Republic of Macedonia, see article 66.
5. George A. Pelletier Jr. and Michael Roy Sonnenreich, A Comparative Analysis of Civil Law Succession, 11 Vill. L. Rev. 323 1966 P. 23; (Available at: http://digitalcommons.law.villanova.edu/vlr/vol11/iss2/3)
6. Hamdi Podvorica, Inheritance Law. Prishtina 2010 P. 133.
7. Juliana Latifi & Ridvana Ruçi, Types of Testaments in World Legislations, Journals "Avokatia" Vol. 12, Tirana 2014; (Available at: avokatia.al/revista/avokatia-12/itemlist/? start=42 visited by date 14.05.2015).
8. Hamdi Podvorica, Inheritance Law. Prishtina 2010 P. 131.
9. Status Report -European network of registers of wills association (ENRWA) "Europe Wills" Programe Status report on schemes of Wills registration and search in Europe Version 10 March 2010 (Available at http://www.arert.eu/IMG/pdf/etat-deslieux-2010–03–10-EN.pdf)
10. The French Civil Code, see article 972 and 973.
11. The French Civil Code, see article 974.
12. The French Civil Code, see article 980 and 975.
13. The German Civil Code, see article 2232.
14. Adrian Nuni & Luan Hasneziri, Civil Right III (Inheritance). Tirana 2010. P. 358.
15. Status Report -European network of registers of wills association (ENRWA) "Europe Wills" Programe Status report on schemes of Wills registration and search in Europe Version 10 March 2010 (Available at http://www.arert.eu/IMG/pdf/etat-deslieux-2010–03–10-EN.pdf)
16. Irina Gvelesiani, Testate Succession France and Lithuanian Legal Systems. Academic Journal of Interdiciplinary Studies MSCER Vol 3 No3. Rome Italy June 2014 P. 220; (Available at: http://www.mcser.org/journal/index.php/ajis/article/viewFile/3411/3352)
17. The French Civil Code, see article 976.

18. The French Civil Code, see article 978 and 979.
19. Status Report -European network of registers of wills association (ENRWA) "Europe Wills" Programe Status report on schem es of Wills registration and search in Europe Version 10 March 2010 (Available at http://www.arert.eu/IMG/pdf/etat-deslieux-2010–03–10-EN.pdf)

Contents

Section 1. Journalism 3

Barlybayeva Saule
Convergence journalism — journalism of new time 3

Section 2. Study of art 6

Jafarova Natavan Eyub
Performing arts as the practice of actual intonation 6

Tursunaliev Sultan Sharshabekovich
To the question of the adaptation of the Kyrgyz epics in the context of world cinema 10

Section 3. History and archaeology 13

Aghayev Yusif Shukur
Art of war of Huns 13

Borbotko Pavel Valentinovich
Particulars of the legal policy of the ruling parties of the Weimar Republic in 1919–1923 years 19

Taskuzhina Aigul Baktygereevna, Isenov Otegen Ihsanovich, Anosova Aynur Bektursynovna
The colonial policy of tsarism in the Junior and Middle zhuzah in the first half of the XVIII century 21

Pogrebennyk Andriy Ivanovich
Slavic religious dualism in the X–XV-th centuries: Bulgarian bogomils as a factor in the emergence and spread of the Albigensian catharism ideology 25

Section 4. Philology and linguistics 29

Malakhov Sergey Viktorovich
Similarity in the names of some Old World straits 29

Section 5. Pedagogy 33

Vysikailo Tatyana Vladimirovna
Appluing the creative method of teaching art courses in special secondary schools 33

Sayko Natalia Alexandrovna
Problems of professional training of social teachers in Ukraine 35

Teziev Taymuraz Muratovich, Sokolova Elena Ivanovna, Khabalova Fatima Soslanbekovna
Forms of monitoring and methods of active teaching 39

Section 6. Psychology 42

Kapirenkova Oxana Nikolaevnas, Novikova Svetlana Petrovna
Psychological tracking of families after divorce by the methods of art- of the therapeutic action 42

Yumashev Aleksej Valerievich, Utyuzh Anatolij Sergeevich, Admakin Oleg Ivanovich, Nefedova Irina Valerievna, Danilevskaja Anna Jur'evna
Study of reactive anxiety level among the students of medical university 45

Sirko Roksolana Ivanovna
Methodological approaches to studying the professional aptitude of an individual 48

Section 7. Sociology 52

Birukova Marina Vasilevna
Social projection as a subject of sociological analysis 52

Section 8. Philology and linguistics **55**

Tsertsvadze Mzia e Gislaevna
Semantic classification of proverbs with names of animals on thematic groups in Russian and Georgian languages 55

Shpeniuk Iryna Yevhenivna
Lexical bundles as etiquette devices in scientific-academic discourse 58

Section 9. Philosophy **61**

Mitina Natalya Georgievna
The marxist project in Russia: discursive practices and organization of the proletariat 61

Seregina Tatiana Nikolaevna
Axiological basis of the global world 64

Section 10. Science of law **71**

Adnan Jashari, Egzone Osmanaj
Types of testaments in Albania and France 71